

МОНГОЛЫ НА ВОЛГЕ

УДК 94(470.44/.47).031+902/904(470.44/.47) | 653 |
ББК 63.3(235.54)43+63.4(235.54)
Р19

Ракушин Алексей Иванович

Монголы на Волге (обретение новой родины: от завоевания к ассими-**Р19**
ляции) / А. И. Ракушин ; отв. ред. Л. Ф. Недашковский . – Саратов :
Типография «Техно-Декор», 2016. – 96 с. : рис.

В книге ярко рассказывается о монгольском завоевании Восточной Европы и о различных монгольских племенах, поселившихся в Нижнем Поволжье и на других золотоордынских территориях. Рассматриваются вопросы об этнических контактах монголов с местным кочевым населением Восточной Европы и Северо-Западной Азии, намного превосходившим монголов по численности не только в окраинных областях Улуса Джучи, но даже в домене золотоордынских ханов, в Нижнем Поволжье, где численность выходцев из Центральной Азии была наибольшей. Анализируются также становление клановой структуры кочевников Золотой Орды и функционирование пастбищно-кочевой системы в Нижнем Поволжье.

Данный труд будет интересен не только специалистам по истории и археологии, но и широкому кругу читателей, интересующихся прошлым Восточной Европы в целом, и Поволжья в частности.

Издание осуществлено при поддержке
Александра Олеговича Портного

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р
доктор исторических наук,
доцент кафедры археологии и этнологии
Казанского (Приволжского) федерального университета
Л. Ф. Недашковский

УДК 94(470.44/.47).031+902/904(470.44/.47) | 653 |
ББК 63.3(235.54)43+63.4(235.54)

А. И. Ракушин

Монголы на Волге
(обретение новой родины: от завоевания к ассимиляции)

Саратов 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	7
Глава 1. Монгольские племена Улуса Джучи.	10
Глава 2. Варианты этнических контактов монголов в Золотой Орде.	29
Глава 3. Война за Дешт-и-Кыпчак.	38
Глава 4. Становление клановой структуры кочевников Золотой Орды.	59
Глава 5. Пастбищно-кочевая система золотоордынских кочевников Нижнего Поволжья.	68
Заключение.	81
Список источников и литературы.	87
Иллюстрации.	94

Предисловие

Предлагаемая читателю книга представляет собой обобщение материалов многолетних исследований автора в области истории и археологии поволжских кочевников золотоордынской эпохи.

История Золотой Орды имеет непосредственное отношение к истории не только России, но и других государств, на территории которых она располагалась – Молдовы, Украины, Казахстана и Узбекистана. В последние десятилетия значительно вырос интерес к золотоордынской проблематике, как среди ученых, так и среди широких слоев общественности.

В XIII веке в результате завоеваний Чингисхана и его преемников основная часть Евразии оказалась включенной в состав Монгольской империи. Северо-западная часть этих огромных территорий оказалась под властью потомков Джучи, старшего сына Чингисхана. В современной литературе джучидское государство обычно называется Золотой Ордой. Государство Джучидов простиралось от Дуная на западе до бассейна Оби на востоке и от Хорезма и Северного Кавказа на юге до Прикамья на севере. Во второй половине XIII – XIV вв. основные торговые пути, связывающие страны Западной Европы с Восточной Азией (иногда называемые «Великим шелковым путем») сместились на север и шли через территорию Золотой Орды. Это было связано с потерей европейцами старых торговых путей, проходивших через Ближний Восток, в результате полного поражения крестоносцев в Палестине в XII – XIII вв., а также с непрерывными войнами иранских Хулагуидов с египетскими Мамлюками.

Золотая Орда была одним из крупнейших государств средневековья, существовавших во второй половине XIII – второй четверти XV вв. В этот период наблюдался расцвет городов и ремесел, обусловленный протекционизмом ханской власти, а также мощный подъем торговли; имелось развитое сельскохозяйственное производство, специфические политические институты и социальные отношения. Золотоордынскую державу отличал высокий уровень развития монетного обращения, в том числе мелкого розничного торгова.

Улус Джучи имел две основные экономические составляющие: мир степных кочевников и оседлые сельскохозяйственные земли с городами. Данная книга посвящена рассмотрению первой из них – на материалах изучения монголов и истории их пребывания в Нижнем Поволжье.

Нижнее Поволжье являлось экономическим и политическим центром Улуса Джучи, средоточием всех торговых путей государства вплоть до его распада. Здесь был домен золотоордынских ханов, кочевали их ставки. С 40 – 50-х гг. XIII в. начинается градостроительная деятельность золотоордынских ханов в Нижнем Поволжье. Как писал Г.А.Федоров-Давыдов, «Нижняя Волга, где строились новые города, представляла собой благоприятное сочетание удобных для земледелия пойменных низин, заросших лесом берегов реки и обширных степей, где можно было пасти огромные стада и вольно кочевать. К тому же, расположившись здесь, золотоордынские ханы держали в своих руках важную торговую магистраль всей Восточной Европы – Волгу. Именно здесь пути, ведущие с севера по Волге и далее

по Каспийскому морю в Закавказье, Иран и Среднюю Азию, перекрещивались с караванными путями из городов Причерноморья и из Азака на восток, через степи Казахстана в пустыни Приаралья» [Федоров-Давыдов, 1994. С.11].

В книге ярко рассказывается о монгольском завоевании Восточной Европы и о различных монгольских племенах, поселившихся в Нижнем Поволжье и на других золотоордынских территориях. Рассматриваются вопросы об этнических контактах монголов с местным кочевым населением Восточной Европы и Северо-Западной Азии, намного превосходившим монголов по численности не только в окраинных областях Улуса Джучи, но даже в домене золотоордынских ханов, в Нижнем Поволжье, где численность выходцев из Центральной Азии была наибольшей. Анализируются также становление клановой структуры кочевников Золотой Орды и функционирование пастбищно-кочевой системы в Нижнем Поволжье.

Автор книги опирается на обширную базу письменных и археологических источников, которыми он прекрасно владеет. Привлечен широкий круг научной литературы, в том числе самой современной, рассматриваются новые концепции, предложенные другими авторами. А.И. Ракушин предлагает свое видение многих сложных исторических проблем исследования золотоордынской эпохи и периода монгольских завоеваний.

Данный труд будет, несомненно, интересен не только специалистам по истории и археологии, но и широкому кругу читателей, интересующихся прошлым Восточной Европы в целом, и Поволжья в частности.

Л.Ф. Недашковский

Введение

«Слушай, царевич Джочи!
Хаган, твой отец, отправляет тебя
в захваченную землю,
Чтобы ты управлял чужим народом.
Будь же тверд!...
...Говорят, есть река,
нельзя переправиться через нее;
Ты же не думай, что тебе не переправиться;
Если не думаешь, то ты переправишься!
Если не будет при той переправе тревоги,
То на другой стороне той реки
Тебя готовы встретить повозки и юрты!»

«Алтан тобчи (Золотое сказание)»
[Золотая Орда, 2009, С.317 - 318].

Начиная с гуннского вторжения и заканчивая переселением джунгарских племен, позднее известных как калмыки, степи Евразии представляли собой тысячекилометровый коридор между зонами лесов и пустынь, в котором происходило постоянное передвижение кочевников с востока на запад, в результате чего одна волна нашествия номадов захлестывала другую, а победители и побежденные неизбежно перемешивались между собой. Каждая из кочевых орд, переправившись через Волгу, попадала в западную часть евразийских степей, где их судьба уже складывалась по-разному. Одни из них, такие как гунны и авары, бесследно исчезали, потерпев поражение от более удачливых соперников за господство в этих степях: «Погибоша аки обре; их же несть племени ни наследка», – писал об аварах летописец [ПВЛ, 1950. С.14]. Другие закреплялись на завоеванных территориях и основывали свои государственные образования, впоследствии занявшие свое место в средневековой истории Восточной Европы, наиболее известные из них – Хазарский каганат, Волжская и Дунайская Болгарии, государство Магьяр-Венгров, и, конечно же, Золотая Орда [Степи Евразии, 1981. С.6].

В начале XIII в. в евразийских степях на смену различным, преимущественно тюркским династиям, стоявшим во главе разнородных кочевых конфедераций племен, пришла одна – Чингизиды. В южнорусских степях, где в домонгольское время тоже сформировалось несколько аристократических родов половецких ханов, власть перешла потомкам старшего сына Чингизхана – Джучидам. К 1206 г. Чингизхан, согласно традиционному монгольскому праву, принял решение разделить все имеющееся у него войско между своими наследниками и соратниками. В удел Джучи отошло всего 4 тыс. монгольского войска [Рашид ад-Дин, 1952. С.274]. Численность противников монголов – половцев можно подсчитать исходя из того, что на это время в южнорусских степях кочевало около

12 – 15 орд средней численностью 40 тыс. человек каждая. Если считать, что традиционное соотношение количества воинов к общему числу населения у кочевых народов в средние века 1 к 5, то только одна половецкая орда могла выставить около 7 тыс. конного войска [Плетнева, 1990. С.114 – 115].

Стоит признать, что в истории есть и более удивительные факты завоевания огромных территорий и разгрома многочисленных армий не только несколькими тысячами, но и даже несколькими сотнями профессиональных воинов. Так, изначально «армия» Эрнана Кортеса не превышала 700 человек, Франсиско Писарро – 200. Конечно, громадное значение в разгроме империй ацтеков и инков отрядами конкистадоров играло принципиальное различие в уровне цивилизаций Старого и Нового Света. Напротив, в ходе завоевания Дешт-и-Кыпчак монголы не имели огромного преимущества перед половцами в вооружении, уровень социально-экономической организации был схож, не было религиозной неприязни, да и серьезного языкового барьера также, видимо, не существовало. Задача монголов в отличие от конкистадоров была, с одной стороны, сложнее, поскольку завоеватели не имели решающего военно-технического преимущества над противником, с другой, – проще благодаря близости культур тюрко-монгольских кочевников. Походы конкистадоров подробно документированы и нашли отражение в письменных источниках XVI в., напротив, о ходе войны и сражениях кыпчаков с монголами известно гораздо меньше, а источники XIII – XIV вв. значительно беднее, хотя по историческому масштабу события вполне соизмеримы. Монгольское завоевание Дешт-и-Кыпчак и, как следствие, образование на Волге крупнейшего в Восточной Европе средневекового государства Улуса Джучи (Золотой Орды); трудно переоценить. Целью данной работы является выявление механизма взаимодействия кочевых монгольских и тюркских племен в Золотой Орде с момента завоевания до практически полного растворения их друг в друге. Такая постановка вопроса, прежде всего, требует пояснения – что имеет в виду автор под понятием «монголы улуса Джучи».

Традиционно монгольские племена связываются с «северными варварами», совершавшими набеги на границы Китая в VII – X вв. Первые сведения о народе «мэнгу» («мэнъу», «мэнва»), как одном из племен шивей, относятся к Танской эпохе. Есть основания полагать, что монголы в числе других воинственных кочевых этносов уже тогда беспокоили китайские границы. Позднее монгольские племена наряду с другими племенами – потомками народов сяньби и ухуань принимают участие в набегах на государство Цзинь. В XII – XIII вв. монголы становятся реальной угрозой Поднебесной, и как следствие, сообщений о монголах в китайских источниках уже гораздо больше, а значение этого этнонима существенно расширяется. Соседи монголов уже тогда делили их на лесных и степных, а также на белых, черных и диких [Кычанов, 1995. С.34]. К сороковым годам XII в. «монголами» считались племена, ведущие свой род от Хабул-хана, прадеда Чингизхана, который на курултае 1206 г. провозглашает создание «Yeke Monghol Ulus» – Великой Державы Монголов, объединившей множество кочевых народов [Доманин, 2010. С.15]. В это время понятие «монгол» перестает быть только этнонимом, а приобретает свойства политонима, поскольку уже отражает

идентификацию не столько по этнокультурному, сколько по политическому принципу. Монголами уже называют как монголоязычных, так и тюркоязычных кочевников, хотя иногда и оговариваются, что есть племена, которые в древности назывались «монгол» (мугул), а есть тюркские племена, которые в данное время называют монголами (мугул), но в древности у каждого [из них] было особое имя и прозвание...» [Рашид ад-Дин, 1952, Т.1, Гл.3]. Образование огромной евразийской империи привело к тому, что это имя стало синонимом народа-армии, состоявшей из множества кочевых племен Великой Степи. «В XII в. монголы не были лингвистической или этнографической общностью, но были просто доминирующим племенем одной из племенных конфедераций, которые населяли степи нынешней Монголии. Вероятно, ни само племя монголов, ни другие племена конфедерации, которой монголы дали свое имя, не состояли полностью из этнографических монголов, которые говорили на монгольском языке» [Флетчер, 2004. С.213]. Монголы, основавшие ставку на берегах Итиля (Волги), также не были исключением и по сути не являлись каким-то единым племенем. Монголы Улуса Джучи состояли из нескольких кланов-племен южносибирского и центральноазиатского происхождения, которые по воле преемников Чингизхана обрели свою новую родину в Дешт-и-Кыпчак.

Глава 1. Монгольские племена Улуса Джучи.

"Каждый мальчик, родившийся в местности Баргуджин-Токум, на Ононе и Кэлурэне, будет мужественным и отважным, сведующим и сметливым от природы, без наставлений и выучки. И каждая девочка, которая там родится, будет хороша и прекрасна лицом без убранства, причесывания и румян, и будет безмерно искусна, проворна и добродетельна".

Рашид ад-Дин «Сборник летописей» [Рашид ад-Дин, 1952а. С.264].

КИЯТ (кыйат, кият, кьят). Племя, относящееся к группе «дарлекин» – одному из известных подразделений монголов «Сокровенного сказания». К дарлекинам Рашид-ад-Дин, кроме того, относил: урянкат, кунгират, уряут, хушин, сулдус, илдуркин, баяут, кингит. Другую известную группу монгольских племен – «нирун» составляли: катакин; салджиут, тайджиут; хартакан и сиджиут; чинос; нуякин, урут и мангут; дурбан, баарин; барулас; хадаркин; джуръят; будат; дуклат; йисут; сукан; кунгият [Рашид ад-Дин, 1952, С.221-226]. Согласно монгольскому преданию «кият» – это множественное число от «киян», что «значит большой поток, текущий с гор в низину, бурный, быстрый и сильный». Это древнее монгольское племя было известно еще до легендарной прародительницы нирунов – Алан-Гоа, что позволяет относить их к дарлекинам – более древней ветви монголов. Позднее кияты дали начало многим племенам и кланам, и каждое их колено получило самостоятельное имя, а прозвище «кият» по этой причине отошло на второй план и на время вышло из употребления [Рашид ад-Дин, 1952. С. 154-155]¹.

Возрождение этого прославленного имени, по Рашид ад-Дину, происходит во времена правления сыновей Хабул-хана, потомка Алан-Гоа в шестом поколении:

¹ Рашид ад-Дин относит киятов как к дарлекинам, так и к нирунам. «Глава первая о тех, кого называют **монгол-дарлекин**. Они являются отраслями и племенами, ведущими свое происхождение от остатков монгольских племен нукуз и **кият**, некогда ушедших на Эргунэ-кун, [где] размножились. Были они [еще] до времени Добун-Баяна и Алан-Гоа». Далее он пишет о трех частях нирунов: «Первая – те, которые происходят из рода Алан-Гоа до шестого ее поколения, в котором был Кабул-хан. Всех этих людей из [числа] сыновей, племянников и их рода [уруг], независимо называют **нирун**. Точно также **нирунами** называют братьев Кабул-хана и их род. Вторая – те, которых, хотя они **нируны**, но называют **кият**. Они суть колено [тайфэ], которое ведет свой род от шестого поколения Алан-Гоа, от рода Кабул-хана. Третья – те, которых, хотя они происходят из племени **нирун-кият** и чистого рода Алан-Гоа и появились на свет от прямого ее потомка в шестом [колоне], Кабул-хана, называют **кият-бурджигин**. Их происхождение таково: они народились от внука Кабул-хана, Есугэй-бахадура, отца Чингиз-хана» [Рашид ад-Дин, 1952. С.155].

«Так как все они были богатырями, великими и пользующимися уважением людьми и царевичами, то кият стало вновь их прозванием» [Рашид ад-Дин, 1952. С.155]. Рассказ Рашид ад-Дина о происхождении этого племени подчеркивает особое положение киятов в традиционном родовом делении монголов. С одной стороны, кияты относились к дарлекинам – наиболее древним племенам монголов, ведущим свое происхождение от так называемых «настоящих монгольских народов», кочевавших на Эргун-куне (Аргуне), с другой – при желании их можно было отнести и к нирунам-борджигинам – племенам, имевшим божественное происхождение, которые произошли из рода Алан-Гоа после кончины ее мужа, Добун-Баяна.

Божественное происхождение нирунов (часть из которых принадлежала к роду борджигин), и древность рода киятов согласно преданию проявились самым удачным образом именно в роде кият-борджигин («синеглазые кияты»), основателем которого был отец Чингизхана Есугей-бахадур. «Это объясняется тем, что Алан-Гоа в то время, когда она забеременела, сказала: «(По ночам) перед моими очами (вдруг) появляется сияние в образе человека рыжего и синеокого, и уходит!». Так в восьмом колене, которым является Есугей-бахадур, обнаруживают тот отличительный признак, а согласно их (монголов) словам, он является знаком царской власти детей Алан-Гоа» [Рашид ад-Дин, 1952а. С.48].

Племя кият после переселения с севера (район Большого Хинганского хребта и бассейна р. Аргунь) занимало степи по берегам рек Онон, Керулен и Тола в Центральной Монголии [Кычанов, 1995. С.28-32; Кычанов, 1997. С.177]. Оно было весьма многочисленно и имело достаточное количество кланов и ответвлений – помимо кият-борджигинов, известны роды кият-юркин, кият-чаншиут, кият-ясар, кият-куралас, кият-тарклы. Кияты составляли мощное ударное военное подразделение во времена западного похода, поскольку сохранились свидетельства, что Бату-хан выделил в усиление армейского корпуса Шибана 10 тыс. киятов и уралдаев из собственных резервов и отправил его на завоевание Крыма и Кафы. Во главе этого тумена стоял Боралтай тарклы кыйат (кият рода тарклы), бывший алталыком (воспитателем) хана Шибана. Боралтай (Бурулдай, Бурундай, Бурундай) был старейшим эмиром Улуса Джучи и одним из лучших военачальников хана Бату. Вместе с Субедей-бахадуром Бурундай покорил Волжскую Булгарию и Русь. В 1238 г. его тумен разгромил полки Юрия Всеволодовича Владимирского на реке Сить. Позже войска Бурундая участвуют во взятии Киева. В 1241 г. он, вероятно, под номинальным «командованием» Бату-хана, принимает участие в походе на Венгрию и одерживает победу в битве при реке Шайо. После окончательного завоевания Дешт-и-Кыпчак Бурундай, в знак признания его воинских заслуг, получает во владение эль в причерноморских степях, между реками Днестр и Днепр, граничивший с запада с улусом Ногай, а с востока с улусом Мауци. Ранее этот улус принадлежал третьему сыну хана Орду Курумши (Куремса), который в 1252 – 1254 гг. безуспешно пытался покорить Галицко-Волынское княжество. Потерпевший поражение от князя Даниила Романовича Галицкого чингизид был смещен, а на его место был назначен менее родовитый, но более способный кият. В Ипатьевской летописи есть запись об

этом: «... и приде Буранда, безбожный, злый, со множествомъ полковъ Татарскихъ в силе тяжьце и ста на местех Куремьсенех. Данило же держащее рать с Куремьсою и николе же не бояся Куремьсе: не бе бо могль зла ему створити никогда же Куремьса, дондеже приде Буранда со силой великой» [Ипатьевская летопись, 1998, С.197].

Располагая собственным войском, Бурундай осуществляет ряд крупных набегов на европейские страны. В 1258 г. Бурундай совершил поход на Литву, а в следующем 1259 г. он направил свои войска на Польшу. Продвигаясь по территории Галицко-Волынской Руси, он принудил разобрать городские стены главных ее городов, и тем самым положил конец самостоятельности этого региона. Блестящим завершением трехмесячного западного похода Бурундая было взятие Сандомира и Кракова [Исхаков, 2009. С.25-26; Селезнев, 2009. С.63-65].

Оставшиеся в Золотой Орде кияты были потомками монголов из тысяч Кукинойоны и Мугеду-Кияна, который «был великим бахадуром, и многие кияты, которые ныне находятся в стране Дешт-и-Кипчак, происходят из его рода, его двоюродных братьев по отцу и родичей» [Рашид ад-Дин, 1952. С.155]. В памятке об эмирах туменов и тысяч Рашид ад-Дина о них сказано: «Племя кият, которое в настоящее время находится у Токтая, и о котором говорят, что оно составляет один тумен и большинство других киятов суть из их потомства» [Рашид ад-Дин, 1952а. С.270]. Известно, что эти кияты, нойоны Куки (Хукин) и Мугеду (Мугэту), были сыновьями Мунгэту-Кияна, который был братом Есугей-бахадура, и, соответственно, они приходились двоюродными дядьями Джучи. Близкое родство Джучи с нойнами киятов в значительной степени определяло их статус – ближайших советников и старших военачальников. В частности, Хукин-нойону было прямо предписано Чингизханом обеспечить дальнейшее завоевание непокорившихся народов на западной границе улуса его старшего сына [Костюков, 2007. С.455].

По мнению Р.Ю. Почекаева, возвышение киятов в Золотой Орде следует отнести к концу XIII – началу XIV вв., когда кияты Тулук-Тимур и Ак-Буга перешли от Ногая к законному хану Токте и впоследствии занимали значительные государственные посты в его аппарате [Почекаев, 2010. С.202]. Ко времени воцарения хана Узбека, вероятно, уже сформировалась особая военно-кочевая каста – так называемые «Кият-беи», осуществлявшие командование племенами левого и правого крыла Орды. В пользу данного предположения свидетельствует тюркский источник XVI в. – «Чингиз-наме». Автор «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи отводит киятам главенствующую роль среди кочевых племен улуса Джучи. По Утемиш-хаджи, воцарение хана Узбека было бы невозможно без 40 тыс. войска во главе с киятом Исатаем (Иса), сыном Тулук-Тимура, и сиджутом Алатаем. Воспользовавшись смертью хана Токты, власть в Золотой Орде захватил Ток-Буга, который был из племени баджир (башкир) или уйгур: «Словом, этот Баджир Ток-Буга провозгласил себя ханом, женился на женах Токтага-хана и подчинил себе весь народ» [Чингиз-наме, 1992. С.103]. После свержения самозванца Ток-Буги и восшествия на престол законного наследника-чингизида Узбек-хан решил отблагодарить поддержавших его в кризисной ситуации беев: Алатаю был выделен

эль из племени минг, а Исатаю же был пожалован сборный эль, состоящий из родовых элей царевичей-чингизидов, опозоривших себя подчинением «черной кости» – узурпатору трона Ток-Буге. Есть основания считать, что хан Узбек действительно принимает такое решение, поскольку после смерти хана Синей Орды Эрзена его трон занимает кият Исатай. Сын Эрзена Мубарек-ходжа, недовольный решением хана Узбека, поднимает восстание против наместника и на несколько месяцев становится ханом Синей Орды. Войска старшего сына Узбека, Тимура, быстро подавили восстание, Мубарек-ходжа бежал на Алтай, где вскоре умер, а кият Исатай снова стал правителем Синей Орды. В результате этот улус Золотой Орды находился под властью его потомков – киятов Джир-Кутлуга и Тенгиз-Буги вплоть до 1361 года².

Другая ветвь потомков кията Исатая (Исы) связана с известным правителем западной части Золотой Орды – Мамаем. «Мамай приходился внуком Исе и, соответственно, двоюродным братом Тенгиз-Буге. Отца Мамаю звали Али (Алиш/Алаш)-бек, и он некоторое время, как и его дед, был правителем Солхата» [Почекаев, 2010. С.202]. Близкие родственные связи между киятами Мамаем и Тенгиз-Бугой, вероятно, обеспечили согласованность их действий по захвату власти, суть которых сводилась к концентрации под своим началом массы кочевников, переселению и закреплению на новых землях и использованию подставных ханов. «Сведения источников о синхронном движении тюркских племен на огромном пространстве Золотой Орды под предводительством Мамаю и Тенгиз-Буги позволяют предполагать существование единого руководящего центра этой грандиозной интриги, который размещался где-то в степях, к востоку от Яика и к северу от Сыр-Дарьи. Там находилось семейное «гнездо» киятских беков – потомков Исатая, развернувших борьбу за власть в Золотой Орде» [Трепавлов, 2010. С.57].

Гибель потомков Узбек-хана и последовавшая за ней «Великая Замятня» привели к тому, что кият-беи Улуса Джучи получают в свои руки управление войском и реальную власть над большинством кочевых элей. «Кыйят Мамай

²Приведенное выше изложение, опирается главным образом на рассказ Утемиш-хаджи об отстранении от власти ханом Узбеком потомков Орда-Ичена, правителей Кок-Орды. Не все историки согласны с этой версией, поскольку она не подтверждается другими письменными источниками арабского и персидского происхождения. Критический анализ «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи показал большое количество ошибочной информации в плане хронологии и генеологии Чингизидов, что впрочем, не мешает использовать в своих работах этот источник многим исследователям истории Улуса Джучи. Сторонники Утемиш-хаджи обычно относят этот источник, к так называемой, «степной устной историографии», представляющей собой нечто среднее между официальной историографией (труды средневековых историков и географов) и народным эпосом. К числу таких же, «вызывающих подозрения» историков академической школы, источников обычно относят: “Аноним Искандера” Му’ин ад-Дина Натанзи, “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” предположительно Мухаммад Шайбани-хана (начало XVI в., Средняя Азия), “Сборник летописей” Джалаира Кадыр-Али-бия (XVII в., г. Касимов), “Шаджара-йи таракима” и “Шаджара-йи турк ва могул” Абу-л-Гази (XVII в., г. Хива) и др. Данная группа источников достаточно многочисленна и информативна, поэтому, на мой взгляд, полностью исключать их из научного оборота, в силу их характерных особенностей, не совсем разумно.

забрал правое крыло и ушел с племенами в Крым, а левое крыло увел на берег реки Сыр Тенгиз-Буга, сын Кыйата Джир-Кутлы. Бердибек-хан вместе со своими внутренними людьми находился в Сарая. Три года был он государем в городе Сарай, затем скончался» [Чингиз-наме, 1992. С.109]. Массовая откочевка племен «Тахт улуса» в Крым и Сыгнак во главе с кият-беями, отраженная в «Чингиз-наме», означала серьезный кризис центральной власти, когда сменивший на троне Джанибека Бердибек фактически оказывается без поддержки кочевых кланов Улуса Джучи. Исключение, вероятно, составил только, так называемый, «внутренний эль», состоящий, в основном, из канглов аталыка хана Бердибека – Тулубая. Восстановление кочевых улусов на Итиле происходит при Тохтамыш-хане: «Большая часть элей, оставшихся от Джанибек-хана, была у Мамаю. Тахтамыш-хан убил Мамаю, забрал его эли и нукеров и, когда пришел в вилайет Сарая, то люди, которые повсюду в вилайете Дашт-и Кыпчака своевольно подняли головы, волей-неволей явились сами и покорно стали нукерами» [Чингиз-наме, 1992. С.119]³.

По мнению В.В. Трепавлова, кияты уже с середины XIII века проживали в Крыму, а также кочевали к востоку от Волги, на территории Казахстана [Трепавлов, 2010. С.54]. Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов утверждают, что во времена хана Тохтамыша в Крыму клан киятов был вытеснен кланом ширин [Исхаков, Измайлов, 2007. С.155]. Клан кият известен в племенном делении почти во всех постзолотоордынских государственных образованиях – от Крыма до Сибири, однако во времена Золотой Орды, видимо, большая часть киятов кочевала на Нижней Волге – центре государства. Известно, что «Тахт улус» был местом кочевок другого монгольского племени – кунгиратов, с которыми у киятов существовал обычай заключать браки, так называемый «anda quba» (свойство-побратимство). В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина нередко называется племенная принадлежность жен и матерей потомков Джучи. В специальном разделе летописи «Памятка о сыновьях Джучи-хана и его внуках, имеющих отрасли до сего времени» в качестве ближайших родственников ханского рода кият-борджигинов, племя «меркит» упомянуто 2 раза, «джаджират» – 2, «огунан» - 1, «кераит» - 2, «найман» - 1, «кипчак» - 1, «аргунан» - 1, «ушин» - 1, «ойрат» - 1, «сулдус» - 1, «туклан (туклас)» - 1, «татар» и «алчи-татар» по 1, «кунгират» - 16 [Золотая Орда, 2003. С.410-417].

КУНГИРАТ (конгурат, кунгирад, кунграт, хунград, хонгират, конрат). Племя относится к дарлекин-монголам. В племенное объединение кунгиратов входило несколько крупных родов: инкирас, олкунут, каранут, кункулут, куралас.

³ Небезынтересна судьба потомков кията Мамаю. Его сын, Мансур-Кият, поступил на службу к Великому князю Литовскому Витовту и получил во владение города Глинск и Полтаву. Впоследствии потомки Мамаю становятся литовскими князьями Глинскими, по имени полученного ими в удел города Глинска. В XVI в. князь Михаил Львович Глинский был вынужден бежать на Русь, а в 1526 г. его племянница Елена выходит замуж за Великого князя Московского Василия Ивановича. В 1530 г. у них родился сын Иван IV Васильевич. Так ровно через 150 лет после Куликовской битвы появился на свет Иван Грозный, бывший одновременно потомком Дмитрия Ивановича Донского и темника Мамаю.

Кроме того, у кунгиратов обнаруживаются родственные связи с племенами курлаут, элджигин, ихирит и баргут. Существует несколько предположений относительно территории, занимаемой кунгиратами в XII – начале XIII вв. Есть мнение, что в 1125 г. все они или их часть откочевывают на восток к границе племенного объединения восточно-монгольских племен – киданей (кара-китаев). Это предположение дает основания обозначить их расселение в северо-восточной Монголии, в местности «Утаджие» – в районе озера Буйр-Нур и реки Халхин-Гол. Другая точка зрения состоит в том, что кунгиратские родовые кочевья традиционно располагались в Саяно-Байкальском регионе, на реке Талас, местность «Караун-Джудун». Возможно, в источниках речь идет о разных родственных кланах кунгиратов, которых, как было отмечено выше, было не мало. Так или иначе, в обоих случаях версии о расселении кунгиратов опираются на достаточно четкие привязки к местности в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина [Рашид ад-Дин, 1952. С. 161-162.].

Нет в источниках и однозначной трактовки самого этнонима – «кунгират». Есть предположение, что он может иметь общие корни с бурятским словом «хонгор» (красивый, прекрасный), что объясняется во многом строками из «Сокровенного сказания»: «Мы Унгиратское племя с давних времен знамениты красою и статностью дев от жены-унгиратки, брани не любим, но дев своих милых к ханам в подруги везем» [Сокровенное сказание, 1941, раздел 64]⁴.

Согласно другой версии этноним «кунгират» обозначает темно-бурый цвет (конур – ат), что должно было свидетельствовать о принадлежности к определенному войсковому соединению, разделенному соответственно с мастью коней. Так или иначе, скорее всего появление этого этнонима было связано с табуизацией первоначального имени, в результате чего оно образовывалось от прилагательного (предположительно означавшего – «рыжеватый, каштановый, каурый»), характеризовавшего существительное. Этнонимы подобного типа достаточно часто встречаются у монгольских народов: «галзууд» – яростные, бешенные; «шарайд» – желтые, рыжие; «буурул» – седые, чалые; «кюрюнгуд» – коричневые, бурые [Авляев, 1981. С.66-67]. По мнению Г.Р. Галдановой, между этнонимами «хунгират» (древнее монгольское племя) и «хондогор» (современное бурятское племя) существует прямая связь. Имея общий корень «хонгоо», более древний этноним имеет монгольское окончание, а название бурятского рода – тюркское. Следуя этой логике, близость этих названий возникла в результате того, что в XIII в. небольшая часть «хунгиратов» осталась в Прибайкалье под названием «хондогор», в то время как большая часть ушла на запад в кыпчакские степи и стала известна как «конгурат», «кунгират», «конрат», «конурат» [Галданова, 1996. С.86-90].

⁴ Рашид ад-Дин в разделе о кунгиратах приводит интересное свидетельство об одном из старших эмиров этого племени – Каракэ-Эмэле. Однажды, в знак особой милости, Чингиз-хан предложил ему в жены свою любимую дочь. «Дочь твоя похожа на жабу и черепаху, как я ее возьму?!» – в ужасе от такого неожиданного подарка воскликнул эмир кунгиратов. По приказу разгневанного отца наглец был немедленно казнен [Рашид ад-Дин, 1952. С. 163.].

Истоки золотоордынского периода этого клана также не совсем ясны. Известно, что согласно труду Рашид ад-Дина, среди четырех тысяч воинов, выделенных Джучи хану, племени кунгират нет. Однако кунгиратские формирования известны в уделе Джагатая (тысяча Муге-нойона) и левом крыле армии Чингиз-хана (тысячи Алчи-нойона, Хуку-нойона, Катая, Букура, Такудара, Шунгура, Шику-гургена и Буту-гургена). Можно предположить, что часть этих кунгиратов могла остаться в войске Бату после завершения западного похода или позднее откочевать в улус Джучи в результате «междоусобиц среди дальних и близких родичей» [Рашид ад-Дин, 1952а. С. 275]. Однако, на мой взгляд, основная масса кунгиратов оказалась в кыпчакских степях иначе. Золотоордынские кунгираты не были чисто армейскими корпусами (как сиджиуты, кингиты и хушины), а видимо, являлись, наряду с киятами, личным уделом Джучи и составляли определенное количество кибиток, отданных Чингизханом в собственность старшему сыну. Вполне обоснованной и органичной в этом свете выглядит концепция Р. П. Храпачевского, который, опираясь на данные китайских и монгольских источников, считает, что после 1208 г. Чингизхан, при распределении уделов для членов своего рода, выделил Джучи, помимо 4 тыс. войска, еще 9 тыс. юрт/кибиток (об этом говорится в «Сокровенном сказании»). Эти племена, по его мнению, не были закреплены в общевойсковом реестре войск Чингизхана за Джучи, хотя фактически увеличили первоначальную численность монголов улуса Джучи во много раз (исследователь называет цифру 70 тыс. человек). В пользу данной версии может свидетельствовать уже упоминавшийся выше обычай побратимства – свойства между киятами и кунгиратами, который, вероятно, и определил племенную принадлежность 9 тыс. кибиток Улуса Джучи [Храпачевский, 2006. С.77].

Д. М. Исхаков и И. Л. Измайлов считают, что нахождение племени кунгират в числе кланов Золотой Орды возможно, по меньшей мере, с конца XIII в. По их мнению, в золотоордынское время местом традиционных кочевок кунгиратов было Поволжье. Они связывают пребывание этого племени на Волге с именем Акхадай-бахадур, «имевшего в своем подчинении 30 тыс. кибиток (ейлек) кунгратов и 100 тыс. других тюрок», и его сына Нахдая, на дочери которого был женат хан Узбек. К шестидесятым годам XIV века кунгират Нахдай-бий, по праву ближайшего родственника хана, становится влиятельным сановником при дворе, получает нойонский титул и обосновывается в низовьях Итиля. В поволжском нутуге Акхадая – Нахдая присутствовал не только пришлый элемент – кунграты (30 тыс. кибиток), но и местное население Дешт-и-Кыпчак (100 тыс. кибиток), среди которых наиболее значительным был кыпчакский (племя «бушманборч – бурч – бурч-оглы – бурчевичи – ольбурлик – эльбари») и печенего-огузский (племя «бескалпак – каракалпак») компонент [Исхаков, Измайлов, 2007, С.153-154.].

Посетивший Золотую Орду арабский путешественник Ибн Баттута был свидетелем высокого положения при дворе Узбека кунграта Нахдая⁵ и его дочери,

⁵ Подагра – «болезнь королей» вполне могла быть наследственным заболеванием кунгиратской аристократии. Рашид-ад-Дин связывал распространенную у кунгиратов «болезнь ног» с тем, что они в древности первые вышли из ущелья Эргун-кун. «Племя кунгират прежде

бывшей второй по старшинству женой хана: «Имя ее Кабакхатунь...Она дочь эмира Нагатая... Отец её жив, [но] поражен подагрой; я видел его...он страдал подагрой и не мог ни ходить на своих ногах, ни сидеть верхом на коне, а только ездил на арбе» [Золотая Орда, 2003. С. 135-136].

Согласно казахским шежире у Нахдая (Нагатая, Нагдая, Нагудая) осталось три сына: Мелде-бий, Орын-бий и Жыгал-мирза. Потомки последнего, Кудайберген (Котекши) и Тамерберген (Коктын улы) были предками казахских кунгратов [Сабитов, 2012б. С.121-124]. Положение кунгратов в Улусе Джучи было достаточно заметно – они принимают самое активное участие во многих политических интригах и переворотах. В летописи Рашид-ад-Дина сохранилось сообщение, что в конце XIII в. Салджитай-гурген, сын Булган-нойона из племени конгурат, женил своего сына Яйлага на дочери Ногая. Позже Салджитай-гурген и его сын «стали презирать» ее, за то что она «сделалась мусульманкой», а ее муж Яйлаг «держался веры уйгурской». Темник Ногай воспринимает это как оскорбление и ставит ультиматум хану Токте – выдать ему это семейство на расправу. Токта отвечает: «Он (Салджитай-гурген) мне как отец и воспитатель, и (он) старый эмир, как же я отдам его в руки врага?» [Тизенгаузен, 1941, С.70-71]. В результате конфликта между Ногаем и Салджитай-гургеном разгорается война между ханом Токтой и влиятельным темником, приведшая к полному поражению последнего и разгрому его улуса.

Согласно другим источникам влияние кунгратов при дворе сохраняется и во второй половине XIV в. Именно вмешательство сына кунграта Нахдая, Ак-Хусайна, позволило, отеснив других претендентов на престол, прийти к власти Хызр-хану. «Ак-Хусайн собрал воедино войско Хорезма, пришел к Ак-Кулю, упомянутого Хызр-хана поднял ханом и пошел походом на вилайет Сарая» [Чингизнаме, 1992. С.114]. В качестве одной из причин походов Тимура на Золотую Орду Ибн Арабшах называет бегство эмира Идику, который был у хана Тохтамышша «одним из главных эмиров левой стороны, (одним) из вельмож, избиравшихся во время бедствий для устранения их, и из людей здравомыслия и совета; племя его называлось Кунграт» [Золотая Орда, 2003. С.206.]. В «Книге побед» Шереф ад-дина Йезди, также в качестве одной из предпосылок разгрома Джучиева улуса называется отстранение ханом Тохтамышем от управления страной старших эмиров: Али-бека-конгурата, Урук-Тимура и Ак-Буги-бахрина. «Несколько талба мангутских, которые были близки к Токтамыш-хану, и Казанчи, убивший своего отца, нашли себе полнейший доступ к нему, а у Али-Бека, из-за сближения этих негодяев (с Токтамышем), не осталось власти» [Золотая Орда, 2003. С.334]. Али-бек выступал против военной конфронтации Тохтамышша с Тимуром (Тамерланом). Очевидно, эта позиция была близка Тимуру, поскольку во время переговоров с Тохтамышем перед походом в степь в 1391 г. среднеазиатский

других, без совета, внезапно вышло [из ущелья] так, что потоптало очаги других племен. Монголы убеждены, что встречающаяся у кунгратов болезнь ног есть следствие того поступка и, что грех этого преступления пал им на ноги. Прочие племена монголов в далеком прошлом рассердились на кунгратов за то, что те вышли прежде и стали их противниками; у них это широко известно» [Рашид ад-Дин, 1952. С.160].

полководец потребовал выслать навстречу, в знак доброй воли эмира Али-бека» [Селезнев, 2009. С.35]. Несмотря на определенную симпатию Тамерлана к старшему эмиру кунгиратов Али-беку, перемирия не было заключено. Среди эмиров и нойонов Тохтамыша, вышедших на генеральное сражение на реке Кундурча против войск Тамерлана, были Сулейман-Суфи-конгурат (кунгират) и Наруз-конгурат(кунгират).

Казахстанский историк Ж. М. Сабитов считает, что среди кунгиратов улуса Джучи можно проследить три генеалогические линии:

1. Линия кунгиратов улуса Орда-Ичена (восток улуса Джучи). Они относились к кунгиратскому роду кунлиут (кункулут) и были родственниками Кетилтая-кунлиута.
2. Линия Салджитай-гургена. Представители данной линии: Булган, Яйлак, Эбуген, Кутлуг-Тимур, его братья Сарай-Тимур и Мухаммед-Ходжа были хорошо известны во времена ханов Токты и Узбека.
3. Линия Нангудая (Нахдая). Данная линия восходит к отцу Нахдая Акхадай-бахадuru, который правил в «странах Булгар, Черкес и Казан». Изначально эта линия кунгиратов находилась в пределах улуса Джулат (Северный Кавказ). Во времена хана Узбека они распространяют свое влияние на центральные районы Золотой Орды (Поволжье). Впоследствии потомки Нахдая «де-факто» становятся независимыми правителями Хорезма [Сабитов, 2012б. С. 124].

По-мнению И.В. Зайцева, именно кунгираты изначально составляли главенствующую клановую группу в Астраханском ханстве. Такое положение дел сложилось благодаря давней традиции, связывающей Астраханский улус с беклярибеками (амир ал-умара) Золотой Орды, происходившими из кунгиратов [Зайцев, 2004. С.14]. После распада Золотой Орды племя кунгират остается привилегированным не только в Астраханском ханстве. В Большой Орде, сохранявшей значение «Тахт иля» и считавшейся прямой наследницей Золотой Орды, основными кланами («карачи-бейскими») были Кийаты, Мангыты, Сиджиуты (Салджиуты) и Конграты (Коураты). В восточной части улуса Джучи, Узбекском ханстве, созданном Абулхайром (государство Шибанидов), клан Конграт также относился к числу «правлящих».

В четвертом разделе «Сборника летописей» – «Упоминании о тюркских племенах, прозванием которых в давнее время было монголы», Рашид ад-Дин⁶

⁶ Свидетельство Рашид ад-Дина, что кунгираты «никогда не воевали с Чингиз-ханом» нельзя воспринимать как истину в последней инстанции. Не менее авторитетный источник, хроника династии Юань, известная как «Юань-ши», описывает переход кунгиратов (хунгиратов) из лагеря сторонников Темучина (Чингизхана) в лагерь его противников и обратно. «Обои хатагинов, салчжиутов, дорбенов, татар и хунгиратов, услышав про поражение найманов и тайчжиутов, все испытывали страх перед величием [Чингизхана] и неуверенность в себе. Они собрались у источника Алхуй, обезглавили белого коня в знак клятвы и пожелали сделать набег на государя [Чингизхана] и Ван-хана. Глава хунгиратов Дай-[сэчен], боясь, что дело не получится, тайно переправил человека сообщить о мятеже»[Храпачевский, 2005. С.439]. Далее Юань-ши повествует о том, как хунгираты совместно с дорбенами, икирэсами, хатагинами, хоруласами, татарами и салчжиутами собрались на реке Гянь и совместно возвели на престол Джамуху как гур-хана. Последовавшее за этим событием сражение коалиций племен Джамухи и Темучина (Чингизхана) в местности Тени-горохан привело к победе Чингизхана, Джамуха

пишет об особом статусе кунгиратов: «В настоящее время также на службе у каана и во владениях (улус) Угедая, Чагатая и Джучи из их прямых потомков много зятьев (они же – предводители «костей» (ясун) монгольского племени хунгират». Кунгираты и также еще несколько немногочисленных монгольских племен (курлаут, элджигин и баргут) составили особый узкий круг приближенных, о которых было известно, что «эти три-четыре племени никогда не воевали с Чингиз-ханом и не враждовали (с ним), а он никогда их не делил и никому не давал в рабство по той причине, что они не были его противниками» [Рашид ад-Дин, 1952. С. 117]. Эти племена в знак связывающих их уз «побратимства-свойства» обладали общей тамгой, позднее известной как «кунгиратская тамга» – своеобразный племенной «герб», который вскоре становится тамгой золотоордынской аристократии, а позднее «султанской» тамгой у казахских ханов, свидетельствующей о принадлежности к «белой кости».

ХУШИН (ушин, уйшин, усунь). Монголы – дарлекины. Известны как одни из наиболее преданных союзников Темучина. Наибольшую известность среди хушинов имел Борагул-нойон, который благодаря своим заслугам был пожалован от бакаула («отведывателя ханской пищи») до баурчи («стольника»), далее – казикту («телохранителя»), впоследствии – эмира-темника и, наконец, старшего эмира правого крыла войска Чингизхана. Вероятно, некоторые из соплеменников Борагул-нойона могли войти в гвардейские подразделения телохранителей Чингизхана⁷.

Позднее определенная часть хушинов (ушинов), наряду с племенами минг, тархан и ойрат, были отданы в подчинение ханом Бату своему брату Туга-Тимуру в награду за храбрость, проявленную в западном походе [Кляшторный, Султанов, 2009. С.256]. Хушины являлись одним из воинских соединений монголов, оставшихся в Дешт-и-Кыпчак после его завоевания, поскольку в летописи Рашид ад-Дина есть прямые указания на то, что две тысячи хушинов под командованием Байку-нойона вошли в улус Джучи [Золотая Орда, 2003. С.405]. Возможно, именно этот нойон упоминается в башкирских шежере под именем Майки-бия, который в 10 – 20-х годах XIII века возглавил крупный союз башкир-табынцев. Предположительно в 1219 г. Майки-бий в качестве представителя башкирских племен ездил с подарками и выражением покорности к монголам. Согласно преданию Майки-бий был пожалован Чингизханом почетным именем «уйшин» [Кузеев, 1974. С.263]. Можно предположить, что результатом этой поездки могло стать признание Майки-бия (Байку) нойоном башкирских племен с

бежал, а «обок хунгиратов покорился» [Храпачевский, 2005. С.445-446]. Вероятно, только с этого момента кунгираты «никогда не воевали с Чингиз-ханом».

⁷ С происхождением рода хушин, может быть, каким-то образом связана история появления монгольского рода хошут (хошоут, хошеут, хошууд). В 1206 г. Чигизханом было создано подразделение хошут («хош» по-монгольски – авангард, клюв, острие), набираемое из наиболее опытных и храбрых воинов. Позднее это подразделение трансформировалось в этническую группу халха-монголов, которые, подобно «торгоутам», – первоначально представляли гвардию, но уже в XIV – XV вв. стали знатным монгольским родом.

предоставлением определенного воинского контингента – две тысячи монголов-хушин.

Однако следует признать, что данное предположение во многом гипотетично, тем не менее при крайнем недостатке письменных источников, освещающих политику монголов относительно завоеванных тюркских племен, сохранившееся башкирское предание представляет большой интерес. Оно перекликается с гораздо более известным сообщением венгерского монаха Юлиана о башкирах, который в 1235 – 1238 гг. посещал их кочевья и писал о военном союзе автохтонных племен с монголами. «По соседству с ними живет народ татарский. Но татары, напав на них, не смогли одержать верх, а, наоборот, в первой же битве потерпели поражение. Поэтому они предложили им стать своими друзьями и союзниками, и, таким образом, объединившись, им удалось полностью опустошить пятнадцать царств» [Рихард, 2006. С.46]. Благодаря башкирским шеджере до нас дошли свидетельства о так называемом «табынском ханстве», простиравшемся от верховий реки Урал до реки Иртыш, которым «с позволения Чингизхана» управлял Майки-бий. Предания о Майки-бие сохранилось не только у табынцев, но и у казахов Старшего Жуза, которые возводят свою родословную к монгольскому племени уйшин [Кузеев, 1974. С.263-265].

Сохранился ряд исторических свидетельств и о другом представителе племени уйшин – старшем эмире Золотой Орды Иса-беке-гургене. Титул «гурген» указывал на то, что он являлся мужем царевны из дома Чингизхана. В 1302-1303 гг. он был послом хана Токты к иранскому ильхану Газану. В результате Иса-бек смог предупредить надвигающуюся войну между улусами Джучи и Хулагу и документально закрепил границу между ними. По мнению Р.Ю. Почекаева, в 1312 г. все тот же «Иса-бек из рода уйшин» способствует приходу к власти хана Узбека⁸.

Вероятно, исследователь имел в виду Ису Куркуза, старшего эмира Золотой Орды, который в 1320 г. возглавлял восьмидесятитысячное войско, посланное Узбеком в поход на Закавказье. В 1321 г. Узбек оказывает величайшее доверие Иса-беку и назначает его на должность беклярибека, сместив другого своего фаворита Кутлуг-Тимура. Вскоре Иса-бек «утратил ханское расположение, и беклярибеком вновь стал Кутлуг-Тимур – только для того, чтобы позднее снова уступить пост тому же – Исе-гургену!» [Почекаев, 2010. С. 155, 177]. Еще один раз Иса-бек, вероятно, упоминается уже 1334 – 1335 гг. в записках арабского путешественника Ибн Баттуты, лично встречавшего знатного эмира, дочь которого Уруджа была замужем за ханом Узбеком. [Тизенгаузен, 1884. С.295; Селезнев, 2009. С.92].

Таким образом, представители рода хушин (уйшин) были в Золотой Орде небольшим, но достаточно известным кланом. Потомки двух тысяч монгольских воинов остались в башкирских степях и стали «сватами» автохтонного населения – рода «табын». Впоследствии судьбы родов уйшин и табын оказываются тесно

⁸ Ж. М. Сабитов не согласен с Р.Ю. Почекаевым, который, по его мнению, путает Ису-уйшина, с Исатай-киятom. Он считает, что Иса-уйшин не был приближенным хана Узбека, а являлся лишь правителем улуса Крым [Сабитов, 2012 а. С. 232-239].

переплетены. Исследователь этнической истории башкирских племен Р.Г. Кузеев отмечал: «Кипчакизированные табынцы, усунь составили вместе с собственно кипчакскими племенами основу населения Золотой Орды, пока оно не было расчленено и развеяно по разным территориям известными событиями золотоордынской истории XIII – XV вв. Табынцы, оставшись на своей территории, в основном влились в состав казахов и башкир (и частично, видимо, ногайцев); усунь, оказавшись восточнее, растворились преимущественно среди племен и народов Средней Азии и Казахстана» [Кузеев, 1974. С.265].

САЙДЖИУТ (сиджиут, салджегут, салджиут, сальют). Согласно преданию сайджиуты являются ответвлением племени тайджиут и относятся к монголам-нирун. Юань-ши отмечает, что «среди всех обоков только тайчжиуты [имели] обширные земли и множество народа, они были известны чрезвычайной мощью» [Храпачевский, 2005. С. 438]. Родовые кочевья сайджиутов находились в Приангарье, по этой причине их наряду с ойратами и урянхями можно отнести к «лесным» монголам – «хойин-ирген». Сайджиуты с 1201 г. входили в конфедерацию монгольских племен Джамухи, выступавших против Чингизхана: «Из этого племени было много эмиров, однако, оттого что они враждовали с Чингиз-ханом, многие из них были убиты». Окончательное покорение Темучином этого племени, видимо, произошло только в 1205 г., после того как он разбил последнюю крупную коалицию враждебных монгольских племен, состоявшую из найманов, меркитов, кереитов, ойратов, дорбенов, татар, катаканов, салджиутов, и был «возведен на императорский престол и наречен Чингизхан» [Храпачевский, 2005. С. 454-455].

Рашид-ад-Дин называет тысячу сайджиутов и хартаканов под началом Мунгеду-нойона среди войск, полученных Джучи в улус. Ниже Рашид ад-Дин пишет о том же войске: «Тысяча Мунгура, бывшего из племени сиджиут. В эпоху Бату он ведал (войском) левой руки. В настоящее время из эмиров Токтая, некто по имени Черкес, есть один из его сыновей; он идет стезею отца» [Золотая Орда, 2003. С.402]. В «Чингиз-наме» эмиры племени сайджиут являются непосредственными участниками событий, связанных с приходом к власти ханов Узбека и Хызра⁹. «Был в то время Сиджут Али-бек, из старших беков. Полагая, что не покорится он этому Базарчи, вызвала его бегим, привели его и убили. У Али-

⁹ Существует определенная неясность относительно этнонимов сайджиут и салджиут. Ж.М. Сабитов отмечал разность происхождения этих этнонимов: «Сальджиуты были потомками Бухату-Салджи, сына Алан-Гоа, а сиджиуты имели другое происхождение: у Кайду-хана было три сына; имя старшего было Байсонкур; от которого [идет] ветвь предков Чингиз-хана; третьего [сына] звали Джаучи, от которого [произошли] два племени: артакан и сиджиут» [Сабитов, 2012. С.269-275]. С данным утверждением трудно не согласиться. Действительно Рашид ад-Дин вполне определенно разделяет два этих племени, однако, не обязательно, что впоследствии эти этнонимы не могли слиться благодаря схожести звучания. В частности, Д.М.Исхаков и И.Л. Измаилов, анализируя клановую структуру кочевников и Золотой Орды, сочли возможным отождествить сиджеутов и салджегутов в XIII–XV вв. По их мнению, «проблема преемственности племенных структур начального этапа становления Улуса Джучи и более поздних периодов развития государства так просто не решается. Необходим новый анализ источников». [Исхаков, Измаилов, 2007. С.147, С.153].

бека был сын по имени Хасан. Когда тот бежал и пришел к сыну Конграта Ак-Хусайну, который был хакимом вилайета Хорезма, а тот Хасан был ему племянником...», – писал Утемиш-ходжа о событиях, предшествующих воцарению Хызр-хана. [Чингиз-наме, 1992. С.114]. Таким образом, выходит, что между старшими беками сайджиутов и кунгиратов существовало близкое родство, хотя и не совсем ясно, как один из сыновей кунгирата Нахдая – Алибек мог быть старшим беком сайджиутов.

Первоначальная территория расселения сайджиутов в Дешт-и-Кыпчак, вероятно, находилась в поволжских степях, поскольку еще в XV в. сиджиуты были представлены в клановой структуре Большой Орды. Возможно, представители этого клана сохранились и в Астраханском ханстве, поскольку есть свидетельства о существовании там рода китай-катай (хатай), который, по мнению Р.Г. Кузеева, долгое время имел прочные связи и общую этническую историю с сайджиутами. Вероятно, воинское подразделение сайджиутов под началом Мунгеду-нойона (Мангура) остановилось на территории, смежной с кочевьями тюркского племени катай. В отличие от других племен, попавших под командование Мунгеду-нойона, предводителя левого крыла войска Бату, племя катай становится «побратимами и сватами» сайджиутов. На основании этнографических источников Р.Г.Кузеев реконструирует этапы миграции башкирских племен катай и сальют. В преданиях этих племен настойчиво повторяется сюжет о том, как их предкам на пути в Башкирию пришлось перейти с правого на левый берег Волги. На Волге катайцы и сальюты «во времена Чингисхана» кочевали где-то в районе «Желтых гор» – место вполне сопоставимое с урочищем Сары-Тау, где впоследствии возник город Саратов. Во второй половине XIII в. часть этих племен откочевывает в Башкирию и, вероятно, с этого времени основным нутагом племени сайджиутов в Золотой Орде становится междуречье рек Белой и Ика. В конце XIV в. в результате похода Тимура в Дешт-и-Кыпчак племенное объединение сайджиут-сальют откочевывает на север, северо-восток, обретя новую родину в долинах рек Исеть, Сылва, Чусовая.

КИНГИТ (кангит, кенгес, кенигес, кенегес, генигес). Монголы – дарлекины. Наибольшую известность среди кингитов имел темник Кунан (Хунан, Кутан), который, по воле Чингизхана, был приставлен к Джучи в качестве одного из трех нойонов. «Сокровенное сказание монголов» приписывает Чингизхану следующие слова: «Чжочи – мой старший сын, а потому тебе, Хунан, надлежит, оставаясь во главе своих Генигесцев в должности нойона-темника, быть в непосредственном подчинении у Чжочи». Так повелел он и сказал: «Эти четверо – Хунан с Коко-Цосом да Дегай с Усун-Евгеном – из таких людей они, которые виденного не скроют, слышанного не утаят» [Золотая Орда, 2009. С.299]. Вероятно, тот же Хунан упоминается у Рашид ад-Дина в «Летописи царевичей Кипчакской степи» под 639 г.х. [12 июля 1241 – 30 июня 1242 г.] как победитель кыпчаков, который вместе с Сонкуром, сыном Джучи, встретил их «в большом числе» и, дав генеральное сражение, полностью разбил [Золотая Орда, 2003. С.408]. Насколько мне известно, это было последнее сражение монголов с половцами, после него открытых столкновений уже не случалось. В 1242 г.

ландграф тюрингский Генрих, вероятно, по факту результата последнего монголо-половецкого сражения писал, что «команы, люди воинственные, не могли в земле своей выстоять против них, но двадцать тысяч команов бежали к христианам; и готовы были сражаться против каждого народа, кроме вышеупомянутого (монголов)» [Матузова, 1979. С.155].

Кроме того, Рашид ад-Дин сообщает о кингитах, что «из этого племени не вышли очень известные эмиры и люди, но во времена Чингизхана, когда тот раздавал эмиров вместе с войсками сыновьям, он дал несколько эмиров с четырьмя тысячами войск старшему своему сыну Джочи-хану, а из них один эмир, по имени Кутан, был из этой ветви, в улусе же Кунджи, который из потомков Ураде, он же из рода Джучи, (некто) именуемый Хуран, который был известным и великим из эмиров того улуса – из его рода. В настоящее время его дети и родственники находятся там...» [Золотая Орда, 2003. С. 402]. Таким образом, судя по данному отрывку из «Сборника летописей», племя кингит можно локализовать на территории кочевий старшего сына Джучи – хана Орду-Ичена. Эмиры же племени кингит – Кутан и Хуран соответственно отличились на службе у сына Орду-Ичена, сына Сартакая – Куинджи и сына Орду-Ичена – Кули.

Основываясь на сравнении текстов «Памятки» Рашид ад-Дина и «Сокровенного сказания» относительно кингитов улуса Джучи, Р. П. Храпачевский приходит к выводу, что в «Памятке» налицо «искажение монгольского первоисточника, причем как в части имени военачальника (Qunap, а не *Кутан*), так и в части численности приданного ему войска (тысяча вместо тумена)». По-мнению исследователя, «Сокровенное сказание» дает все основания считать, что основная часть военного подразделения приданного Джучи состояла из тумана Хунана, сформированного из племени кингит [Храпачевский, 2006.]. В более поздней монгольской хронике XVII в. «Алтан Тобчи» (Золотое сказание), сочинении Лубсан Данзана, также есть свидетельства о некоем Хунане (Хукине), получившем в распоряжение 8 тыс. людей во владениях Джучи: «За то, что я повсюду следовал за каганом, своим старшим братом, в тумане не сбивался с дороги, не хотел пить, когда был иней, ты дал мне людей, чтобы готовили пищу, людей, чтобы приготовили питье, – восемь тысяч людей ты мне дал! В дальние земли свои посылаешь меня управлять чужим народом» [Золотая Орда, 2009. С.319]. Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов считают, что клан кингит (кенегес) относился в XIV в. к левому крылу Золотой Орды. Среди известных людей этого клана они называют эмира Кугана, направленного Урус-ханом в 1374-1375 гг. в качестве посла в Джагатайский улус, а также Карим би Кенигес и Джанбая «из урука Кенегес», которые были знатными эмирами при Тохтамыш-хане [Исхаков, Измайлов, 2007. С.160].

ХАДАРКИН (хатакин, хадаргин, хатаркин, катаркин). Монголы – нируны. Возглавлял контингент хадакинов в улусе Джучи эмир правого крыла Мукур-куран. Относительно судьбы этого племени в улусе Джучи Рашид ад-Дин замечает следующее: «В настоящее время большинство того войска было в Дешт-и-Кыпчаке вместе с Нокаем. Когда Нокай и его дети задумали восстание, их разграбили. В настоящее время в том владении их много рассеяно» [Золотая Орда,

2003. С. 402]. Племя хадаркин, очевидно, являлось основой монгольского контингента в западной части половецкой степи, бывших причерноморских владениях половцев-куманов. Вероятно, хадаркины попадают в денепроднестровские степи как часть улуса Курмиши (Куремсы). В середине 50-х годов XIII в. военно-административной главой улуса вместо Курмиши становится Бурундай. Вероятно, попав под начало Бурундая, хадаркины могли участвовать в его европейских походах. К концу XIII в. улус, вероятно, был возвращен сыновьям Куремши (Курмеша, Курмиши) – Аяджи (Абаджи), Караджи и Яджи. Сохранилось сообщение Ибн Халдуна об уничтожении Ногаем отрядов внуков хана Орду, сыновей Куремши – Аяджи и Караджи, что, возможно, и предопределило судьбу племени хадаркин: «Главными помощниками его (Ногай) из князей монгольских были Аяджи, сын Куремши, и брат его Караджи. Когда он поставил над ними своих сыновей, то оба они со своим народом ушли к Токтаю. Сыновья Ногай отправились в погоню за ними; некоторые из них возвратились, а остальные ушли. Сыновья Ногай убили тех из приверженцев Аяджи и Караджи, которые возвратились с ними, равно как и детей их. Сильно вознегодовали за это эмиры монгольские, которые находились при нем; они ушли к Токтаю и стали возбуждать его к войне против Ногай» [Золотая Орда, 2003. С.172]¹⁰.

¹⁰ Возможно, что в эпоху Ногай в причерноморских степях складывается обстановка, позволившая стать тюркскому элементу господствующим в этнокультурном аспекте. Исследование погребальных памятников кочевников Северо-Западного Причерноморья позволило сделать вывод, что «из учтенного числа погребений золотоордынского времени, поддающихся этнокультурной атрибуции, подавляющее большинство связывается с различными группами печенежско-торчского населения, как «автохтонного», то есть существовавшего в Северном Причерноморье с IX в., так и пришлого из Поросья. Меньшая часть памятников представлена половецкими племенами и лишь одно погребение и два могильника – ордынцами» [Добролюбский, 1986. С.73]. Под ордынцами автор цитируемой выше работы, А.О. Добролюбский, согласно атрибуции, данной в таблицах, понимает главным образом монгольские племена, влияние которых на формирование единого кочевого населения улуса Ногай было очень незначительным: «Пока можно выделить три основных компонента его образования: «автохтонное» - печенежско-торчское население; печенеги-торки, переселившиеся из Поросья; половцы. Влияние ордынцев на этнообразовательный процесс в кочевой среде было крайне незначительным» [Добролюбский, 1986. С. 78]. Таким образом, видимо, племя хадаркин, составлявшее улус Аяджи (Абаджи) и Караджи (Караджина), перестало существовать на рубеже XIII – XIV вв., а его остатки, окончательно потеряв свою родовую принадлежность к «монголам-хадаркинам», влились в тюркские кланы правого (западного) крыла Золотой Орды. Известно, что племени хадаркин нет ни среди кланов Крымского ханства, ни даже среди перечня 92 кочевых узбекских племен. В качестве гипотезы можно предположить, что в XIV в. монгольские племена правого крыла, в том числе и племя хадаркин, вошли в родоплеменную структуру Золотой Орды под новым именем – «бахрины». Различные транскрипции этого этнонима достаточно широко известны у кочевников как тюркского, так и монгольского происхождения («бари-барын» у кыпчаков, «баарын-баарин» – у монголов и кыргызов, «баарын-табын» у башкиров, «барунгар-дзюнгар-джангар» у ойротов, «бахрин» у кочевых узбеков). Такое широкое распространение этого этнонима вполне понятно, поскольку «баарин-бахрин» – это племя правого крыла, поэтому у бахринов эпохи Тохтамыша иль располагался в правом крыле Золотой Орды.

Возмущенные вероломством Ногая, к хану Токте в 1299 г. откочевывают старший эмир Кутлук-Тимур и эмиры Ак-Буга, Маджи, Судун, Сангай, Утраджи, Тайта. Вскоре Ногаю уже было недостаточно того, что он сместил с постов и вынудил бежать из своего улуса представителей аристократических монгольских родов, он выдвигает требование хану Токте выдать ему на суд кунгирата Салджитай-гургена. Однако на этот раз Ногай допускает ошибку. Токта использует его ультиматум как повод к нападению. Собрав огромную армию, Токта вторгается во владения Ногая и восстанавливает там ханскую власть в полном объеме. Эпоха Ногая была закончена, одним из последствий этого было исчезновение монгольского племени хадаркин.

МАНГЫТ (мангит, манхут, мангут, манкут). Монголы – нируны¹¹. Родовые кочевья в XII в. соседствовали, с одной стороны, с улусом кият-борджигинов и тунгусскими племенами среднего Амура, с другой, – с забайкальскими монголами-баргутами. В начале XIII в. мангытские роды выступали как на стороне Джамухи, так и Темучина, поэтому их нельзя причислить ни к откровенно «враждебным», ни к безусловно «дружественным» племенам. Это племя можно считать, скорее своевременно «присоединившимся»: «Когда Чингиз-хан совершенно покорил племя тайджиут, а племена урут и мангут из-за [своего] бессилия и безвыходного положения смирились [перед ним], большинство их перебили, а оставшихся полностью отдали в порабощение [бэ бандаги] Джэдай-нойону [и], хотя они были его родичами, но в силу приказа [Чингиз-хана] стали его рабами» [Рашид ад-Дин, 1952. С.185]. В «Юань-ши» это событие описывается несколько иначе: «И тогда Чилаун, а равно Чжебе, и Ширгуту-эбуген, а также обоки дуланкитов, чжалаилов и мангутов, ища справедливости, все перешли на сторону [Чингизхана]» [Храпачевский, 2005. С.439]¹². В 1203 г. мангыты вместе с племенем урут

¹¹ Интересный вариант трактовки этнонима мангыт-мангут был предложен С.Б. Дмитриевым. Он предложил интерпретировать его не как просто одно из монгольских племен, а придать ему определенную смысловую нагрузку, связанную с их действиями в бою. По его мнению, мангуты – это та часть войска, которая должна окружать противника, охватывать его с флангов, в то время как уруты должны наносить лобовой удар [Дмитриев, 2004., С.375].

¹² Наиболее известный пример влияния одного из представителей племени мангыт на историю Улуса Джучи приведен у Рашид ад-Дина: «...Чингиз-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны... Когда же он уклонился от участия в этом деле и отправился к своим жилищам, то Чингиз-хан, крайне рассердившись, сказал: «Я его казню, не видать ему милости»...После этого Чингиз-хан еще несколько раз приказывал вызвать его к себе, но (Джучи), из-за болезни не приезжал и приносил извинения. Затем (однажды) какой-то человек из племени мангут проезжал через пределы юрта Джучи; а Джучи, перекочевывая, шел от юрта к юрту и таким же больным достиг одной горы, которая была местом его охоты. Так как он был слаб, то послал охотиться охотничьих эмиров. Когда тот человек увидел это сборище охотившихся людей, то подумал, что это (охотится сам) Джучи. Когда он прибыл к Чингиз-хану и тот спросил его о состоянии болезни Джучи, то он сказал: «О болезни сведений не имею, но на такой-то горе он занимался охотой...». По этой причине воспламенился огонь ярости Чингиз-хана, и, вообразив, что (Джучи), очевидно, взбунтовался..., он сказал: «Джучи сошел с ума, что совершает такие поступки». И приказал, чтобы войско выступило в поход в его сторону и чтобы впереди всех отправились Чагатай и Угедей, и сам собирался выступить в поход вслед за ними» [Золотая Орда, 2003, С.418 – 419]. Таким образом, в результате ложного доноса «человека из племени мангут» едва не началась война. Известие о смерти Джучи вроде бы расставило все на

составили ударный костяк в сражении с объединенной армией кереитского Ван-хана и Джамухи в местности Калаалджит-Элэт. Особо отличился в сражении один из предводителей мангытов Куилдар-сечен, он единственный «во все времена действовал заодно» с Чингизханом, за что тот называл его побратимом – «анда».

Очевидно, массовая миграция мангытов в Улус Джучи происходит не ранее XIV в. и была связана с политической нестабильностью в соседних монгольских улусах, отголоском тех событий было замечание Рашид ад-Дина о перемещении части монголов в Улус Джучи: «Во время междоусобиц среди дальних и близких родичей (ака ва ини) часть также должна была уйти туда (во владения Токтая и Баяна)» [Золотая Орда, 2003. С. 405]. В.В. Трепавлов предлагает гипотезу о «джагатайском» происхождении мангытов. По его мнению, мангыты наряду с баруласами и кунгиратами отошли в удел Джагатай-хана и кочевали в районе Трансоксианы – Хорезма. Оттуда мангытские племена откочевывают на территорию Белой Орды. В XIV в. мангыты постепенно добираются в Поволжье, Кавказ, Крым и уже к 60 – 70 годам того же столетия образуют небольшой улус в междуречье Яика и Эмбы [Трепавлов, 2001. С.70]. Хотя данная концепция, по признанию самого автора, во многом носит гипотетический характер, по сути является одной из наиболее последовательных теорий, объясняющих факт появления в Улусе Джучи племени мангытов, оказавших на рубеже XIV – XV вв. серьезное влияние на этнополитическую расстановку сил в Золотой Орде. Период «эмбрионального» развития мангытского улуса не нашел достаточного отражения в письменных источниках, что дает широкое поле для различных исторических гипотез о его возникновении. По всей видимости, пока более уместно говорить не о каких-то целенаправленных миграциях в конце XIII или первой половине XIV вв., а о вынужденной откочевке на относительно свободные земли на границе Кок-и Ак-Орды мангытского клана, к которому вскоре и присоединились другие кочевые племена Улуса Джучи.

Следует отметить, что история появления мангытов в Золотой Орде каким-то образом была связана с другим кочевым кланом Улуса Джучи – кунгиратами. В разделе «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, посвященном кунгиратам, отмечено, что: «В эпоху Чингис-хана были (известны) братья Турукаджар-бахадур и Сартак-бахадур, о которых упоминалось; во время раздела они достались Тулуй-хану в тысяче Джиды-нойона и стали побратимами и сватами (анда-кунда) с племенем мангут» [Рашид ад-Дин, 1953. С.166]. Память о существовавших родственных связях с кунгиратами могла позволить мангытам в XIV в. обосноваться в слабозаселенных территориях, приграничных с «Тахт улус». Возможно, появление на свет легендарного основателя мангытского улуса –

свои места – было проведено расследование, восстановившее реальную картину. Однако, на мой взгляд, не совсем ясно: была ли смерть Джучи вызвана долгой болезнью или наступила в результате отравления, которое сделало бы не нужным военное вторжение в его улус. Кроме того, совсем не ясно, кто был тот таинственный мангыт, который сначала смог так повлиять на Чингизхана, чтобы тот принял решение о походе на улус старшего сына, а когда обман раскрылся, вероятно, смог уйти от наказания и скрыться в неизвестном направлении. Видимо, это был человек незаурядный или очень везучий.

Едигея (Идику) было результатом «смешанного брака», поскольку он, по одним данным, был ак-мангыт, по другим – кунгират. В. В. Трепавлов считает, что между кланами мангытов и кунгиратов существовало «определенное партнерство». Он приводит свидетельства хрониста кунгратской династии Хивы Муниса, который причислял к кунгиратам несколько, несомненно, мангытских предводителей, а также каракалпакские шежиры, свидетельствующие о неразрывных родственных связях, существующих между этими племенами [Трепавлов, 2001. С.88].

Так или иначе, но к 80-м гг. XIV в. мангыты уже составляли реальную конкуренцию кунгиратам при ханском дворе. Старший брат Идику Иса-бек становится ближайшим советником Тохтамыша, а согласно сообщениям протимуридски настроенных историков, группа «толба (безумцев) мангутских» оттесняет в приближении хана «рассудительных» кунгиратов и бахринов. В первой половине 1390-х годов под угрозой нашествия Тамерлана мангытский эль, чтобы избежать истребления, вероятно, откочевывает в бассейн Яика и Эмбы. Ибн Арабшах в главе «О том, что устроил Идику и как он обманул Тимура да провел его» так пишет об этом: «Идику послал гонца к своим родичам и соседям, да к племенам левой стороны – все они принадлежали к числу сторонников и друзей его – без ведома о том Тимура, (сказать) чтобы они ушли со своих мест и откочевали из своих родных краев, направляясь туда, где и самый центр и местности до него (представляют) трудное сообщение и много опасностей; чтобы они, коли возможно, на одном привале не оставались 2 дня, и чтобы они (непременно) поступили так, иначе Тимур, застигнув их, рассеет их и погубит всех» [Золотая Орда, 2003. С. 211].

После того как опасность миновала и армия Тимура покинула разоренные поволжские улусы, вероятно, большая часть мангытов и ряд других примкнувших к ним элей возвратились в родные кочевья. Помимо того, что Идику являлся некоторое время единовластным правителем Заволжских степей, он в течение 15 лет (с 1396 по 1411 гг.), по свидетельству Ибн Арабшаха, был наиболее влиятельным человеком в Золотой Орде, который единолично, по собственному разумению, «ставил и смещал ханов» [Золотая Орда, 2003. С. 214]. Во время его правления заволжские степи – так называемый «внутренний эль», со всеми его племенами входят в мангытский улус в качестве удела старшего сына правителя – Нурадына. После распада Золотой Орды мангытский улус составляет правое крыло в государстве Абулхаир-хана, а вскоре становится ядром самостоятельного государства – Ногайской Орды.

Кияты, кунгираты, хушины, сайджиуты, кингиты, хадаркины, мангыты – вот далеко не полный перечень групп монголов Улуса Джучи. Данный список можно продолжать как минимум в двух направлениях. Во-первых, его можно расширить за счет отрывочных сведений восточных авторов о составе армии Бату. С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов в монографии «Государства и народы евразийских степей» на основании сведений средневековых хронистов Махмуда-ибн Вали, Абулгази и анонимного автора «Зубдат ал-асар» допускают присутствие в армии Бату ополчения племен: аргун, огуз, найман, буйрак, ойрат, карлук, кушчи, усун, минг, конграт, кереит, барлас, тархан. Четыре из них – кушчи, найман, карлук,

буйрак были отданы в подчинение одному из братьев Бату – Шибану, другие четыре – минг, тархан, ушун, ойрат – другому брату – Тукай-Тимуру [Кляшторный, Султанов, 2009, С.256]. Вероятно, большая часть названных племен, за исключением усун (ушун, хушин) и конграт (кунгират), представляли собой относительно немногочисленный военный контингент и в силу этого не имели собственных тысяч в армии Джучи, а входили в так называемые «сборные» тысячи. Во-вторых, среди «монголов» Золотой Орды наверняка были представители народов, добровольно присоединившихся к армии Джучи в результате его похода против «северных племен», который непосредственно предшествовал завоеванию земель кыпчаков. Кыргызы, ойраты, буряты, уйгуры, бархуны, урсуты, хабханасы, ханхасы, тубасы и другие племена Восточной и Южной Сибири вполне могли пополнить состав вспомогательных войск покорителей Дешт-и-Кыпчак. Вместе с тем, на мой взгляд, следует признать, что пока нет достаточных оснований расширять вышеуказанный список «монголов» Улуса Джучи, поскольку возможность их переселения в Золотую Орду, в частности на Волгу, нашла слабое отражение в письменных источниках, следовательно, говорить об этом можно только предположительно. Таким образом, предложенный список семи «монгольских» кланов Улуса Джучи можно признать в качестве рабочего варианта – перечня основных племен южносибирского и центральноазиатского происхождения, инкорпорированных в родовую структуру кыпчакских степей¹³.

¹³ Анализируя структуру кланов в Улусе Джучи, Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов отмечают, что состояние источников не позволяет реконструировать клановую систему довольно четко, особенно в период до середины XIV в. «Ясно, что определенная племенная организация присутствовала, но ее структура пока неизвестна. Единственное, что можно сказать точно, что уже в ранний период важную роль в политике Улуса Джучи играли представители кланов Силдживут (Салджигут), Кингит и Хушин, а также некоторые другие – Алчи-татар, Кунграт и Кийат. Во всяком случае, они чаще других фиксировались в источниках, что отражало, в определенной степени, их «вес» в клановой структуре ханства... Тяжелый удар, который нанесла всей социальной системе Улуса Джучи «великая замятня» 60-70-х гг. XIV в., сказалась и клановой системе. Не исключено, что прежние правящие кланы понесли значительные потери и начали постепенно сходить с политической арены, а их место начинают занимать выходцы из Кок-Орды. Уже в 1380-е гг. можно видеть совсем другую ситуацию – наряду с прежними кланами Кунграт, Кийат и Сарай в число ведущих кланов начинают выдвигаться кланы Мангыт, Ширин и Барын» [Исхаков, Измайлов, 2007, С.165].

Глава 2. Варианты этнических контактов монголов в Золотой Орде

«Татары остановились в Кипчаке. Это земля обильная пастбищами зимою и летом; есть в ней места прохладные летом, со множеством пастбищ, и (есть в ней) места теплые зимою (также) со множеством пастбищ, т.е. низменных мест на берегу моря»

Из летописи Ибн ал-Асира
[Золотая Орда, 2003. С.26].

«Будучи в абсолютном меньшинстве, золотоордынские монголы не имели возможности создать деспотический режим. Поэтому Орда возглавляла конфедерацию местных этносов...»

Гумилев Л.Н. «Древняя Русь и Великая Степь»
[Гумилев, 2001. С.565].

Традиционно считается, что небольшое количество монголов определило их быструю ассимиляцию. При этом обычно приводится цитата из сочинения арабского историка первой половины XIV в. Ибн Фадлаллаха ал-Омари, который писал об Улусе Джучи: «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они (Татары) смешались и породнились с ними (Кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (Татар), и все они стали точно Кипчаки, как будто они одного с ними рода, от того, что Монголы (и Татары) поселились на земле Кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить на земле их (Кипчаков). Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирожденные черты согласно ее природе, как мы сказали уже выше. Иногда же замечается большая или меньшая разница цвета (тела) вследствие другой (какой-нибудь) причины, помимо влияния страны» [Золотая Орда, 2003. С.105].

Не все исследователи считают, что приведенный выше перевод ал-Омари бароном В.Г. Тизенгаузеном идеален. В частности, В.П. Костюков отмечал, что более близок к тексту гораздо более лаконичный перевод не менее известного немецкого историка и лингвиста И. Маркварта: «Кипчаки, которые прежде имели собственное государство, были побеждены. Поскольку победители поселились в этой стране и путем браков объединились с ее жителями, в сочетании с воздействием климата это привело к тому, что их внешность изменилась, так что в настоящее время оба народа внешне уже не различаются» [Костюков, 2006. С.200].

Так или иначе, данная цитата широко известна и часто используется историками, когда речь заходит об ассимиляции монголов в тюркской среде,

однако не всегда учитываются общий контекст и обстоятельства ее возникновения. По мнению И.Л. Измайлова, «автор в действительности имел в виду не факт растворения монголов кыпчаками, а разъясняет, почему рабы, привезенные из владений Узбека в Египет, столь же хороши, как и в более ранние времена» [Измайлов, 2001. С.246]. К тому же выводу относительно трактовки сообщения ал-Омари, пришел и В.П. Костюков. «Рассуждение ал-Омари – это не научное осмысление свидетельств надежных информаторов и уж тем более не репортаж путешественника и очевидца, как нередко оно подается в литературе. Его действительный статус – ситуативное умозаключение, содержащее оценку качества доставленных в Египет рабов, в котором автору с бесспорным мастерством удалось соединить глубокую эрудицию и завидную политкорректность» [Костюков, 2006. С.203].

Таким образом, можно считать, что высказывание ал-Омари носило гораздо более утилитарный характер, чем представлялось раньше, и поэтому, на наш взгляд, при рассмотрении вопроса этнических контактов монголов и кыпчаков была бы вполне уместна цитата из «Этногенеза и биосферы земли» Л.Н. Гумилева. Он утверждал, что «имеют место разные варианты этнических контактов, возникающих на территориях, заселенных разными этносами, политически объединенными в полиэтнические государства. При изучении их взаимоотношений можно различить четыре варианта:

а) сосуществование, при котором этносы не смешиваются и не подражают друг другу, заимствуя только технические нововведения;

б) ассимиляция, т.е. поглощение одного этноса другим с полным забвением происхождения и былых традиций;

с) метисация, при которой сохраняются и сочетаются традиции предшествующих этносов и память о предках; эти вариации обычно бывают не стойкими и существуют за счет пополнения новыми метисами;

д) слияние, при котором забываются традиции обоих первичных компонентов и рядом с двумя предшествующими (или вместо них), возникает новый, третий этнос» [Гумилев, 2007. С.61.].

Рассмотрение монгольского компонента в Дешт-и-Кыпчак по отдельным его составляющим – на уровне отдельных племен, переселившихся в Улус Джучи, позволяет выделить несколько вариантов развития событий. На наш взгляд, письменные источники дают основания говорить о, как минимум четырех, исторически возникших типах этнических контактов монгольских и тюркских кочевых племен в Золотой Орде.

Первый – ассимиляция путем вхождения монголов в родовую структуру кыпчаков на правах одного из племен конфедерации. Хушины, сайджитуты, кингиты были основой армии, теми самыми 4 тыс. (по Р. П. Храпачевскому – 13 тыс.) монгольского войска, полученными в удел Джучи, поэтому монгольский «военный контингент» уже во втором-третьем поколениях стал «точно Кипчаки, как будто одного с ними рода». Основная причина этого превращения состояла в том, что 4 тыс. монголов Улуса Джучи, окончательно оторванные от родных улусов и превратившиеся по воле Чингизхана в «народ-армию», не имели другой

перспективы, как вступать в брачные отношения с местными тюркскими племенами и оставаться жить на их земле. Традиционные связи свойства-побратимства, существовавшие у этих племен на родине, были разорваны, поэтому были необходимы новые, которые, очевидно, образуются между хушинами и табынцами, сайджиутами и хатаями, кингитами и каким-то одним или несколькими тюркскими племенами улуса Орду-Ичена.

Второй – ассимиляция на уровне рассеянного субстрата. Вероятно, эта судьба постигла небольшие группы кочевников: татар, меркитов, кераитов, найманов, ойратов, входивших в сборные «тысячи» войска Джучи или Бату в качестве отдельных «сотен». К их числу можно отнести и племя хадаркинов, которые входили в одну из сборных тысяч монголов и относились к правому крылу улуса. Неблагоприятные политические обстоятельства не позволили данному племени войти в клановую структуру кочевников Улуса Джучи, как это произошло у монголов левого крыла Орды. На рубеже XIII–XIV вв. хадаркины полностью рассеиваются среди кочевников правого крыла и ассимилируются.

Третий – образование определенного привилегированного клана, долгое время сохранявшего монгольские традиции и память о предках. Главенствующее положение в Улусе Джучи киятской племенной аристократии («богоизбранные» кият-борджигины и так называемая прослойка «Кият-беев») и традиция заключения брачных союзов преимущественно с монгольскими племенами, в частности племенем кунгират, видимо, не могли не сказаться на определенных этнических отличиях. Особое положение кият-борджигинов, вероятно, было первопричиной появления понятия о существовании особого «золотого рода» потомков Чингизхана. Высшая ханская власть в государствах наследниках Улуса Джучи могла принадлежать только потомкам Чингиза, которые наряду с мифическими «потомками» пророка составляли «белую кость», по факту своего рождения стоявшую выше всего остального населения Дешт-и-Кыпчак – «черной кости». Несмотря на то, что и те, и другие уже давно являлись и по языку, и по культуре тюрками, только «белая кость» могла претендовать на высшую ханскую или султанскую власть. Момент, когда высшая монгольская аристократия («золотой род») стали тюрками, когда «земля одержала верх над природными и расовыми качествами», видимо, наступил несколько позднее, чем у других монголов Улуса Джучи, и во многом определялся тюркизацией их ближайшего окружения, в первую очередь кунгиратов – их основных брачных партнеров.

Четвертый – слияние, когда из двух и более компонентов появляется новый этнос. А.Ю. Якубовский считал, что «мангыты и хонкираты сохранили свою племенную идентичность, не утратили единства и впоследствии превратились в значительные народности. Правда, при этом не удержали своего монгольского языка и отюречились» [Греков, Якубовский, 1950. С.298]. На рубеже XIII и XIV вв. в Поволжье появляется новый тюркский этнос, в основе которого были около 30 тыс. кибиток монголоязычных хонгиратов и 100 тыс. кибиток тюркоязычных кочевников – кыпчаков и канглов. Вполне вероятно, что в это время у кунгиратов происходит смещение этнической доминанты с монгольской на тюркскую. С одной стороны, кунгираты превращаются в одно из самых многочисленных

племен Улуса Джучи (за счет вливания кыпчаков и канглов), с другой – они окончательно перестают быть монгольским племенем по языку и обычаям. Союз кунгиратов и киятов – основа родового эля Джучидов – обеспечивал их исключительное положение, поэтому нельзя сказать, что они бесследно растворяются в тюркской среде, как хадаркины, или становятся одним из многих тюркских племен Дешт-и-Кыпчак, как хушины, сайджиуты и кингиты¹⁴.

К концу XIV в. мангыты сменяют кунгиратов, долгое время доминировавших в поволжских улусах. Видимо, до этого момента в Волго-Уральском междуречье происходила подспудная консервация самобытной этнической компоненты в составе небольшого «мангытского» улуса. В начале XV века мангыты, так же, как кунгираты в начале XIV в., становятся наиболее влиятельным родом, уже мало отличаясь по языку и обычаям от остальных кочевых племен Улуса Джучи. Возвышение мангытов было обусловлено, как и у их предшественников – кунгиратов, объединением вокруг себя значительного конгломерата тюркских племен и образованием на этой основе нового этноса. Нарастание центробежных тенденций, предшествующее распаду Золотой Орды, не позволило кунгиратам окончательно оформиться в народность, что позднее удалось мангытам, которые, создав из осколков Улуса Джучи свое государство, положили начало новому этносу – ногайцам¹⁵.

История обретения новой родины хунгиратами-кунгиратами и мангутами-мангытами во многом похожа благодаря тому, что, несмотря на свою первоначальную немногочисленность, они не просто в какой-то момент времени из монголоязычных становятся тюркоязычными, а выходят на новый уровень

¹⁴ Совместная кочевка монгольских и тюркских аилов хорошо прослеживается по археологическим источникам – курганным могильникам, оставленным населением золотоордынских улусов. Золотоордынские курганы обычно расположены на водоразделах рек и составляют компактные группы. Зачастую в одной курганной группе присутствуют погребения имеющие значительные различия в ориентировке, обряде и ритуале захоронения, но датируемые одинаково – XIII–XIV вв. Интерпретация этих различий имеет большое значение для понимания этнических процессов того времени, поскольку консервативный характер погребального обряда может дать уникальную возможность выявить среди общей массы захоронений кочевников Золотой Орды комплексы, органически связанные с синхронными захоронениями с территории Бурятии и Монголии. Исследование 387 языческих подкурганных захоронений Нижнего Поволжья показало, что 25% погребений имеют монгольское происхождение (Ракушин А.И. Южно-сибирские элементы в погребальном обряде золотоордынских кочевников Нижнего Поволжья. В печати).

¹⁵ Представители родов кунгират и мангыт были в свое время достаточно влиятельны в Золотой Орде, но занять ханское место они не могли, поскольку не принадлежали к «золотому роду» потомков Чингизхана. Однако мангыты, как правители Ногайской Орды, все же смогли подтвердить легитимность своей власти. Как известно, мангытские мурзы вели свое происхождение от Идиге, который якобы был внуком известного мусульманского святого Баба Туклеса (Абдрахим Тукли-баба Шашлы-але, султан Бабаткуль), потомка арабского халифа Абу Бакра. Таким образом, эта легенда позволяла выделиться мангытской аристократии среди общей массы кочевых племен. Мифические потомки Пророка, как и реальные потомки Чингизхана, были привилегированным слоем и относились к «белой кости», в отличие от всех остальных – «черной кости».

этногенеза, консолидируя вокруг себя разрозненные кочевые кланы Дешт-и-Кыпчак. Такое развитие событий, на мой взгляд, соответствует общему направлению становления этносов Золотой Орды. По мнению М.Г. Крамаровского, «Определяющей тенденцией развития Улуса Джучи оказалось стремление к объединительным процессам, часто насильственным. Характерно, что шли они внутри разных этнических групп одновременно на нескольких уровнях: консолидация, ассимиляция, интеграция. В процессах консолидации участвовали родственные по языку и культуре народности преимущественно тюрко-монгольской группы. В ассимилятивных процессах преобладающее значение получили кипчаки европейской зоны степей. Интеграция различных по своим языковым и культурным признакам этносов привела к появлению в Дешт-и-Кыпчак новой этнополитической общности, которую мы сегодня называем золотоордынской» [Крамаровский, 2003. С.66].

Близкую позицию по вопросу основных тенденций этногенеза кочевников Улуса Джучи занимают С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов: «С приходом в Кыпчакскую степь центральноазиатских (монголо-татарских) племен наступил новый этап этнической интеграции. Главным результатом этого сложного по характеру и продолжительного по времени многоаспектного процесса были:

- 1) смешение родов и племен, смена многих прежних местных тюркских (кипчакских) этнонимов на монголо-татарские, формирование ряда новых родо-племенных групп с ранее неизвестными или парными наименованиями;
- 2) тюркизация монголо-татарских племен и принятие ими ислама;
- 3) формирование из конгломерата родов и племен, находившихся на различных стадиях своего развития, каким было население Дешт-и-Кыпчака, целого ряда тюркских народностей, в том числе и с монгольскими названиями» [Кляшторный, Султанов, 2009. С.252 – 253].

Исходя из вышеизложенного, надо признать, что возможность таких серьезных «трансмутаций» монгольских племен в поволжских степях не могла быть обеспечена исключительно военной силой и жесткими отношениями господства – подчинения «unagan bogol»¹⁶.

Несмотря на то, что за монголами оставалась решающая роль в образовании государства, тюркский язык был языком общения в Золотой Орде. Тюркский компонент до и после завоевания продолжал абсолютно доминировать в Дешт-и-Кыпчак, поэтому направление этногенеза кочевников Золотой Орды могло

¹⁶ Данный термин связан с существованием среди средневековых монголов определенных неполноправных кланов кочевников – «unagan bogol», зависящих от других, полноправных кланов. Зачастую данная ситуация возникала в результате военных столкновений между кочевниками, когда победители захватывали земли побежденных, которые становились их «unagan bogol». Б.Я. Владимирцов считал, что эту категорию общества все же нельзя рассматривать как рабов, поскольку они сохраняли свое имущество, пользовались определенной личной свободой, но все результаты их труда были в распоряжении их господ. По его мнению, «unagan bogol» должен был кочевать вместе со своими владельцами и образовывать по их указаниям курени и айлы, позволяя своим господам вести большое скотоводческое хозяйство [Владимирцов, 1934. С.64-65]. На мой взгляд, в Поволжье в XIII-XIV вв., в отличие от Монголии времен Чингизхана, такие отношения были маловероятны и, скорее всего, трансформировались в более мягкие формы зависимости.

определяться разными факторами, в том числе и особенностями «межплеменного договора» номадов. Понятие межплеменного договора между различными тюрко-монгольскими племенами определяло основное направление этногенеза многих кочевых народов Великой Степи, поскольку оно объединяло их в единое целое и нередко даже определяло рождение нового этноса. Преемственность одних и тех же племен и родов в составе различных кочевых объединений, в том числе и Улусе Джучи, позволяет говорить, что договор мог стать главным стержнем при формировании новых кочевых этносов в Поволжье в XIII–XV вв. Важным источником для изучения этого явления является сочинение конца XVII в. «Дафтар-и Чингиз-наме». В отличие от ставших уже хрестоматийными арабо-персидских источников поздние тюркские источники, к числу которых относится «Дафтар», предлагают взгляд «изнутри» – на основе устной традиции кочевой степи. Хотя данная особенность придает изложению определенный эпический характер и часто противоречит известной хронологии истории Улуса Джучи, главная ценность источника состоит в том, что он отражает события с абсолютно недоступной арабо-персидским «информаторам» точки зрения – договора кочевых племен, благодаря чему Чингиз-хан становится правителем степи по призыву глав родов, беков. По мнению сербского историка М. Иванич, в «Дафтаре»: «...отражается практика Золотой Орды, где ханы садились на трон с согласия беков и с помощью беклярибека. Чингиз-хан здесь не историческое лицо, а идеализированный степными тюркскими племенами прототип хорошего правителя» [Иванич, 2003. С.316].

Внимательное рассмотрение перечня беков-родоначальников, которые выбирали Чингиза ханом или выступали против него, по мнению М.Иванич, обнаруживает как полулегендарных предков, так и реальные исторические личности XIII–XIV вв.: Кият Бондочар оглы (уран – аруджан), Сенгле Конгырат Бек-оглы (уран – конгырат), Уйшин Майки-бек (уран – Салават), Урдач-бек (уран – алач), Тамян-бек (уран – тутийа), Кыпчак-бек (уран – Токсаба), Джорматы-бек (уран – актайлык), Кереит-бек (уран – арцру), Мутайн-бек (уран – бай-конгырат), Бурджан-бек (уран – актоган), Буркыт-бек (уран – бурудж), Катай-бек Кагынчар-оглы (уран – тайлак), Салчут-бек (уран- барлас), Темир-Кутлу-Бек (уран – табан). Большинство имен родоначальников-биев сопоставимо с автохтонными башкирскими – «Урдач», «Тамян», «Джорматы», «Муитан» и кыпчакскими – «Бондочар», «Кыпчак», «Калдар», «Токсаба» племенами. Наряду с ними присутствуют и этнонимы монгольского происхождения: «Кият», «Конгырат», «Уйшин», «Кереит», «Салчут». Такое смешение имен свидетельствует о широких контактах тюркских и монгольских племен, что дает определенную почву для сомнений относительно того, всегда ли монгольское завоевание Дешт-и-Кыпчак сопровождалось уничтожением старой родовой элиты, массовыми переселениями племен и разрывом старых родовых связей. Историческая память народа сохранила не разрушение - уничтожение кыпчакской конфедерации, а созидание - договор между победителями и побежденными и становление новой этнической общности в рамках Улуса Джучи. Хотя согласно «Дафтар», первым шагом хана после воцарения было физическое устранение своих противников – старейшин

четырёх родов, не признавших Чингиза, их сыновей помиловали, чтобы не оборвались их роды. Более того, в «Дафтаре» есть указания на то, что сыновей побежденных биев-старейшин не отлучили от власти, они становятся равноправными членами союза племен. Такое «бережное» отношение к главам кочевых кланов Дешт-и-Кыпчак со стороны Чингизидов, на первый взгляд, достаточно неожиданно, поскольку противоречит существующему в исторической литературе тезису относительно поголовного уничтожения монголами кыпчакской аристократии.

С.А. Плетнева в своих работах неоднократно подчеркивала целенаправленное и методичное уничтожение монголами половецких ханов: «Непрекращавшиеся волнения в степях, мешавшие монголам наладить собственную экономическую базу (планомерное кочевание) и создававшие постоянную опасность в уже как будто бы завоеванном тылу, привели к тому, что монголы решили просто уничтожить всю половецкую аристократию» [Плетнева, 1990. С.179]. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, причиной такого отношения Чингизидов к половецким ханам было то, что «половецкая степь оказалась не периферией, а центром Золотой Орды, где монгольские ханы хозяйничали сами, не допуская местной аристократии к управлению» [Федоров-Давыдов, 1966. С.236]. Другими словами, в «вертикали власти», построенной потомками Джучи, не было места для половецких ханов. В.В. Трепавлов также отмечал эту тенденцию во взаимоотношениях монгольской и кыпчакской элит: «В отношениях же с половецкими номадами создатели Монгольского государства могли найти гораздо меньше точек соприкосновения, чем с другими тюркскими народами. В 30-х годах XIII в. Дешт-и-Кыпчак был окончательно завоеван, местная аристократия была изгнана или истреблена...» [Трепавлов, 1993. С.56].

Гораздо более радикально относительно политики монголов к кыпчакской аристократии высказался сотрудник Института истории имени Ш. Марджани АН РТ С.Х. Алишев, считавший, что все кыпчакские племена были мобилизованы в монгольскую армию, а «все их лидеры, князья или вожди были ликвидированы» [Алишев, 2009. С.194]. Далее он писал: «Уничтожение кочевых правителей доказывается тем, что до покорения этих скотоводческих племен в источниках назывались имена их князей... С середины XIII в. таких указаний не имеется. До монгольских завоеваний кипчаки ставили каменные бабы над могилами почитаемых людей. При монголах это дело прекратилось» [Алишев, 2009. С.195].

Существуют и прямо противоположные высказывания по этому вопросу. В частности, доцент Армавирского государственного педагогического института Е.И. Нарожный пишет: «... ограничение периода функционирования половецких святилищ монголо-татарским временем – лишь следование сложившимся научным стереотипам, явно устаревшим. Прочно укоренилось в науке и утверждение Г.А. Федорова-Давыдова о том, что после окончания завоевательной кампании Чингизидов половецкая знать была уничтожена. Это явно преувеличено. Зачем это было нужно делать, если последняя, судя, в частности, по письменным источникам, перешла на сторону победителей». [Нарожный, 2003. С.251].

Половецкие изваяния изображали конкретных представителей родовой аристократии половцев – прославленных ханов, беков, батыров и их жен. С приходом монголов половецкие изваяния, ранее прославлявшие кыпчакскую аристократию, постепенно отходят в прошлое, в связи с чем некоторые из них «прячутся», то есть зарываются в курганные насыпи. Этот факт, несомненно, свидетельствует о потере власти половецких ханов в степи. Однако, в то же самое время, он не может быть следствием полного устранения половецкой аристократии. В домонгольское время в южнорусских степях половецкие изваяния возводились не на курганах представителей родовой аристократии, а скорее, на границах их владений, тем самым они отражали принадлежность родовых кочевий к определенной кыпчакской орде. «Как правило, половцы выбирали, конечно, наиболее заметные в степях возвышенности, в наиболее заселенных местах, пересеченных дорогами... Все проезжающие обязаны были приносить им жертвы и поклоняться им» [Плетнева, 1990. С.112]. Новым хозяевам степи эти «истуканы» были бесполезны – маршруты перекочевок и границы улусов определял хан. Утратив свое утилитарное значение, каменные и деревянные половецкие бабы стали не нужны как пограничный знак, хотя и оставались важным элементом культа предков кочевников-тюрок. Учитывая веротерпимость монголов, половецкие святилища могли сохраняться еще определенное время. Их разрушение, вероятно, началось в Золотой Орде только после принятия ислама, что само по себе не является доказательством поголовного уничтожения половецкой аристократии. «Огромное количество половецких изваяний пережило не только саму завоевательную кампанию Чингизидов, но и Золотую Орду, продолжая оставаться в неизменном виде на приметных точках возвышающегося ландшафта, сохранившись в ряде мест вплоть до XIX – XX вв. » [Нарожный, 2003. С.251].

Вызывает большие сомнения и тезис об исчезновении из письменных источников золотоордынского времени имен кыпчакских «князей». С.М. Ахиджанов и А. Ш. Кадырбаев, опираясь на китайские источники XIII–XIV вв, приводят ряд интересных свидетельств о хане восточных кыпчаков Кунджеке и его сыне Кумурбише, известном полководце Асанбуке из племени канглы, а также знаменитом Тутухе из рода кыпчаков ильбари – все они занимали значительные должности в монгольской империи [Кадырбаев, 1997. С.17-24; Кадырбаев, 2000. С.66-76; Ахинжанов, 1973. С.59-70]. Отец Тутухи хан Баньдучар добровольно подчинился монголам и отличился воинской доблестью при завоевании Руси. Его сын пошел гораздо дальше – во главе кыпчакских тысяч сражался с войсками Ариг-Буги, обеспечив победу хану Хубилаю. В 1293 г., во время войны против чингизида Хайду, он во главе кыпчакского войска разгромил и привел к повиновению пять восставших племен кыргызов. В 1297 г. Тутуха в знак особого доверия Великого хана получает право возглавить отдельный воинский контингент, состоящий исключительно из кыпчаков. Однако, справедливости ради, надо признать, что даже в китайских источниках упоминаний о кыпчаках, занимавших высшие посты в монгольской империи, не так много. В.П. Костюков отмечал, что среди помещенных в «Юань-Ши» 209 биографий главных

военачальников только 12 принадлежат кыпчакам [Костюков, 2006. С.226]. Опубликованные в 2009 г., в третьем томе «Золотой Орды в источниках», под редакцией Р.П. Храпачевского, сведения официальной хроники династии Юань («Юань ши») дают представление о том, какие должности занимали кыпчаки в этом государстве и за какие заслуги они их получали. В четвертой главе «Жизнеописания знаменитых» летописи «Юань ши» среди полководцев Субэдея, отличившихся в завоевании Дешт-и-Кыпчак, упоминаются: Жалчек-батур из кыпчаков, Аймаур из рода канглы, Исмаил из орды гузов [Золотая Орда, 2009. С.222, 243 – 244].

Таким образом, вопрос об отношении Чингизидов к половецко-кыпчакской аристократии пока нельзя считать закрытым. Исследователь государственно-политической элиты Золотой Орды Ю.В. Селезнев выделяет несколько слоев в ее структуре: «Высшей стратой являлся род Джучи, имевший право на наследование государственной власти. Привилегированное положение занимали эмиры нечингизиды, находящиеся в родстве с правящим домом по женской линии... Далее следовали эке нойоны (великие эмиры) и нойоны эмиры – владельцы улусов-туменов и улусов-тысяч. Их социальное положение зависело от пожалований великого хана, который лично назначал их на должности. Основными их обязанностями было несение военной службы, которая позволяла им продвигаться вверх по социальной лестнице. Данный слой являлся источником для воспроизводства высшего слоя служилой аристократии. Его резервом были сотники и десятники. К этой же страте необходимо отнести и большинство представителей национальной аристократии завоеванных стран» [Селезнев, 2009. С.20].

Предположительно, расхождение в трактовке политики монголов в отношении как половецко-кыпчакской аристократии, так и всего кочевого населения степи, в первую очередь, объясняется неоднозначностью оценки военной кампании по захвату Дешт-и-Кыпчак 1222 – 1242 гг. Образование Улуса Джучи в 1206 г. изначально подразумевало развитие наступления монгольских войск на запад – в страны «Булар, Дешт-и-Кипчак, Башгурд, Рус и Черкес», поэтому эта война имела стратегическое значение для всей империи Чингизхана. Кампания проводилась в несколько этапов, имела различные тактические цели и охватывала разные театры военных действий. Несколько походов монголов были объединены одной задачей – полным подчинением кыпчакской степи. Выполнение этой задачи было возложено на одного из лучших специалистов монголов в области западных походов – Субедея-бахадур, и началось при Чингизхане, продолжившись уже в правление великого хана Угедея¹⁷.

¹⁷ Военные действия монголов 1236 – 1242 гг. в Западной и Восточной Европе, известные в историографии как «Западный поход», были частью более глобального плана монголов по захвату земель западнее Иртыша. В китайских источниках осуществление этого замысла обычно именуется «Кыпчакской кампанией». Покорение кыпчаков, а не завоевание Руси и других оседлых народов было основной задачей этой кампании. «Во времена правления Чингизхана и Угедея основной стратегической целью монголов являлась унификация и военная мобилизация степных номадов, «людей, живущих в войлочных юртах», и кыпчаки – наиболее многочисленное из степных племен – были последними, кто сохранил независимость» [Олсен,

Глава 3. Война за Дешт-и-Кыпчак

«А Субеетай-Баатура он отправил в поход на север повелевая дойти до одиннадцати стран и народов, как-то: Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат перейти многоводные реки Идил и Аях, а также дойти до самого города Кивамен-кермен».

«Сокровенное сказание монголов»
[Золотая Орда, 2009. С.307].

На первоначальном этапе (1222 – 1227 гг.) перед двадцатитысячным монгольским корпусом Чжебе и Субедея стояла задача разведки боем вероятного противника и оценка возможности завоевания плацдарма в половецкой степи. Субедею предстояло пройти тысячи километров по враждебной территории, «... изучая расположение и состояние стран, ее составляющих, и сражаться до тех пор, покуда не столкнуться они с правителем, которому не смогут противостоять, а тогда немедленно возвращаться» [Гайтон, 2006. С.256]. Успех на этом этапе был очень важен, поскольку обеспечивал дальнейшее продвижение в завоевании степи. Среди десятка известных тогда половецких орд для нападения было выбрано наиболее крупное объединение волго-донских половцев, хан которых Юрий Кончакович с полным правом претендовал на титул «наибольшего» князя половецкого. В 1222 г., обойдя с юга Каспийское море, Субедей нанес поражение войскам грузинских и армянских князей. Далее, двигаясь на север, он встретил объединенное войско алан и половцев. Получившие от монголов богатые подарки половцы предают аланов и отступают в Кубанские степи. В результате, сначала аланы, вскоре и половцы были поочередно разбиты. Сражение с войском монголов полков Юрия Кончаковича (хана волго-донских половцев) и Даниила Кобяковича (хана лукоморских половцев), вероятно, заканчивается их гибелью. Хотя Галицко-Волынская летопись отмечает, что Юрию Кончаковичу удалось скрыться бегством [История Золотой Орды, 2003. С.16], Новгородская летопись говорит о том, что Юрий и Даниил были убиты, а с ними и множество половцев [История Золотой Орды, 2003. С.12]. К картине полного разгрома волго-донской орды половцев можно добавить свидетельства «Юань-ши», о пленении наследника Юрия Кончаковича: «Был поражен стрелой сын Юрия, который сбежал в леса. Его рабы явились [к монголам], с донесением и его [сына Юрия] схватили, остальные целиком покорились [монголам], после чего [монголы] заняли их [кыпчаков] пределы... Рабы кыпчаков ходатайствовали о начальнике над ними, а Субэтай отпустил их в качестве вольного народа» [Храпачевский, 2005. С.500]. Поражение наиболее сильной конфедерации половецких орд, возглавляемых династией Шаруканидов, заставило отказаться остальных половецких ханов от мысли о самостоятельном отпоре монголам: «...жившие вдали Кипчаки бежали без всякого

боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну русских. Татары остановились в Кипчаке» [Золотая Орда, 2003. С.26]¹⁸.

В 1223 г., перезимовав в междуречье Волги и Дона, конница Субедея переправляется через Дон, вторгается во владения лукоморских, днепровских, крымских половцев и захватывает Судак. Великие ханы половецкие Котян и Басты, уже не надеясь на собственные силы, обращаются с просьбой о помощи к русским князьям. Существовала определенная вероятность, что перед битвой с русскими князьями монголы могли получить подкрепление – тумен Тухучара, в это время находившегося в Иране. Однако последние исследования историков не подтверждают возможность этого, поскольку присутствие монгольских войск там тогда было абсолютно необходимо [Храпачевский, 2005. С.325-326]. К монгольскому войску в это время, вероятно, присоединяется какое-то количество «бродников», которых некоторые исследователи сейчас считают предками казаков. По мнению украинского историка О.Б. Бубенка, бродники были представителями смешанного оседлого алано-славянского населения, которое проживало на берегах рек и занималось обслуживанием переправ. Причиной того, что их смогли привлечь на свою сторону монголы, он считает, было приниженное положение бродников по отношению к половцам, которые отводили последним «низшую ступень в социальной иерархии кочевого общества» [Бубенок, 2004. С.30-35]. Кроме того, Р.П. Храпачевский допускает, что отдельные «роды кипчаков, бывшие в подчинении у ханов главных половецких орд Юрия Кончаковича и Данила Кобяковича, перешли на сторону монголов и влились в корпус Чжебе и Субедея» [Храпачевский, 2005. С.330].

Несмотря на то, что совокупное количество выставленных русскими и половцами воинов (40-45 тыс.) значительно превышало силы монголов, и их поход против Чжебе и Субедея закончился поражением в ожесточенном сражении на р. Калка¹⁹.

¹⁸ Последние исследования историков и археологов позволяют локализовать место происходивших событий более определенно. Первое столкновение монголов с объединенным алано-половецким войском, очевидно, произошло на р. Кума или р. Сунжа и не принесло победы ни тем, ни другим. Позже разгромленные монголами в верховьях Кубани половцы скрывались в «болотах» Западного Закубанья, населенного адыгами и «горах» современной Чечни и Ингушетии [Зеленский, 2013. С.43-44].

¹⁹ Относительно определения места сражения на Калке существует несколько версий. Среди них есть одна, связанная с археологическими раскопками последних лет. В 2001 г. Э.Е. Кравченко в долине р. Кальчик, близ пос. Куйбышево Волновахского р-на Донецкой области были исследованы остатки погребения, разрушенного в ходе земляных работ. Сохранившийся вещевой комплекс (шлем, боевая маска, сабля, колчан, стремяна) позволяют атрибутировать его как захоронение воина - кочевника и датировать его концом домонгольского времени. По мнению исследователя, погребенного воина не просто похоронили, а фактически спрятали. «Наличие могилы в низине, отсутствие кургана, а, скорее всего, вообще каких-либо отметок на поверхности, могло быть обусловлено боязнью, что над могилой могут надругаться. Это вполне могло соответствовать обстановке на данной территории во время или сразу после битвы... По всей видимости, социальный статус погребенного был очень высок, чтобы его просто оставить без погребения, а обстановка не позволяла выполнить все требования погребального обряда» [Кравченко, 2013, С128-129]

Попавшие после битвы в плен шесть русских князей были казнены. Потери русских были очень серьезны – до 90% ополчения. Очень характерна, на мой взгляд, роль половцев в этом сражении, которая нашла отражение в Новгородской летописи. Кыпчаки не только не смогли «удержать строй» в этой битве, но и, воспользовавшись беспомощным положением своих совсем недавних союзников – русских, в беспорядке отступавших с поля сражения, принялись грабить и убивать их из-за коня или одежды [Новгородская первая летопись, 1950. С.62-63]. Этот урок был хорошо усвоен, позже половцы уже не могли расцениваться как надежные союзники против монголов, в силу своей нестойкости и склонности к откровенному предательству и мародерству, которое испытали на себе не только аланы, но и русские.

Потери, понесенные монголами в нескольких крупных сражениях с аланами, половцами и русскими, видимо, не позволили Субедею продолжить дальнейшее наступление на «Половецкую землю». Изрядно поредевшее войско монголов вынуждено было повернуть на восток, где им было суждено встретить противника, который смог нанести им поражение. По некоторым данным, именно по этой причине Чжебе умер или погиб, когда возвращался из этого похода [Золотая Орда, 2009. С.19]. Завершение первого западного похода монголов было крайне неудачно, поскольку в районе Итиля около 80% воинов Субедея и Чжебе погибла, попав в окружение. [Храпачевский, 2005. С.328-332]. Ибн ал-Асир так описывал «возвращение Татар из земель Русских и Кипчаков к своему царю»: «Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них [Татар], встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они не зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они [Татары], остались в середине, поял их меч со всех сторон и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4 000 человек» [Золотая Орда, 2003. С.27]. А.Х. Халиков считал, что главным «виновником» поражения монголов был, правивший в это время в Булгаре, Абдуллах ибн Ильгам-хан [Халиков, 1994. С.33]. Использование правителем Булгара приемов, характерных для военного дела кочевников – ложное отступление, охват с флангов, окружение, – подразумевало наличие достаточного количества подвижного и маневренного войска. Достаточное количество обученного конного войска Ильгам-хану, вероятно, могли предоставить соседи булгар – полукочевые племена мадьяров-башкир.

Военные действия монголов на первом этапе завоевания Дешт-и-Кыпчак (1222-1227 гг.) не ограничиваются разведывательным рейдом Субедея. В 20-е годы XIII в., на северной границе Дешт-и-Кыпчак, в бассейне рек Белой, Камы и Урала, они встретили серьезное сопротивление. Противниками монголов, помимо волжских булгар, были многочисленные полукочевые башкирские племена, располагавшие значительным конным войском. Они были наиболее вероятными союзниками болгарского хана Ильгама против корпуса Субедея и Чжебе. Используя маневренную тактику, башкирская конница могла помочь одержать победу булгарам и впоследствии надолго сковать войска Джучи на северном направлении, что, однако, не помешало его продвижению на запад, где монголам противостояли лишь разрозненные и деморализованные половецкие племена.

Есть основание полагать, что в 1224 г. в Волго-Уральском регионе действовали не одна, а две монгольские армии. Понесший значительные потери экспедиционный корпус Субедея возвращался домой через низовья Волги, где он встретился с армией Джучи. Появление здесь войск Джучи объясняется тем, что после завершения хорезмской кампании, он получает приказ Чигизхана вернуться на север в степь для завоевания земель кыпчаков, алан, болгар и русских. В 1221-1222 г. Джучи возвратился в Приаралье, покорил многочисленные племена канглы, что открыло ему прямую дорогу в Волго-Уральские степи и далее на запад в «Половецкую землю». Таким образом, встреча туменов Субедея и Джучи была не случайной, поскольку задача последнего была не только в прикрытии отхода потрепанного в боях разведывательного корпуса, но и в установлении контроля над регионом, из которого планировалось в дальнейшем полномасштабное вторжение в земли западных кыпчаков (половцев) и русские княжества [Олсен, 2008. С.354-360].

Можно предположить, что в период с 1224 по 1227 гг. в Поволжье откочевывает значительное количество монгольских племен улуса Джучи. В это время в степях, расположенных между Волгой и Доном на месте владений уничтоженных половецких ханов династии Шаруканидов, обосновываются монголы родового эля Джучи. Возможность переселения монголов в эти земли была обеспечена первым походом Субедея в Дешт-и-Кыпчак, в результате которого волго-донская конфедерация половецких орд была разбита. Лучшие мужи шары-кыпчаков погибли, отдельные курени и айлы волго-донских половцев, лишившись своих предводителей, оказались рассеянными по степи, а тем, кто не успел убежать, отводилась роль домашних рабов монголов – холопов и конюхов [Новгородская первая летопись, 1950. С.62, С.265]²⁰.

«Алтан тобчи» содержит наставление – «инструкцию» Богурчи-нойона царевичу Джучи, после того как он был назначен главным даругчи над кыпчаками и отправлен Чингизханом управлять этим народом. Богурчи-нойон предостерегает Джучи об опасностях, которые могут подстерегать его на пути в страну кыпчаков: «Послушай: говорят, есть непроходимый перевал; Ты же не думай, что тебе не перейти [его]: Если подумаешь, как перейти, то перейдешь его! Когда станешь переваливать и не будет на том перевале крика и шума, То на другой стороне перевала Тебя встретят песни и хуры! Говорят, есть река, нельзя переправиться [через нее]; Ты же не думай, что тебе не переправиться; Если [не] думаешь, то ты переправишься! Если не будет при той переправе тревоги, То на другой стороне той реки Тебя готовы встретить повозки и юрты!» [Золотая Орда, 2009. С.317-318].

²⁰ Некоторые современные монгольские исследователи вполне серьезно пытаются «оправдать» суровость завоевателей эпохи Чингизхана. «Да, монголы были жестоки и беспощадны к врагу. Но только тогда, когда это требовалось... причиной, толкавшей монголов на жестокость по отношению к поверженному врагу, являлась их крайняя малочисленность. Монголы просто были вынуждены реагировать беспощадностью на любое проявление сопротивления, так как они в десятки и сотни раз уступали покоренным народам по численности. Лишь ценой террора и кровавой расправы монголы пытались держать эти народы в повиновении» [Чойсамба, 2008. С.36].

Наставление Богурчи-нойона, вероятно, не просто набор метафор, а вполне определенная инструкция, которая содержит разведывательную информацию, полученную корпусом Субедея и Чжебе. Если расценивать наставление именно так, тогда Джучи предписывалось: во-первых, соблюдать особую осторожность при переходе через перевалы Кавказского хребта, во-вторых, ожидать засады при переправе через Волгу, иначе его ждали неминуемые потери, которые ранее понесли Субедей и Чжебе. Преодолев эти преграды и оказавшись в междуречье Волги и Дона, вероятно, Джучи уже не стоило опасаться нападения, поскольку по ту сторону Кавказского хребта его встретят «песни и хуры», а на правом берегу Волги «повозки и юрты» покорившихся племен.

Не менее интересные сведения о переселении Джучи в Дешт-и-Кыпчак содержит сочинение хивинского хана Абулгази. Он так описывает захват этих земель монголами: «... Джучи-хан с приданными ему нукерами из Ургенча пошел в Дешт-и кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил (всех) попавших (ему) в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам (башкирам). Большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков. Кыпчаки, обитавшие между Итилем и Тином, рассеялись на (все) четыре стороны. Большинство из них ушло в юрт Черкесов и Туманов. Джучи-хан, взяв в плен (всю) кыпчакскую молодежь поселился в кыпчакском юрте. Из могольской (страны) он переселил сюда свою семью (*oj*) и все или, которые дал (ему) отец... Затем Джучи-хан умер; [его] юрт достался его сыну Саин-хану» [Абулгази, 1958. С.44]. Это было массовое переселение монголов в Дешт-и-Кыпчак. Оно имело характер откочевки целых родов с «чадами и домочадцами». Обретение «новой родины» монголами нередко предусматривало в это время полное истребление половецкой аристократии и разрушение родовой структуры кыпчаков.

Некоторые исследователи, ссылаясь на приведенный выше источник, почему-то цитируют его выборочно, исключив из него географические и хронологические привязки. Первое, Абулгази называет место события – Волго-Донское междуречье. Второе, время – период, когда Ургенч уже захвачен и государство хорезмшахов разгромлено, но еще не умер Джучи-хан. В частности, И.В. Антонов²¹, по ходу отмечая, что наиболее подробно завоевание кыпчаков описано именно Абулгази, тем не менее, пишет: «Речь идет, очевидно, о завоевании того кыпчакского владения, которое накануне монгольского нашествия занимало степи Западного Казахстана и Северного Приаралья. Эти кыпчаки имели свою правящую династию, и их предводитель, как известно из «Юань ши», принял под свое покровительство бежавших от монголов меркитов. Джучи еще до завоевания государства хорезмшахов был послан Чингис-ханом против тех кыпчаков, но тогда он успел

²¹ На мой взгляд, моя трактовка источника предпочтительнее, поскольку вполне укладывается в предлагаемые хронологические и географические рамки. Кроме того, версия И.В. Антонова не совсем логична. В 1216 г. монголы настигают во владениях восточных кыпчаков меркитов, уничтожают их, и решают заодно наказать и кыпчаков за «непростительное» гостеприимство к своим злейшим врагам. Однако кыпчаки получают от монголов, несколько лет «отсрочки» наказания. Разгромив государство хорезмшахов в 1222 - 1223 гг. монголы решают вернуться к «кыпчакскому вопросу» и приводят приговор в исполнение именно в том месте, где было совершено преступление. Такое толкование событий мне представляется несколько надуманным.

разгромить только меркитов, так как на следующий день столкнулся с войском хорезмшаха Мухаммеда, победить которое ему не удалось, что, очевидно, и послужило причиной отсрочки разгрома самих кыпчаков» [Антонов, 2009. С.129].

На втором этапе завоевания (1228 – 1235 гг.) главной целью монголов было максимальное ослабление половцев и получение контроля над большинством территорий Дешт-и-Кыпчак. В условиях степной войны это означало постоянные набеги на половецкие вежи, грабеж и угон скота, захват пленников и продажу их в рабство. В 1227 г. умирает Джучи, а через 6 месяцев после него его отец Чингиз-хан. В результате этого сходит «на нет» и противостояние относительно тактики завоевания Дешт-и-Кыпчак, существовавшее между отцом и старшим сыном в их последние годы. Рашид ад-Дин так описывает суть противоречий: «...Чингиз-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны, как-то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кыпчак и другие области тех краев. Когда же он уклонился от участия в этом деле и отправился к своим жилищам, то Чингиз-хан, крайне рассердившись, сказал: «Я его казню, не видать ему милости» [Золотая Орда, 2003. С.419].

В 1228 – 1229 гг. для подавления сопротивления кыпчаков и помощи монголам Улуса Джучи только избранный Великий Хан Угедей направляет на запад тридцатитысячный отряд под командованием Субедея и Кутая. Второй поход Субедея на кыпчаков был более успешным, поскольку на тот момент он уже имел возможность опереться на монгольский улус в волго-донских степях, в то время как половцы уже вряд ли могли рассчитывать на помощь русских князей. Наиболее подробное описание предыстории второго похода монголов в половецкую степь сохранилось в сочинении Ан-Нувайри, который все же допускает определенную хронологическую неточность: во времена правления Угедая хан Джучи был уже мертв, и соответственно речь должна идти о его наследнике Бату. «Случилось [однажды], что человек из племени дурут, по имени Мангуш, сын Котяна, вышел охотиться; встретил его человек из племени Токсоба, по имени Аккубуль – а между обоими [племенами] было старинное соперничество – взял его в плен да убил его. Не доходила весть о Мангуше до отца и людей его и послали они человека, по имени Джамгар [или Джалангар], разведать его. Этот вернулся и сообщил о умерщвлении его. Тогда отец его [Мангуша] собрал людей своих и племя свое и пошел на Аккубуля. Когда до последнего дошло известие о походе на него, то он собрал людей своего племени и приготовился к сражению с ними [Дурутами]. Они встретились и сразились; победа осталась за племенем Дурут. Аккубуль [сам] был ранен, а рать его разбрелась. Тогда он отправил брата своего Ансара [или Унсура] к Душихану, сыну Чингизханову, которого Укедия, сидевший в то время на престоле Чингизхановом, отрядил в Северные страны. Он [брат Аккубуля] пожаловался ему [Души] на то, что приключилось со стороны Кыпчацкого племени Дурут, и сообщил ему, что если он [Души] пойдет на них, то не встретит [там], кроме их [Дурутов], ни одного противника. Тогда он [Души] двинулся на них со своими войсками, напал на них и большую часть их избил и захватил в плен. В это-то время купили их купцы и повезли их в разные города и земли» [Золотая Орда, 2003. С.240].

С.А. Плетнева датирует эти события 1228 – 1229 гг. [Плетнева, 1990. С.170]. Вероятно, в это время у монголов начинают появляться первые союзники среди половцев – племя Токсоба, ранее кочевавшее в волго-донских степях. Монголы воспользовались поводом к вмешательству – оказание помощи этому кыпчакскому племени. В результате орда хана Котяна, видимо, восстановившая свои силы после сражения на р. Калке, была разгромлена. Второй рейд Субедея по южнорусским степям нанес гораздо более серьезный урон половецким кланам, поскольку после него невольничьи рынки «мусульманского мира» наполняются кыпчакскими невольниками, со слов которых ан-Нувейри и записал рассказ о войне Токсоба и Дурут. Другой арабский историк, Ибн-Халдун, также приводит это сказание кыпчаков, дополнив его репликой, очень емко характеризующей предательство токсобичей: «Ход рассказа указывает на то, что племя Дурут из Кипчаков, а племя Токсоба из Татар...» [Золотая Орда, 2003. С.241]. Вполне вероятно, что одним из этих токсобичей был Жалчек-батур, который сначала был конюхом, но вскоре был отмечен Субедеем за храбрость в сражении десятью отборными конями [Золотая Орда, 2009. С.243, 290].

Три тумена монголов Субедея, вероятно, вторично нанесли поражение войску хана Котяна, рассеяли орду Дурут (тертробичи) по степи, сломали волю к сопротивлению наиболее сильных половецких ханов и снова покинули Дешт-и-Кыпчак, а монголы улуса Джучи также остались в абсолютном меньшинстве. Не имея физической возможности захватить все кыпчакские кочевья и поставить во главе каждого юрта представителя монгольской администрации с дружиной нукеров, сын недавно умершего Джучи, Бату-хан, очевидно, ограничивался в это время официальным изъявлением покорности глав половецких родов, определенными выплатами и повинностями с их стороны. Винсент из Бове, автор энциклопедического сочинения «Великое зеркало» (сер XIII в.), резюмируя путевые заметки европейских монахов, побывавших в Орде, писал о том, как монголы добивались покорности в недавно завоеванных странах: «Вот чего они требуют от тех, кто им подчиняется: чтобы они шли с ними (татарами) против всех людей, и чтобы от всего, как от имущества, так и от населения, давали им десятую часть» [Винсент из Бове, 2006. С.102].

В отличие от первого периода степной войны, когда монголы предпочитали тактику «выжженной земли», теперь появляется возможность других вариантов завоевания и удержания новых территорий²². Война начинает приносить доход,

²² В середине XIII в. кыпчакские рабы были очень востребованы во многих мусульманских странах. Наибольший спрос на них был в Египте и Делийском султанате, где они пополняли гвардейские полки – подразделения мамлюков и гулямов. Использование кыпчаков в войне против монголов позволило остановить их натиск на границах этих стран. В 1250 г. кыпчакские мамлюки захватывают власть в Египте. Тюркские султаны Кутуз, Бейбарс, Ан-Насир неоднократно разбивают монголов в Сирии и надолго устанавливают правление мамлюков в Египте. Аналогичную роль сыграли кыпчаки в Индии. В 1206 г. тюркский гулям Кутб-ад-Айбек провозглашает себя независимым правителем Делийского султаната. В результате завоевания монголами Дешт-и-Кыпчак армия султаната пополняется тюркскими гулямами, среди которых были очень заметны кыпчаки из племени ольбурлик. В 1246 и 1279 гг. кыпчак этого племени Гияс-ад-Дин Балбан разбивает войско монголов на северных границах султаната. Впоследствии монголы еще не раз предпринимали походы на Индию (1292, 1297, 1299, 1303,

основной статьёй которого становится работорговля. Захваченные в набегах кыпчаки пригонялись в монгольский улус в междуречье Волги и Дона, а уже оттуда попадали через причерноморские города-колонии на невольничьи рынки Востока.

Еще одной особенностью политики монголов на втором этапе завоевания было то, что отношение к кыпчакам становится более толерантным, а у последних появляется более широкий выбор, а не только гибель на родине или рабство на чужбине. Искусно используя противоречия между многочисленными степными кланами, монгольский улус, занимая центральное положение в Дешт-и-Кыпчак, постепенно подчиняет своей власти кыпчакские племена к западу и востоку, тем самым формируя правое и левое крыло будущей Золотой Орды. Если на западе в основном применялись силовые методы умиротворения, на востоке, в Заволжье и Приуралье, местное население добровольно или по принуждению вставало под знамена завоевателей. Наиболее ярким примером таких отношений является война монголов с башкирами, описанная венгерским монахом Юлианом. Мною уже цитировался выше (в контексте описания рода хушин) отрывок из этого источника, где говорится о примирении монголов с башкирами, в результате чего последние вливаются в армию завоевателей. По мнению Л.Н. Гумилева, монголо-башкирская война шла 14 лет с 1220 по 1234 гг., после чего они заключили договор о дружбе и союзе, следствием которого стало завоевание в 1235 – 1236 гг. «пяти стран»: асции (Саксин), Фулгарии (Камская Булгария), Меровии (страна севернее Волги, между Ветлугой и Унжей), Ведин (севернее Меровии до р. Сухоны), Пойдовии (?) и «царства морданов» (Гумилев, 2001. С.483 – 484). А.С. Халиков также упоминает эти страны, при этом несколько более конкретно говорит об их населении: Сасцин – страна саксинов, Фулгария – волжских болгар, Меровия – земля предков марийцев, Ведин – земли предков чуваш, Пойдовия – земли обугаризированных буртас, царство морданов – территория мордовских племен [Халиков, 1994. С.36]²³.

1305, 1306 гг.), но так и не добились успеха. «Все это стало возможным благодаря героизму и мужеству мамлюков, тюркских воинов – выходцев из Дешт-и-Кыпчака, спасших от разгрома арабо-мусульманскую цивилизацию», – писал А.Ш. Кадырбаев [Кадырбаев, 1992. С.24-27]. Парадоксально, но факт – кыпчаки, которые не смогли отразить натиск монголов в родных степях, успешно наносят одно поражение за другим монгольским туменам на другом конце света, в Египте, Сирии и Индии.

²³ Наиболее обстоятельно война монголов с башкирскими племенами изложена в монографии уфимского историка и археолога И.В. Антонова. Глубокий анализ широкого круга источников позволил исследователю сделать вывод о том, что борьба башкир с завоевателями носила весьма упорный характер и привела к добровольному признанию новой власти, однако башкиры избежали завоевания и сохранили самоуправление в рамках улуса Джучи. Таким образом, монголо-башкирская война окончилась вничью. Автор монографии отмечает, что эта война растянулась почти на полвека: «Зауральские башкиры могли быть покорены монголами уже в 1207–1208 гг., приуральские башкиры покорились им в 1236 г., и, наконец, поволжские башкиры были покорены монголами только после их возвращения из Западной Европы, где-то в начале 1240-х гг.» [Антонов, 2012. С.187]. «Башкиры не потеряли свою независимость, которой у них и так не было, так как раньше они были подвластны булгарам... Башкирский лидер Муйтэн-бий, узнав об организации общемонгольского похода на Запад, решил прекратить сопротивление и принять предложение Бату-хана о заключении союза на условиях вассалитета» [Антонов, 2012. С.166, С.177].

Разрыв болгаро - башкирского союза и переход башкир на сторону монголов был не случаен. Причиной его было постоянное давление монгольских войск на болгар и их союзников. В 1229 г. тридцатитысячный корпус Субедея и Кутая, отправленный на завоевание Дешт-и-Кыпчака, наносит поражение болгарским отрядам, пытавшимся их встретить на р. Урал (Яик). В это время монголы, вероятно, уже полностью контролируют оба берега Волги в её нижнем течении, а кочевавшие в этих степях половцы спешно покидают их, чтобы скрыться в Волжской Булгарии. В 1232 г. монголы подходят к юго-восточным рубежам Булгарии и останавливаются на зимовку недалеко от ее столицы по рекам Черемшану, Кондурче и Шешме. Отрезанные от своих союзников на востоке – башкир, которые вскоре отказываются от сопротивления и переходят на сторону завоевателей, болгары пытаются найти помощь на западе и привлечь на свою сторону русских князей. Владимиро-Суздальский князь Юрий Всеволодович не принял предложения болгар. Напротив, русские князья двинули свои войска к западной границе Булгарии, разграбили земли последних ее союзников – обугаризированных буртасов и мордвы [Халиков, 1994. С.25 – 30].

Заключительный этап завоевания кыпчакской степи (1236 – 1242 гг.) был связан с общим походом более десятка монгольских царевичей на «западные страны». Решение курултая завершить западный поход и окончательно покорить Дешт-и-Кыпчак было возложено на Чингизидов разных улусов монгольской империи. Армия состояла из туменов и тысяч сыновей Джучи: Орда-Ичена, Бату, Шибана, Берке, Тангута; потомков Чагатая: Байдара и Бури; сыновей Угедея: Гуюка и Кадана, сыновей Тули: Менгу и Бучека, а также младшего сына Чингизхана – Кулькана. Официально поход возглавил второй сын Джучи Бату, которому добровольно уступил это место его старший брат Орда-Ичен. Фактически стратегическое руководство военной кампанией, как и раньше, осуществлял Субедей-бахадур. Приблизительная численность армии – 100 – 150 тысяч во много раз превышала то, чем монголы располагали ранее в этом регионе. Несмотря на это, основная их задача в Дешт-и-Кыпчак в это время – подчинение всех кочевых племен и создание из них вспомогательных сотен и тысяч в своих туменах. Пополнение монгольской армии за счет кыпчаков и других покоренных племен во время западного похода должно было бы обеспечить победы монголов в Европе. Это предложение было официально сформулировано Субедей-бахадуром и одобрено еще при жизни Чингизхана, как одно из необходимых условий западного похода. «Юань-Ши» отмечает, что Субедей «подал доклад трону, чтобы «тысячи» из обоков меркитов, найманов, киреев, канглов и кипчаков сошлись в единую армию...» [Храпачевский, 2005. С.500-501, С.513].

Более охотно монголы для этого, вероятно, использовали восточных кыпчаков и канглов, которые кочевали на территории Приуралья и Казахстана и поэтому не испытали на себе разрушительных последствий двух предыдущих походов Субедея. Восточные кыпчаки впервые столкнулись с монголами около 1216 г., когда в планы последних, вероятно, еще не входило завоевание их земель. Преследуя племя меркитов, корпус Джучи и Субедея вторгается во владения

восточных кыпчаков и канглов, ханом которых тогда был Инасы. «Инасы был очень стар, а в его владениях произошли большие беспорядки. Сын Инасы Хулусумань послал послов к Чингизхану, желая подчиниться», – свидетельствует «Юань-ши» [Кычанов, 1965. С.61 – 63].

В источниках нет прямых указаний на то, как поступили тогда монголы с кыпчаками и какую плату потребовали с хана Хулусуманя за то, что его отец принял в своих владениях меркитов – кровных врагов Чингизхана. Однако, учитывая, что в том же 1216 г. в районе юго-восточных отрогов Уральских гор, происходит первое столкновение монголов с армией хорезмшаха – противником многократно более сильным, чем разрозненные племена кыпчаков, можно предположить, что Джучи не был тогда заинтересован в начале большой войны на два фронта и принял предложение хана Хулусуманя. Сын Хулусуманя хан Баньдучар, во главе всех подвластных ему племен кыпчаков, через некоторое время вливается в армию монголов. Причина того, что восточные кыпчаки, возглавляемые ханами из рода ильбари (Цюйчу-Сомон-Инасы-Хулусумань-Баньдуча-Тутуха-Чжуанура) без боя подчиняются завоевателям, состояла в том, что монголы были необходимы им для борьбы за выживание. Внутренние распри во владениях восточных кыпчаков не позволяли им противостоять не только монголам, но и своим соседям, оказавшимся гораздо более беспощадными и непримиримыми врагами. Рассказ монаха Юлиана, посетившего Поволжье в 1235 г., накануне третьего похода монголов на Дешт-и-Кыпчак, вероятно, содержит имена врагов хана восточных кыпчаков-ильбари, названного «князем Евтетом». Это «султан Орнаса» - хорезмшах Мухаммед и «князь команов Гурег», имя которого сопоставимо с «наибольшим» князем половецким Юрием Кончаковичем. «Правил страной команов некий князь Евтет, богатства которого были по слухам, столь замечательны, что даже скот на полях пил воду из золотых желобов. Из-за этого богатства другой князь команов с реки Бухс, по имени Гурег, напал на него и одержал победу. Побежденный, вместе с двумя своими сыновьями и немногими уцелевшими во время сражения, бежал к вышеупомянутому султану Орнаса. Султан же, вспомнив об обиде, которую тот, будучи соседом, случайно нанес ему некогда, принял его и вздернул на воротах, а людей его подчинил своей власти. Двое сыновей Евтета тотчас пустились бежать и, так как у них не было иного убежища, вернулись к вышеупомянутому Гурегу, который ранее ограбил их отца и их самих. Тот в звериной ярости убил старшего, привязав его к коням и разорвав на куски. Младший же бежал, отправился к вышеупомянутому князю татарскому Гургутану (Джучи – прим автора) и усердно стал просить одного отомстить Гурегу...», – писал Юлиан о причинах добровольного вхождения ряда племен кыпчаков в улус Джучи [Юлиан, 2006. С.51].

Формирование воинских подразделений кыпчаков для покорения Руси и Западной Европы происходило по родоплеменному принципу и поэтому подразумевало использование местной кыпчакской аристократии, возглавлявшей эти отряды. Гарантией того, что недавние противники не ударят в спину, были заложники – отцы и деды молодого поколения кыпчакских ханов, пополнившего авангард монгольских туменов. Статус такого рода заложников, вероятно,

определялся особым установлением Ясы Чингизхана, отражение которого нашло в сочинении Винсента Бове: «Людей благородных и почетных не щадят никогда, и если по какой-либо причине сохраняют жизнь некоторым из них, то те не могут получить свободу ни мольбами, ни за выкуп» [Винсент из Бове, 2006. С.101]. По свидетельствам Юлиана, нейтрализация «царей, князей и вельмож», способных оказать сопротивление, и «мобилизация» воинов, годных к битве, из числа покоренных народов в кампанию 1236-1242 гг. было распространенной практикой у монголов, в тот момент очень нуждавшихся в пополнении своей ударной группировки [Юлиан, 2006. С.54 – 55]. Сообщения западноевропейских источников нисколько не противоречат свидетельствам «Юань ши» о существовании в армии монголов особого контингента войск: «Кроме того, брались сыновья и младшие братья всех [подвластных императору] удельных владетелей, полководцев и старших военачальников и направлялись в службу в войска, которые назывались войсками заложников, а также назывались – «войска турхах» [Золотая Орда, 2009. С.212].

Итак, попробуем проанализировать ход военных действий в хронологическом порядке. В 1236 г. монгольская армия вторглась в Волжскую Булгарию, последовательно захватила и разграбила ее города – Биляр, Сувар, Джукетау (Жукотин), Бряхимов (Булгар) и др. Монголы в течение года методично разрушали «60 замков» Волжской Булгарии (археологически известно более 170 городищ домонгольской эпохи), пока Субедей не был удовлетворен разорением этой земли и не принял решение двинуться дальше. Большую роль в завоевании Волжской Булгарии и покорении других народов Поволжья – мордвы, черемисов, буртасов, вероятно, в это время сыграли башкирские племена, присоединившиеся к монголам.

К концу 1237 г. монголы полностью перешли на правый берег Волги, и, разбившись на три группировки, на границе Северо-Восточной Руси ожидали того момента, когда замерзнут реки, чтобы начать вторжение. Обеспечить повиновение в землях завоеванной Волжской Булгарии остались войска младшего брата Бату царевича Танкута, которые впоследствии были заменены корпусом Бастыра. Резерв, очевидно, доверенный двум другим младшим царевичам улуса Джучи – Берке и Шибану – в это время располагался на юге, в междуречье Волги и Дона, и был необходим для обеспечения тыла наступающих войск. Расположение этого резерва, возможно, подтверждается сообщением Джувеини о местах становищ Бату, которые находились в зависимости от времени года по соседству со странами Булгара, асов и Руси [Золотая Орда, 2003. С.258], то есть кочевали в волго-донских степях. Выступив в поход на Северо-Восточную Русь, основные силы монголов продвигались с верховьев Дона по направлению Пронск – Рязань – Коломна – Москва – Владимир. После взятия Владимира монголы разделяются на отдельные корпуса под командованием Бату, Бурундая, Менгу, Кадана, Бури и «зачищают» территорию Владимиро-Суздальского княжества от Городца на востоке, Галича – на севере и Торжка – на западе.

В 1238 г. военные действия в Северо-Восточной Руси временно прерываются – монголам необходимо было пополнить свою ударную группировку живой силой

и лошадьми, а также освободиться от обозов с «трофеями». Очевидно, потери монголов были значительными, поскольку в числе погибших в этом походе на Русь был даже один из Чингизидов, царевич Кулькан. Логично будет предположить, что перегруппировка откатившейся в степь армии происходила на территории, контролируемой резервными корпусами Берке и Шибана, которые не принимали участие в первом походе. Второй поход монголов, уже на Юго-Западную Русь, происходит только двумя годами позже. По мнению Хара-Давана, после похода на Северную Русь Бату-хан «дал своей армии продолжительный, до двух лет, отдых в южно-русских степях, между прочим пользуясь этим перерывом в военных действиях для ремонта конского состава, который должен был понести большие потери в предыдущую зимнюю кампанию» [Хара-Даван, 1992. С.207]. В это время ненадолго прекращаются нападения на русские земли, за исключением нескольких локальных вторжений, – набегов на Черниговское, Переяславское и Муромское княжества. В промежуток между 1238 и 1240 гг. монголы совершают также ряд походов-рейдов, объединенных одной общей целью – ликвидацией очагов сопротивления в своем тылу и мобилизацией наиболее боеспособного населения завоеванных территорий.

Рейды по Дешт-и-Кыпчак монголы совершали в нескольких направлениях, от своей базы в Волго-Донском междуречье. В северном направлении в это время действовали корпуса Гуюка, Менгу и Кадана. В результате были приведены к покорности финно-угорские народы Среднего Поволжья, воинский контингент которых пополнил войско монголов. «Боевое крещение» они, вероятно, приняли уже в 1239 г., когда совместно с монголами взяли Муром и дошли до Нижнего Новгорода. В пользу этого предположения говорит то, что в период с 1226 по 1232 гг. русские и мордовские князья непрестанно воевали, поэтому предложение присоединиться к победоносной армии против вчерашних врагов вполне могло быть принято. По мнению Р. П. Храпачевского, применение мордовских отрядов, наряду с другими отрядами «хаби́чи», Субедей-багатуром при штурме Торческа и других городков «черных клобуков» предопределило быструю победу, сократив при этом потери монголов [Храпачевский, 2005. С.382]. Кроме того, факт мобилизации во время западноевропейского похода, «мокши» – одной из двух мордовских групп – во главе со своим князем Пурешем, также был отмечен в источниках. «Их государь и большая часть людей были убиты в Германии», – в 1253 г. писал об их судьбе Гильом Рубрук [Путешествие, 1957. С.110].

Другой исследователь, Р.В. Бабинцев, также отмечал, что с 1239 г., мордовские племена составляли постоянный контингент в монгольской армии, при этом первым покорился мокшанский князь, и лишь несколько позже его примеру последовал князь мордвы-эрзи. В западноевропейском походе за войском «морданов» закрепилась нехорошая слава, что идут они впереди монголов и убивают всех людей без разбору [Бабинцев, 2013. С.86]. Что же заставило мордовские племена последовать за монголами – желание наживы или славы, необходимость или свободный выбор? О мотивации этих воинов можно строить разные предположения. Однако венгерские миссионеры в 1237 – 1238 гг., накануне злосчастного для мордовского войска похода в Центральную Европу, так

характеризовали мордву: «... это язычники и настолько жестокие люди, что у них тот человек, кто не убил многих людей, ни за что не считается; ... Тому, кто не убил человека, не позволяют жениться» [Аннинский, 1940. С.82].

В западном направлении, Северном Причерноморье и Крыму, военные действия вел корпус Шибана, подкрепленный туменами Бурундая, Бучека и Бури. Это был не первый поход монголов на Крымский полуостров, в 1223 г. Субедей уже прошел огнем и мечом по вежам крымских половцев и разорил г. Судак. Данный театр военных действий уже был достаточно хорошо известен монголам, поэтому они, вероятно, использовали облавную тактику, двигаясь с севера на юг. В результате, не успевшие переправиться через Днепр половецкие орды, постепенно отступая к Черному морю, оказались зажатыми на территории Крымского полуострова. Гильом Рубрук, в 1253 г. оказавшись в Крыму, со слов некоего купца, своими глазами видевшего этих беженцев, писал: «...когда пришли Татары, Команы, которые все бежали к берегу моря, вошли в эту землю в таком огромном количестве, что они пожирали друг друга взаимно, живые мертвых...» [Путешествие, 1957. С.90].

Оказавшись зимой 1239 – 1240 гг. в ловушке, половцы были поставлены на грань выживания, и поэтому волей-неволей в массовом порядке шли под знамена завоевателей. «У них имеется великое множество из разных, покоренных ими в войнах народов, прежде всего куманов, которых они насильно заставляют сражаться. Если же они видят, что кто-либо из них немного страшится и не бросается в иступлении навстречу гибели, они немедленно отрубают ему голову» [Фома Сплитский, 1997. С.114]. Данная цитата из Фомы Сплитского позволяет утверждать, что в «рекрутах» из половцев монголы не имели недостатка, однако «качество» их оставляло желать лучшего. Боеспособность и надежность половецких отрядов, идущих в бой под страхом смерти, не могла быть высокой, поэтому монголы не могли не учитывать высокую вероятность бунта или саботажа. В данной ситуации решением проблемы могли быть заложники – семьи мобилизованных половецких воинов. Отправленные в Монголию половецкие ханы оказались в «почетном плену», а их сыновья в «сборных» тысячах и туменах монголов. К числу известных заложников-кыпчаков, взятых в плен в Крыму, следует отнести половецкого хана Туткара [Золотая Орда, 2003. С.408]. Рашид ад-Дин писал, что для отправки заложников из знатных кыпчаков в ставку Великого хана, Менгу-хан выделил Мункасар-нойона из племени джалаир, который отвечал за их сохранность на всем протяжении пути [Золотая Орда, 2003. С.401]²⁴.

Южное направление (Прикаспий, Кубань и Северный Кавказ) изначально закрывал корпус Берке, к которому позднее присоединились Гуюк, Менгу, Бучек, Кадан и Бури. Вероятно, благодаря их поддержке армия монголов в это время пополнилась контингентом половцев из Нижнего Поволжья и Северо-Западного

²⁴ Подробная биография Мункасар-нойона (Менгусар из рода чаган-чжалаир) изложена в «Юань ши». В частности, отмечается, что под началом Менгу-каана он участвовал в походе против русских, алан и кыпчаков, часто выступал в авангарде впереди других полководцев. Впоследствии за свои заслуги и личные качества Менгусар был назначен главным среди судей при дворе императора.

Прикаспия, а также аланов с Северного Кавказа. Получив подкрепление, Берке, вероятно, действует на юге аналогично тому, как проводил умиротворение и мобилизацию половцев в западном направлении его брат Шибан. В результате в заложники были взяты некие Арджумак, Куран-бас и Капаран, военачальники кыпчакского хана Беркути. Среди заложников Берке, очевидно, были и знатные аланы. Плано Карпини писал об этой распространенной в те времена практике монголов: «Их замысел заключается в том, чтобы они одни господствовали на земле, поэтому они выискивают случаи против знатных лиц, чтобы убить их. У других же, которым они позволяют вернуться, они требуют сыновей и братьев, которых больше никогда не отпускают, как было сделано с сыном Ярослава, неким вождем аланов, и весьма многими другими» [Путешествие, 1957. С. 55 – 56]. Обезопасив себя на случай восстания, монголы получили воинский контингент аланов-асов. Согласно данным китайской хроники «Юань-ши», их предводителем был Хан-ху-сы (Ханхус), который, когда монголы достигли его владений, покорился со всем своим народом добровольно. За это он был пожалован званием бахадура, получил золотую пайцзу, и ему было позволено остаться царствовать над своей землей и народом. Кроме того, известны имена и других знатных аланов, которые с 1238 по 1240 гг. поступили на службу монголам – Илья, Николай, Арслан, Уваш, Батур, У-цзор-бу-хань и Матараша. Последний был особо отмечен монголами, за доблесть и услуги, оказанные хану Менгу в его рейде по Северному Кавказу и Прикаспию [Бубенок, 2004. С.98 – 99, Золотая Орда, 2009. С.244 – 249].

Наиболее ощутима для Берке, для выполнения поставленной перед ним задачи, была помощь Менгу и Бучека, которые, используя облавную тактику, положили конец сопротивлению половцев Нижнего Поволжья. Джувейни так описал эти события: «...когда все эти земли были очищены от смутьянов все, что уцелело от меча, преклонило голову перед начертанием (высшего) повеления, то между кипчакскими негодьями оказался один, по имени Бачман, который с несколькими кипчакскими удалцами успел спастись; к нему присоединилась группа беглецов. Так как у него не было (постоянного) местопребывания и убежища, где бы он мог остановиться, то он каждый день оказывался на новом месте..., и из-за своего собачьего нрава бросался как волк, в какую-нибудь сторону и уносил что-нибудь с собою. Мало-помалу зло от него усиливалось, смута и беспорядки умножались. Где бы войска (монгольские) ни искали следов (его), нигде не находили его, потому что он уходил в другое место, и оставался невредимым. Так как убежищем и притоном ему большей частью служили берега Итиля, он укрывался и прятался в лесах их, наподобие шакала, выходил, забирал что-нибудь и опять скрывался, то повелитель Менгу-каан велел изготовить 200 судов и на каждое посадил сотню вполне вооруженных монголов. Он и брат его Бучек оба пошли облавой по обоим берегам реки» [Золотая Орда, 2003. С.259-260].

Восточное направление – Заволжские и Приуральские степи, Западный Казахстан и Приаралье – к тому времени представляли собой вполне лояльные монголам территории Дешт-и-Кыпчак. Подвластные династии ханов рода ольбурлик (ильбари-ольбари-олбурлик-ольберлик-эльбури-бурлы-бурджолглы-бурчевичи), племена восточных кыпчаков и канглов, вероятно, уже не помышляли

о каком-либо сопротивлении и поэтому, «не нуждались» в каких-либо дополнительных «акциях устрашения». Однако и здесь было исключение, которое лишь подтверждало правило. Речь идет о том самом хане Бачмане. Согласно Рашид ад-Дину, он принадлежал к роду ольбурлик [Золотая Орда, 2003. С.407]. По мнению А.С. Ахинжанова, кыпчакские ханы из племени ильбари на протяжении многих поколений были правителями в степях Западного Казахстана. Он считает, что восточной части Дешт-и-Кыпчак в предмонгольское время существовало два основных владения кыпчаков – Сыгнакское, находившееся в зависимом положении от Хорезма, и независимая территория, расположенная к северу от Аральского моря. Правителями этих кыпчакских степей, граничащих на востоке с землями хорезмшаха Мухаммеда, на севере с башкирами, а на западе с поволжскими половцами (шары-кыпчаками и саксинами) были ханы династии ильбари [Ахинжанов, 1995. С.236].

Приведенный выше рассказ из «Юань-ши» и Юлиана о добровольном подчинении кыпчаков монголам, позволяет восстановить последовательность событий. По всей видимости, ханы восточных кыпчаков, вскоре после первого столкновения с монголами в 1216 г., добровольно подчиняются монголам, пообещавшим им помощь против их заклятых врагов - хорезмшаха Мухаммеда и «наибольшего хана половецкого» Юрия Кончаковича. После смерти Мухаммеда и Юрия ханы рода ильбари, наряду с половецким родом токсоба, вливаются в армию монголов и принимают участие в сражениях за Дешт-и-Кыпчак и Русь. Однако не все представители одного из известных евразийской степи тюркского династийного рода решили окончательно подчиниться монголам. Хан Бачман, из племени ильбари, по какой-то причине, возможно связанной с нежеланием участвовать в западном походе, неожиданно выходит из повиновения. А.С. Ахиджанов считает, что выступление хана Бачмана следует расценивать как восстание против монголов. Более того, он допускает вероятность того, что Бачман был тем самым Хулусуманем, который раньше добровольно покорился монголам, и чей сын Бандучи отличился храбростью в походе на Северо-Восточную Русь [Ахинжанов, 1995. С.237]. А.Ю. Якубовский считал, что восстание было заранее согласовано между ханом Бачманом, болгарскими вождями Баяном и Джику, а также аланским предводителем Качир-Укуле [Греков, Якубовский, 1950. С.58-59]. Так или иначе, восстав против монголов, Бачман обрек себя на скитания по степи и тотальную партизанскую войну.

Специфика партизанской войны заставила Бачмана откочевать из казахских степей, где он не мог долго скрываться от монголов армии Бату и перешедших на их сторону кыпчаков, и он переправился на другой берег Волги. Вероятно, необходимость ухода Бачмана со своих родовых земель нашла отражение в «Юань-Ши»: «[В год] и-вей, Тай-цзун приказал чжувану Бату пойти в западный поход на Бачмана, и еще сказал так «[Мы] слышали, что Бачман имеет ловкость и отвагу, Субэтай тоже имеет ловкость и отвагу, поэтому сможет победить его. Поэтому приказал [Субэтай] быть в авангарде и сразиться с Бачманом... После чего были захвачены жены и дети Бачмана на Каспийском море. Бачман узнал о приходе Субэтая, сильно оробел и сбежал в море» [Храпачевский, 2005. С.503].

Недоступные районы дельты Волги, избранные Бачманом в качестве базы, не только позволяли ему безнаказанно совершать набеги на территории, контролируемые монголами, но и привлекать на свою сторону местные племена. Известно, что под началом Бачмана наряду с «кыпчакскими удалцами» было определенное количество аланов Качир-Укуле, которые не пожелали пополнить ударную группировку монгольской армии. Конец этой истории известен: Бачман был схвачен и казнен, как человек благородной крови, лично «царевичем» Бучеком.

В 1240 г. начался второй поход Батые на Русь. Объединенное войско монголов перешло Днепр и вторглось в Поросье. После непродолжительной осады был взят Киев. Разграбив город, монголы разделились на несколько отрядов и двинулись на Галицко-Волынские земли. После взятия Владимира-Волынского, часть монголов отделяется от основных сил. По приказу Каана Угедея, тумены Менгу и Гуюка были отправлены на восток. В результате Бату, хотя и лишился значительной части войска, но не отказался от продолжения похода на запад, два года, потраченные на «отдых» в южно-русских степях, не прошли даром, армия завоевателя была существенно пополнена местными племенами и народами. От Владимира-Волынского монголы армии Бату разделились и двинулись в Европу тремя корпусами.

Северная колонна, во главе с Орду и Байдаром, вторглась в польские, силезские и моравские земли. После взятия Кракова монголы переправились через р.Одер. 9 апреля 1241 г. монголы нанесли сокрушительное поражение 30 тыс. войску немецких и польских рыцарей под командованием Генриха Силезского. Дойдя до границ Чехии и осадив Брно и Оломунц, тумены Орду и Байдара изменили направление наступления, двинувшись на соединение с основными силами Бату.

Центральная колонна была наиболее мощной группировкой монголов. В отличие от могольских корпусов, наступавших в южном и северном направлениях, и вероятно, не имевших формального повода для нападения на ставшие на их пути европейские страны, основные силы монголов, вторгнувшись в Венгрию, такой предлог имели. Венгерский король Бела IV неоднократно получал от Бату письма с требованием выдать ему скрывшихся у него половцев-куманов (команов). Известен текст одного из таких писем: «Я, Хан, Посланец Царя Небесного,... дивлюсь тебе, король венгерский: хотя я в тридцатый раз отправляю к тебе послов, почему ты ни одного из них не присылаешь обратно, да и своих послов и писем не шлешь... я узнал, что ты оказываешь покровительство моим рабам, команам, поэтому я повелеваю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них не вышло вражды между нами. Им ведь спастись легче, чем тебе, ибо, не имея жилищ, они кочуют в шатрах и смогут бежать; ты же живешь в домах и владеешь городами и замками: как же тут тебе уклониться от десницы моей?» [Юлиан, 2006. С.56]. Так и не дождавшись выдачи своих врагов, корпус под командованием Бату и Субедей-бахадур перешел Карпатский хребет и вторгся в Венгрию. 11 апреля 1241 г. в битве у р. Шайо объединенное 65-тысячное венгро-хорватское войско было наголову разбито монголами и их добровольными или вынужденными

союзниками [Храпачевский, 2005. С. 22-24]. Вполне возможно, что в Европе половцы-кыпчаки, пополнившие монгольские тумены, могли столкнуться в бою со своими «земляками», бежавшими целыми ордами в Венгрию к королю Беле IV и Болгарию, где правила половецкая по происхождению династия Асеней. Последнее крупное сражение половцев с монголами, согласно летописи Рашид ад Дина, происходит уже далеко за пределами Дешт-и-Кыпчак, и связано с военными действиями в европейских странах против венгров, саксонцев, поляков и немцев: «...кипчаки в большом числе пошли войной на Кутана и на Сонкура, сына Джучи, которые, дав сражение, разбили кипчаков» [Золотая Орда, 2003. С.408].

Южная колонна под командованием царевичей Кадана, Бучека и Бури наступала на Молдавию и Валахию, таким образом, осуществляя наряду с северной колонной прикрытие флангов основных сил Бату и Субедея. На Рождество 1241 г. корпус перешел Дунай и устремился, преследуя разбитого Бела IV, в Славению и Хорватию. Известие о смерти великого каана Угедея застигло тумены Кадана, Бучека и Бури на побережье Адриатического моря. Великий западный поход был закончен, и они должны были возвращаться на соединение с основными силами. Возвращаясь в Дешт-и-Кыпчак, монголы разорили земли в Боснии, Албании, Сербии и Болгарии.

К началу третьей военной кампании (1236 – 1242 гг.) было понятно, что кыпчаки уже не в состоянии были сдержать натиск монголов, поэтому половецкая аристократия оказалась перед тяжким выбором – сражаться до конца без надежды на победу, покориться монголам или бежать. Известно, что кыпчакский хан Бачман, решивший сражаться до конца, был захвачен в плен и казнен. Другой вождь «сопротивления», хан Котян ушел от очередного сражения с Субедеем и со своей сорокатысячной ордой откочевал в Венгрию, став вассалом короля Бела IV. Аналогично Котяну поступил хан Тигак²⁵, который, убегая от монголов, поступил

²⁵ В 1981 г. Запорожская экспедиция ИА АН УССР исследовала погребение знатного половца в кургане на берегу р. Чингул вблизи с. Заможное Токмакского района Запорожской области. В курганной насыпи были найдены пять богато убранных и оседланных лошадей и напутственная пища – десять разрубленных бараньих туш. Напитки, видимо, находились в двух больших византийских амфорах. В центре кургана был похоронен мужчина 40-50 лет, со слабо выраженными монголоидными признаками, что было характерно для кочевников восточноевропейских степей, и в частности для половцев. Костяк находился в деревянном саркофаге, закрытом на четыре замка. Внутри гроба были обнаружены: сабля, три ножа, кольчуга, щит, колчан, налuchье, шлем – все вещи были позолочены. Кроме того, в погребении были найдены дорогая посуда – курильница и чаша; украшения – два золотых перстня с камнями, две плетеных гривны из золота и электра, три парчовых пояса с серебряными пряжками. Особый интерес представляла одежда погребенного, – это остатки семи богато украшенных парчовых и шелковых кафтанов. Узоры шитья, материалы, техника исполнения дают основание утверждать их византийское происхождение. Малиновые шелковые одежды, шитые золотом, – это придворные византийские одеяния. Весь комплекс погребального инвентаря позволил датировать захоронение второй четвертью – серединой XIII века.

Автор раскопок В.В. Отрощенко, сопоставив свои материалы и данные археологических исследований с территории Венгрии, пришел к выводу, что погребенный в Чингульском кургане половецкий хан, «определенное время находился в Венгрии в окружении Сейхана, будучи родственником Котяна. Потом он, по определенным причинам, оставляет королевство. В конце 40-х гг. XIII в. на службе у Даниила Галицкого появляется небольшая орда половцев во главе с

на службу к русскому князю Даниилу Галицкому. Кроме того, более мелкие группы половцев в свое время пытались найти себе пристанище в Волжской Булгарии, Азербайджане, Польше и различных русских княжествах. Однако большая часть «эмигрантов» или их потомков со временем все же возвращается в свои родовые кочевья. Поход монголов на юго-западные русские княжества в 1239 – 1240 гг. положил конец вассальным объединениям «черных клобуков» и «берендеев», долгое время оборонявшим южные границы Киевского и Черниговского княжеств – их новыми сюзеренами стали монгольские ханы. В 1241 г. в результате заговора венгерских баронов погиб хан Котян, и его соплеменники начинают возвращаться в половецкую степь, пополняя орду монгольского нойона Курумши (Куремсы). В 1258 г. монголами было окончательно подчинено Галицко-Волынское княжество, и орда Тигака возвратилась в Дешт-и-Кыпчак, влившись в юрт кията Бурундая, сменившего Курумши. Возвращение западных половцев – куманов продолжалось до 80 гг. XIII в. Потомки половцев хана Котяна пополняли войско чингизида Ногай, постепенно захватившего все западные улусы Золотой Орды. Благодаря такой поддержке к концу своей долгой жизни Ногай, обладатель почетного титула «Ака» (то есть «старейший рода»), имел достаточно военной силы, чтобы противостоять сарайским ханам, и был фактически независимым правителем западной части Улуса Джучи.

Таким образом, с момента первого столкновения армии монголов с кыпчаками в 1216 г. в приуральских степях до конца XIII в., когда в причерноморские степи возвращаются последние половцы из Венгрии, проходит три четверти века. За это время сменяются четыре «демографических поколения» кыпчаков и монголов, в результате чего многие вчерашние враги становятся если не друзьями, то хотя бы соседями и союзниками. Принцип смены «демографических поколений» (т.е. разница между рождением матери и ее первой дочери, отца и его первенца сына) в оценке этносов Золотой Орды был предложен Э.С. Кульпиным-Губайдуллиным, который считал этот временной интервал равным 17 – 18 годам [Кульпин, 2008. С.30]. За это время завоеватели Дешт-и-Кыпчак фактически обретают «новую родину», а между разными частями новой этнокультурной общности постепенно возникает положительная комплиментарность.

Однако есть определенные основания считать, что не всегда отношения завоевателей и исконного населения Дешт-и-Кыпчак складывались так гладко. Вероятно, противостояние «старой» и «новой» элит в Золотой Орде, несмотря на

ханом Тигаком... Вероятно, что возвращение орды Тигака из Венгрии в Дешт-и-Кыпчак проходило через Галицкое королевство и Поросье... В итоге, новые находки на Украине и в Венгрии позволяют автору и в дальнейшем полагать, что в Чингульской Могиле мог быть похоронен кипчакский (половецкий) хан (князь) Тигака» [Бубенок, 2013. С.45-46].

Сообщения о половцах на службе князя Даниила Галицкого, так называемых «даниловых половцах» есть в Галицко-Волынской летописи под 1243, 1249, 1251, 1253 гг., где также упоминается, что хан Тигака был сватом Даниила. Наиболее крупной военной акцией с участием Тигака был поход Даниила в земли литовского князя Миндовга в 1253 г. [Ипатьевская летопись, 1998. стлб. 794, 802, 811, 816, 818]. Более известий о хане Тигаке нет, очевидно, в скором времени он скончался, и согласно версии украинских археологов, его прах был захоронен в Чингульском кургане, находившемся в его прежних родовых владениях.

очень продуманную завоевательную политику монголов, все же сохранялось определенное время, что могло привести к открытому мятежу несогласных с «новым порядком». В.П. Костюков, комментируя сообщение Утемиш-хаджи о гибели хана Орду-Ичена со всеми его огланами от руки своих же нукеров, относит мятеж против высшей монгольской аристократии к финалу западного похода, то есть к первой половине 40-х годов XIII в. [Костюков, 2007. С.477]. Согласно другой версии, это событие нужно отнести к несколько более позднему времени. Во владениях старшего брата Бату – Орду-Ичена в начале 50-х гг. XIII в. произошло восстание, в результате чего он был убит, и восстановление власти Джучидов произошло лишь благодаря вмешательству Бату-хана [Почекаев, 2010. С.38].

Краткий обзор событий монголо-кыпчакских отношений показывает, что политика монголов в Дешт-и-Кыпчак отличалась большим разнообразием тактических приемов. Изначально монголы обычно вели себя в Дешт-и-Кыпчак как на «завоеванной территории», придерживаясь заветов Чингизхана, считавшего, что высшее счастье для мужа «состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет...» [Рашид ад-Дин, 1952а. С.265]. Главным проводником такой политики в западных походах был один из четырех «железных псов» Чингизхана – Субедей-бахадур. Однако такая тактика не всегда давала желаемый результат, примером чего может служить не совсем удачный конец первого похода Субедея в Дешт-и-Кыпчак. Раздел Чингизханом своей империи на улусы и выделение старшему сыну в удел территории западнее реки Иртыш, вероятно, заставило Джучи и его сыновей значительно изменить отношение к кыпчакам – своим новым «подданным». Известно, что еще в 1207 г. Джучи отличился тем, что смог добровольно подчинить себе многие «лесные племена». Эту способность он, видимо, прививает и своим сыновьям, которым предстояло впоследствии минимальными силами удерживать в подчинении множество, хотя и разрозненных, но воинственных племен. Наиболее способным в этом отношении оказался Бату, получивший прозвище «Саин-хан», то есть «хороший, добрый, благоразумный, мудрый, превосходный». Оказавшись без поддержки многих туменов монгольской армии, успешно завершившей в 1242 г. западный поход, хан Бату смог удержать в подчинении завоеванные народы и не допустил распада созданного улуса. Основной военной силой в этом государстве были кочевые тюркские племена, позволявшие удерживать в его составе богатые и населенные оседлые земледельческие области – Хорезм, Булгар и Русь²⁶.

²⁶ Есть версия, что «Саин-хан» был посмертный титул Бату, употреблявшийся с целью избежать упоминания его настоящего имени, бывшего под сакральным запретом, как этого требовал монгольский обычай, по отношению к умершим ханам-чингизидам. Следуя этой логике, титул «Саин-хан» означал не «добрый» или «умный», а просто «покойный» [Бойл, 2002. С.28-30].

Глава 4. Становление клановой структуры кочевников Золотой Орды.

«Два века – более чем достаточный срок для радикального изменения величины и статуса кочевого племени или рода. Как отмечают исследователи, даже за два-три поколения могли совершиться впечатляющее разрастание или дробление отдельного рода. Обратные процессы, увы, могли протекать еще быстрее: драматические обстоятельства порой могли решить судьбу рода почти мгновенно».

Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII-XIV вв.
[Костюков, 2010. С.102].

В домонгольский период, хотя уже и существовали крупные союзы кыпчакских племен, но объединить их в одно кочевое государство было не под силу ни одному из представителей половецко-кыпчакской аристократии. «Были отдельные кыпчакские ханы, но никогда не было хана всех кыпчаков», – писал академик В.В. Бартольд [Бартольд, 1968. С.99]. В восточной части Дешт-и-Кыпчак, по А.С. Ахиджанову, к началу XIII в. существовали два крупных владения кыпчаков [Ахиджанов, 1995. С.283-286]. Первое – на территории Центрального Казахстана (расположение кочевий – долины Иртыша и его притоков, ущелья Алтая и Тарбагатая в летнее время, долина Сыр-Дарьи, низовья Чу и Таласа в зимний период). Возглавляли его ханы племени уран, которые на тот момент уже являлись вассалами хорезмшахов. Второе крупное объединение кыпчакских племен кочевало на территории Западного Казахстана (летовка – Южный Урал и Мугоджарские горы, зимовка – низовья Сырдарьи, междуречье Урала и Волги). Правителями этих кыпчаков были ханы династии ильбари. В западной части Дешт-и-Кыпчак отмечалась гораздо большая раздробленность. Ко второй половине XII в., по С.А. Плетневой, существовало девять отдельных половецких объединений: саксин, поволжские, предкавказские, нижнедонские, донские, приднепровские, лукоморские, крымские, дунайско-бужские союзы племен. В это время начала преобладать тенденция к образованию в степи «нескольких крепких объединений орд» [Плетнева, 1990, С.146 – 149]. Наиболее преуспел в этом хан Кончак из династии Шаруканидов. К 70-м годам XII в. ему удалось занять преобладающее место среди других ханов и создать новое волго-донское объединение шары-кыпчаков, включавшее несколько орд, кочевавших в этом регионе. Именно им пришлось первыми испытать на себе удар монгольского корпуса Субедея и Джебе в 1222 г.

Арабские авторы XIII – начала XIV вв., опираясь на информаторов из египетских мамлюков (половцев, проданных в рабство) называют 11 основных племен, кочевавших в Дешт-и-Кыпчак до монгольского нашествия: токсоба, иета, бурджоглы, бурлы, кангуоглы, анджоглы, дурут, карабароглы, джужнан, карабиркли, котян [Золотая Орда, 2003. С. 240]. Эти этнонимы отражают наиболее

крупные племенные группы или союзы, преимущественно кыпчакско-половецкого и печенежско-огузского происхождения, завоеванные монголами. Более подробный перечень родоплеменных образований кыпчакской конфедерации начала XIII в. состоял более чем из 30 этнонимов: ай(кай)оба (рус. Аепичи – каепичи), алперли (алберли, иль-берли, ольбери (рус. Олперлуоеви), вададж, барат – бараг, байаут, бурч-оглы (рус. Бурчевичи), бзанги, чакраг – чокраг, ситай-оглы (рус. Читеевичи), чиртан-чортан, дурут-дурт-тертероба (рус. Тертробичи), енч-оглы (Иланчук), ит-оба (рус. Етебичи), китан-оба (кидане), куче-оба (рус. Коучебичи), кучет, кор (коор), карабуркли (рус. Черные Клобуки), кул-оба (рус. Колобичи), команды (ко-манди), кангу-оглы, меркити (бекрути), мингиз-оглы, орингу(т), уран, бесене (песенег), таргил (рус. Тарглове), токсоба (рус. Токсобичи), тгузкут, улаш-оглы (рус. Улашевичи), урус-оба (рус. Урусовичи), емек (рус. Половцы Емякове), уогур (уйгур) [Исхаков, Измайлов, 2007. С.74].

Б.Е.Кумеков считал, что племенной состав кыпчаков в XII – начале XIII вв. следует обозначить исходя из деления их на восточных и западных. Западные кыпчаки (куманы, половцы) состояли из 11 племен: токсоба, иетиоба, бурджоглы, ельбори, кангароглы, анджоглы, дурутоба, кулабаоглы, джортан, караборикли, котан. Восточные кыпчаки (кыпчаки, канглы) имели 16 племен: борилу, токсоба, иетоба, дуртоба, ал-арс (ал-ас), бурджоглу, манкуроглу, йимак, таг, башкурт, куманлу, базнак (баджнак), баджна, карабориклу, уз, джортан [Кумеков, 1993]. Монгольское нашествие привнесло в родоплеменное деление Дешт-и-Кыпчак новые кочевые кланы. Это вливание означало, с одной стороны, отторжение пришлых племен, с другой – изменение самоназваний племен кыпчакской конфедерации, преимущественно из-за объединения нескольких тюркских племен вокруг одного монгольского. В.В. Трепавлов так характеризует этнические процессы в Дешт-и-Кыпчак XIII – XIV вв.: «...кипчаки практически утратили домонгольское племенное деление и стали обозначаться посредством этнонимов тех монгольских племен, в нутагах (юртах) которых им довелось оказаться. Кочевавшие в нутаге мангутов стали мангытами, в зоне хонкиратов – кунгратами, найманов – найманами, кереитов-кереитами, или кереями» [Трепавлов, 2001, С.490]. Такое утверждение представляется несколько упрощенным, поскольку смена этнической доминанты в Дешт-и-Кыпчак в результате монгольского нашествия не произошла одномоментно²⁷, суть произошедшего нельзя свести к простому вливанию кыпчаков в орды захватчиков хотя бы потому, что всех переселившихся из Южной Сибири племен, известных как «монголы», было абсолютно недостаточно для создания сколько-нибудь значительного присутствия по всей огромной территории южнорусских степей. Таким образом, насколько

²⁷ По мнению ряда исследователей, в степях Дешт-и Кыпчака, где активно происходил процесс распада племенной структуры кыпчаков и новой консолидации населения степей, в рамках монгольской этнополитической системы и этносоциальной структуры тюрко-монгольских кланов, очень скоро общим этнонимом стало имя «татар». Исходя из этого, они делают вывод, что «не кыпчаки ассимилировали монголов, а наоборот, новая клановая татарская или тюрко-монгольская система, сумела растворить в себе кыпчаков, болгар, мадьяр и другие народы и внедрить в их среду новое этнополитическое, в их элиту новое этносоциальное самосознание» [Исхаков, Измайлов, 2007. С.178-177].

возможно, необходимо выяснить механизм взаимодействия доминирующей в политическом плане малочисленной группы монголов с тюрками, составлявшими реальное большинство населения улуса в целом.

Во второй главе книги уже рассматривались различные варианты этнических контактов монголов с тюркскими кочевниками. Однако, если оценивать проблему ассимиляции монголов в целом, а не на уровне отдельных племен, то основными являются следующие установки. Во-первых, еще до начала завоевания Дешт-и Кыпчак в монгольском войске присутствовало значительное количество тюркских племен. Во-вторых, с 1218 по 1239 гг. в составе войск Джучи и Бату заметно увеличился удельный вес тюркского компонента – он стал количественно преобладающим. В-третьих, в первой половине XIV в. монголы в Улусе Джучи, несомненно, составляя этническое меньшинство, полностью господствовали в военно-административном отношении, но не оказывали существенного влияния на языковую, а, следовательно, на этническую ситуацию. В-четвертых, к середине XIV в. процесс растворения монголов в кыпчакской среде был завершен [Усманов, 2002. С.77]. С другой стороны, если в отношении монголов данные утверждения обычно не вызывают принципиальных возражений, то в отношении кыпчаков не все так просто. В частности, вызывает определенное сомнение то, что кыпчаки были основным компонентом кочевого населения Золотой Орды, который сравнительно быстро ассимилировал завоевателей. Неоднозначный характер этого процесса определялся многими причинами, не последнее место среди них занимал фактор этнокультурных различий отдельных регионов Дешт-и-Кыпчак²⁸.

Образование Улуса Джучи объективно изменило политическую и демографическую ситуацию в Великой Степи. В результате войны за обладание

²⁸ В.П. Костюков в своей работе «Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством?» предложил критически пересмотреть данные хорошо известных источников и пришел к выводу, что этнический состав этого государства был гораздо более мозаичным, а значение кыпчаков в нем было сильно преувеличено. Мною уже приводилось выше (см. глава 2) мнение этого исследователя о трактовке известного фрагмента из ал-Омари о качестве кыпчакских рабов. Проанализировав источник, он не находит в нем никаких указаний на сплошную кыпчакизацию Джучидского государства. «Восприятие Улуса Джучи как государства, населенного в основном кипчаками,... отчасти опирается еще и на конъектуры, внесенные В.Г. Тизенгаузенем в переводы сочинений ал-Омари и Ибн Батуты. В самом деле, везде, где эти авторы, имея в виду кочевое население Золотой Орды, писали «они», переводчик, как правило, пояснял: (Кипчаки)» [Костюков, 2006. С.207]. Фактическая подмена понятий в переводах этих и некоторых других арабо-персидских источниках нередко приводила к приравниванию этнонимов «тюрки» и «кыпчаки». Кроме того, анализ большого круга письменных источников не дает автору оснований для оценки завоевания Дешт-и-Кыпчак как «легкого кровопускания», речь идет, скорее, о демографической катастрофе, массовом истреблении кыпчаков. «Разумеется, было бы неправильно утверждать, что роль кипчаков в массе кочевого населения Золотой Орды была абсолютно ничтожной, а их роль в этнических процессах, протекавших в Золотой Орде, была меньше в сравнении с любой другой этнокультурной единицей. Вопрос о племенном составе Улуса Джучи, очевидно, должен решаться отдельно для каждого региона с привлечением всех доступных источников. Но, для того чтобы начать такого рода исследования, необходима критическая оценка сложившейся практики сведения этнических процессов в масштабах всего Улуса Джучи единственно к «кипчакизации» [Костюков, 2006. С.234].

этими землями кыпчаки многое потеряли, но не были истреблены. Тот серьезный урон, который они понесли, вскоре был восполнен быстрым ростом кочевого населения Золотой Орды в XIII – первой половине XIV вв. «Сколько осталось половцев в южнорусских степях, мы не знаем. Сколько всего жителей степи вместе с завоевателями было в XIII в. также неизвестно. Но, так или иначе, факт: степь в середине XIII в. позволяла кочевникам осуществлять расширенное демографическое воспроизводство. Известно, что в стагнационном режиме кочевая семья имела 4-5 чел., а при возможностях роста до 12», – писал Э.С. Кульпин [Кульпин, 2006. С.73]. Анализ возможностей ландшафта и экологии южнорусских и волго-уральских степей для кочевого скотоводства позволил ему сделать вывод о высоких темпах демографического роста с 1242 г. до первой эпидемии чумы в Золотой Орде в 1346 г. [Кульпин, 2006. С. 67-76]. Расширенное хозяйственное воспроизводство кочевников основывалось не только на возможностях увеличения пастбищных угодий, но и на политической стабильности в регионе, обеспеченной твердой властью Джучидов. Яса Чингизхана положила конец обычаям «кровной мести» и «баранты» среди кочевников, маршруты кочевков которых теперь строго регламентировались улусной системой. Пастбищные угодья перестали быть причиной постоянного соперничества между родами и кланами, поэтому в монгольском государстве пришлые монгольские племена необычайно быстро смешались с автохтонными тюркскими в единых юртах и улусах. Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов, на основании данных письменных источников, пришли к выводу, что численность кочевого населения «при Бату-хане могла составлять (даются минимальные и максимальные значения) от 600 до 800 тыс., при Берке-хане – 900 – 1200 тыс., при Токте-хане – 1,5 – 2 млн., при Узбек-хане и Джанибек-хане – 2 – 2,8 млн.» [Исхаков, Измайлов, 2007. С.166].

Период демографического спада сменил период подъема, что в конечном итоге изначально и предопределило процесс появления «новых» родов и кланов кочевников в Улусе Джучи. Слияние родов тюрков и монголов, разделение их на части или появление из одного материнского нескольких дочерних кланов, вероятно, очень часто имело стихийный характер и продолжалось на протяжении не одного столетия. Определенная нечеткость понятий, связанная с незавершенностью процессов этнической идентификации кочевников Золотой Орды, существовала до появления термина «узбек», который пришел на смену «кыпчак», как собирательного имени для всего кочевого населения Дешт-и-Кыпчак. Первое упоминание термина «узбек» (узбекиян) было отмечено у Хамдаллаха Казвини и относится к событиям 1335 – 1336 гг., а позднее он встречается уже в сочинениях других авторов [Золотая Орда, 2003, С. 275]. Широкое распространение в 80-х годах XIV в. этого этнонима, на мой взгляд, свидетельствовало о завершении процесса смешения тюрко-монгольских племен в Золотой Орде и появлении новой клановой структуры Дешт-и-Кыпчак, позднее нашедшей отражение в так называемом «Перечне 92 племен илатийа, или «узбекских». Хотя дошедший до нас перечень относится уже ко времени правления Абулхаир-хана, данный список, вероятно, может быть использован в

качестве определенной «матрицы», позволяющей судить о клановой структуре Улуса Джучи в финальном его варианте²⁹.

Существует несколько близких по транскрипции списков «Перечня 92 племен». Один из них, содержащийся в «Маджму ат-таварих», написанном в Фергане в XVI в. Сайф ад-Дином Ахсикенти, состоит из следующих племен: минг, юз, кырк, джалаир, сарай, конгурат, алчин, аргун, найман, кыпчак, калмак, чакмак, кыргыз, карлык, тюрк, туркмен, байаут, бурлан, шымырчик, кабаша, нуджин, килечи, килекш, бурат, убрат, кыят, хытай, канглы, урйуз, джуналахи, куджи, утарчи, фуладчи, джыйыт, джуйут, джулджут, турмаут, уймаут, арлат, кереит, онгут, тангут, мангут, джалаут, мамасит, меркит, буркут, кият, куралаш, оглен, кары, араб, иладжи, джубурган, кышлык, гирай, дурмен, табын, тама, рамадан, уйшун, бадай, хафиз, уйруджи, джурат, татар, юрга, баташ, каучин, тубай, тилау, кардари, санхиян, кыргын, ширин, оглан, чимбай, чаркас, уйгур, анмар, ябу, таргыл, тургай, теит, кохат, фахыр, куджалык, шуран, дераджат, кимат, шуджаат, ауган.

Впервые обратил внимание на то, что «Список 92 племен», скорее всего, перечисляет названия кочевых племен эпохи Золотой Орды – еще до отделения мангыт-ногаев и казахов был А.З. Валиди Тоган (Ахметзаки Ахметшахович Валиди). Он отмечал, что 33 из этих названий племен являются монгольскими, большинство остальных совпадает с названиями известных тюркских племен Джучиева улуса, происхождение остальных ныне нам неизвестно. Впоследствии серьезным изучением 92 «племен илатийа» занялся Т.И. Султанов, который на основании сравнения по меньшей мере 5 наиболее полно сохранившихся списков документа, приходит к выводу, что традиция разделения кочевников-узбеков на 92 племена восходит ко времени не позднее первой половины XVI в. или даже более раннему времени [Султанов, 1982. С.27]. По мнению ученого, традиционный генеологический список 92 «племен илатийа» включает названия большинства тюркских и некоторые названия нетюркских народов, бытовававших на территории Средней Азии, Казахстана и смежных областей. Однако возможность «распределения» всех 92 племен «по принципу вхождения их в ту или иную народность» затруднительно, в силу своей крайней приблизительности [Султанов, 1982. С.39]. Данные о составе 92 «племен илатийа», а также сведения, почерпнутые из различных ираноязычных и тюркоязычных нарративных источников, дали основание выявить 62 названия племен кочевников Золотой Орды. Вот их список, приведенный в алфавитном порядке: алчин, аргун, ас, барак, баарин, барлас, бахрин, башгырд, буйрак, буркут, буруджоглы, джалаир, джуркун, дурман, ички, ички-байри, йиджан, йисут, йети-минг, каанбайлы, курлук, кенегес, кереит, кингит, кипчак, кунграт, кият, куйун, курдер, курлаут, кушчи, маджар, мангыт, масит, меркит, минг, найман, огуз, ойрат, салор, сарай, сихиут, таймас,

²⁹ Интересно по поводу этнонима «узбекские» племена мнение Ж.М. Сабитова. Он полагает, что «появление списка «узбекских» племен связано с личностью Узбек-хана и его административной реформой, согласно которой он лишил всех джучидов своих уделов. Видимо, тогда же произошел переход всех подвластных джучидам племен в центральное управление непосредственно хану Золотой Орды. С тех пор их могли называть племена Узбека, что позже перешло в словосочетание узбекские племена» [Сабитов, 2012в. С.118-119].

табгут, тархан, татар, тили-минг, тубай, тубай-туман, туман, туман-минг, уйгур, уйсун, украш-найман, утарчи, хитай, хушин, чат, чинбай, чубурган, шадбаклы, шункарлы» [Кляшторный, Султанов, 2009. С.253].

С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов, составившие список 62 племен кочевников Золотой Орды, вероятно, использовали данные, относящиеся к периоду от возникновения Улуса Джучи до его распада, поэтому их перечень племен является самым полным списком. Вместе с тем, следует признать, что состав кочевых племен Улуса Джучи не мог не меняться на протяжении столетий, появлялись новые названия племен, от крупных кланов отпочковывались дочерние и откочевывали в другие регионы. Все это создает определенные трудности в структурировании списка, поскольку не дает представления о его хронологии, иерархии и картографии.

Большая работа по восстановлению клановой структуры кочевников Золотой Орды была проделана Д.М. Исхаковым и Л.И. Измайловым. В своей монографии «Этнополитическая история татар» они проследили этническое (языковое) происхождение 37 кланов, а также отдельно отметили «время фиксации в составе владений Золотой Орды по векам» [Исхаков, Измайлов, 2007. С.167-168].

В XIII в. в Золотой Орде фиксируются кланы: Алчи(н)-Татар, Буйрак, Баргут (Буркыт), Емек (Имек), Иисуг, Кыйат, Кыпчак, Конграт, Кереит, Кингит, Карлык (Карлук), Кушчи, Кенегес, Кытай (Катай), Курлеут, Кырк (Крек), Меркит, Минг, Найман, Ойрат, Огулан, Салджигут, Сулдус, Тархан, Тулас (Туклан), Уйшин, Уйгур.

В XIV в. известны кланы: Алчи(н)-Татар, Бахрин (Барын), Джалаир, Дурман (Дурбан), Кыйат, Кыпчак, Конграт, Канглы, Кенегес, Кытай (Катай), Курлеут, Карабогдан, Келечеи (Калач), Мангыт, Минг, Найман, Салджигут, Сарай, Уйшин, Уйгур, Ширин.

В XV в.: Аргын, Алчи(н)-Татар, Бахрин (Барын), Буйрак, Баргут (Буркыт), Дурман (Дурбан), Кыйат, Конграт, Кереит, Канглы, Карлык (Карлук), Кушчи, Кытай (Катай), Кырк, Келечеи (Калач), Мангыт, Минг, Найман, Салджигут, Уйшин, Уйгур, Ширин.

Приведенный выше список дает определенное представление об изменениях, происходивших в клановой структуре Золотой Орды с течением времени. Наряду с племенами, которые сохраняются с XIII по XV вв. (Алчи(н)-Татар, Кыйат, Конграт, Канглы, Кытай (Катай), Минг, Найман, Салджигут, Уйшин, Уйгур), есть достаточное количество новых кланов. Процесс образования новых кланов на примере башкирских племен был обстоятельно изучен Р.Г. Кузеевым, который отмечал, что первоначально в названиях вновь возникших образований этноним старого рода удерживался в качестве составной части, затем появляется второе название, где основным элементом становится новый этноним: «Включив в свой состав те или иные компоненты, новые роды могут несколько изменить этнический состав, обрастают преданиями, генеалогиями, тамгами и т.д., словом как социальные организмы, ведут себя подобно «настоящим», старым родам» [Кузеев, 1974. С. 123]. Описанная выше тенденция к образованию новых кланов, вполне вероятно, прослеживается и в Золотой Орде. Например, известный в XIII в.

клан «минг» позднее мог положить начало племенам «йети-минг», «тили-минг», «туман-минг». Впоследствии «туман-минг» теряет в названии обозначение «минг» и выступает в качестве самостоятельного племени «туман», которое, объединившись с племенем «тубай», образует этноним «тубай-туман». Известно, что при Бату-хане клан минг, наряду с племенами тархан, ушун и ойрат, был пожалован чингизиду Тука-Тимуру, а Узбек-хан передает племя минг сиджиуту Алатаю. Прекочевка, по воле хана, с одного места на другое имела определенное значение для образования новых родоплеменных объединений, однако гораздо большую роль в этом процессе сыграл демографический фактор. Показателем прироста кочевого населения, помимо приведенных выше социально-экологических выкладок Э.С. Кульпина, а также данных Д.М. Исхакова и И.Л. Измайлова, может быть простое сравнение количества археологически исследованных погребений ордынского и доордынского времени.

К сожалению, на данный момент не написано обобщающей монографии по археологии поздних кочевников, в которой с учетом последних данных полевых исследований курганных захоронений половецкого и золотоордынского времени, можно было сравнить их соотношение, поэтому придется обратиться к данным на 1966 г., монографии Г.А. Федорова-Давыдова «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов». Доступный на тот момент массив раскопанных позднекочевнических курганов был разбит на 4 хронологические группы: 2 и 3-я принадлежали половецкому времени (XII – начало XIII вв.), 4-я – золотоордынскому (вторая половина XII – XIV вв.). Сравнение этих курганов показало превышение количества погребений золотоордынского времени над домонгольскими половецкими более чем в четыре раза (258 против 64), что с учетом представительности этих выборок, говорит об очень значительном увеличении кочевого населения во второй половине XIII – XIV вв.³⁰. Кроме того, характерно, что если у половцев количество основных и впускных погребений было примерно равным, то в Золотой Орде наблюдается абсолютное преобладание

³⁰ Статистические выкладки Г.А. Федорова-Давыдова, вполне подтверждаются современными археологическими исследованиями отдельных крупных регионов. Так, географическая статистика погребений средневековых кочевников (X – XIV вв.) в степях Урало-Поволжья показала, что, на основании выборки из 787 погребений рассматриваемого периода, прослеживается следующая тенденция: 18,3% – погребения огузо-печенежского времени (X – первая половина XI вв.); 5,4% – погребения кыпчако-половецкого времени (XI – начало XIII вв.); 76,3% – погребения золотоордынского времени (XIII – XIV вв.). В качестве одной из основных причин значительного увеличения плотности распространения погребений поздних кочевников в этом регионе предлагается фактор влияния природно-климатических условий на этнодемографическую ситуацию в Урало-Поволжских степях. В частности, отмечается: «Совсем иную картину наблюдаем мы, обращаясь к памятникам золотоордынского времени (пик степного увлажнения). Во-первых, значительная часть из них, имеющая свою морфологическую специфику, о которой будет сказано ниже, локализуется на территории Зауральской степной и Предгорной степной провинций. Во-вторых, не менее значительная их часть выявлена в пределах полупустынь (тогда – сухих степей) Прикаспийской низменности. В-третьих, значительно большее, чем в предыдущие хронологические периоды, количество памятников выявлено на водоразделах и террасах малых степных рек, имеющих, надо полагать, в то время летний сток» [Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014. С.22-23].

основных погребений в курганах [Федоров-Давыдов, 1966. С.131-132]. Данный факт можно объяснить тем, что в золотоордынское время не только выросло население степи, но кочевники уже четко придерживались определенных маршрутов передвижения, и на их пути следования возникали постоянные родовые могильники. Другими словами, если половцы хоронили как в уже существующих курганах более раннего времени, так и при необходимости сооружали собственные курганные насыпи, то кочевники Золотой Орды зачастую хоронили в собственных родовых некрополях, курганных группах, возникших на территориях их зимовок и летовок. Особенно характерно в этом отношении Поволжье: «в I-III периоды здесь неизвестно ни одного кочевнического могильника, а впускные погребения составляют 75%. В IV период в Поволжье появилось большое количество кочевнических могильников и компактных групп кочевнических курганов среди более ранних могильников, а количество впускных погребений сократилось до 20%» [Федоров-Давыдов, 1966. С.131].

Это замечание имеет очень большое значение в оценке направления и динамики развития клановой структуры кочевников. В золотоордынский период, в отличие от половецкого, когда можно было лишь в лучшем случае локализовать «вежи» – зимовки некоторых племен, все степные владения были разделены на улусы, а в рамках каждого из них был определен точный маршрут круглогодичного кочевания. Принцип улусной системы был в основе военно-административного устройства кочевого государства, он подразумевал деление народа-государства по десятичной системе армии – десяток, сотня, тысяча, десять тысяч. В результате, в Золотой Орде первоначальная племенная структура кочевников отшла на второй план и была временно вытеснена военной, основанной на десятичном принципе. В.Л. Егоров отмечал, что «основой административно-территориального деления золотоордынского государства была улусная система. Сущность ее составляло право феодалов на получение от хана определенного удела – улуса, за что владелец его принимал на себя определенные военные и экономические обязательства» [Егоров, 1985. С.163]. Держатели улусов, в зависимости от своего ранга (темник, тысячник, сотник, десятник), в XIII в. могли быть в любой момент заменены, по воле хана, на другого, более способного военачальника, что, однако, не влияло на размеры самих улусов, они зачастую оставались неизменны. Всего в Золотой Орде было более 26 крупных улусных владений, а число улусов, возглавляемых темником, обычно насчитывало – 70. [Егоров, 1985. С.165-167, Селезнев, 2009. С.9].

Сохранение конфигурации кочевых улусов, на мой взгляд, является свидетельством существования на протяжении длительного времени природно-климатических условий, позволявших заниматься кочевым скотоводством в данной экологической нише. В частности, для степей Нижнего Поволжья в золотоордынское время для расширенного воспроизводства поголовья скота необходимым условием были меридиональные перекочевки в рамках четырех улусов, к рассмотрению которых вернемся ниже. Если же оценивать влияние улусной системы на родоплеменную структуру кочевников Золотой Орды в целом, то главным ее последствием, вероятно, было образование административных,

искусственно созданных, так называемых, «территориальных» родов. Типичным примером организации кочевого общества по территориальному принципу, когда централизация и стандартизация временно вытесняли родственный принцип, была административная структура монголов эпохи каана Хубилая (годы правления 1260 – 1294), которая состояла из следующих элементов: «1) малое семейство (бага-эругэ); 2) 25 малых семейств составляли одно большое семейство (йэке-эругэ); 3) 25 больших семейств составляли «ведение даруги»; 4) два участка (ими заведовали даруги) составляли сотенный аймак; 5) 10 сотенных аймаков входили в тысячный аймак; 6) 10 тысячных аймаков составляли отток, 10 отоков – «моджи» [Марков, 1976. С.78]. По-мнению Г.Е. Маркова, «десятичная «структура» усиливала смешанность племен, но поскольку родственный принцип в организации кочевников играл лишь идеологическую, чисто формальную роль, то временная замена его централизованной организацией при сохранении скотоводческого экономического базиса принципиально ничего не меняла. Организацию скотоводов по этому принципу можно условно назвать «военно-кочевой» [Марков, 1976. С.312].

Относительно разделения кочевников Золотой Орды на малые и большие семейства, аймаки и оттоки (обоки) данных нет, однако есть предположение, что подобная организация была универсальной для монголов. Традиционно считается, что территориальные роды в кочевом обществе возникают в результате разложения родовой структуры номадов. Первоначальные ячейки кочевого общества – айлы, вероятно, в это время уже не всегда представляли собой единое целое в рамках одного рода. Айлы различных родов смешивались и вполне могли «чересполосно» располагаться на территории зимних и летних пастбищ, в результате «разнородные» айлы нередко составляли один обок или аймак золотоордынского улуса. Таким образом, старые названия тюрко-монгольских кланов отходили на второй план, а общее их название зависело от их владельца – нойона, эмира или бека. В письменных источниках можно найти имена, как крупных держателей кочевых улусов Золотой Орды – Ногай, Куремса, Бурундай, Мауци, Картан, Сартах, так и владельцев улусов поменьше и ниже рангом – Бек-Булат (Бек Пулад оглан), Ак-Буга (бахрин), Сары-Ходжа (шары), Иткара (алчитатар).

Если в летний период беки, стоявшие во главе своих относительно небольших улусов, которые отличались доминированием в своем составе определенного рода или клана, могли достаточно вольготно расположиться на границе степи и лесостепи, то зимой такой возможности не было. Зимние пастбища были на вес золота, поэтому распределение их было строго регламентировано и, в силу этого, способствовало образованию новой клановой структуры кочевников. В пределах отведенной им территории между различными тюрко-монгольскими родами возникали близкородственные отношения, они образовывали отдельные кланы, называвшиеся по имени основателя-предка или наименованию определенной местности. Примером такого рода были, вероятно, кланы «тархан», «маджар» и «сарай», упомянутые среди перечня 62 племен золотоордынских кочевников.

Тархан – это особая форма землевладения в тюркских средневековых государствах. Благодаря путешествию Ибн Баттуты в царство хана (султана) Узбека, нам известно о существовании этого института и в Золотой Орде. В частности, арабский путешественник писал следующее: «Когда праздник кончился, то мы отправились в путь с султаном и со ставкой прибыли к Хаджитархану [Астрахани]. Тархан – значит у них место, изъятое от податей;... Город этот получил название свое от тюркского хаджи [паломника], одного из благочестивцев, поселившегося в этом месте. Султан дал ему это место беспоплино, и оно стало деревней; потом оно увеличилось и стало городом... Султан остается здесь до тех пор, пока усиливается стужа и река замерзает» [Золотая Орда, 2003. С.140]. Из этого отрывка можно сделать вывод, что на определенной территории, возможно, речь идет о зимовке кочевников, возникшей близ Хаджитархана, мог возникнуть клан «тархан», названный по прозванию этого места. Наименование племен «маджар» и «сарай» прямо указывают на определенные места зимовок кочевников. Золотоордынский город Маджар находился на берегах р. Кумы у современного г. Буденновска Ставропольского края. В средневековых источниках есть указание на зимовку в этом районе хана Берке [Тизенгаузен, 1941. С. 92]. Позднее «Мажаров Юрт» на р. Куме был традиционной зимовкой ногайцев Казыева улуса. Относительно этнонима «сарай» возможно как минимум три толкования. Сарай – первая столица Золотой Орды, основанная в начале 50-х годов XIII в. Находилась на левом берегу Ахтубы, у с. Селитренного Харабалинского района Астраханской области. Сарайчик – основан во второй половине XIII в. Был расположен на правом берегу Урала, 60 км выше г. Гурьева. Сарай ал-Джадид – вторая столица государства. Основана в XIV в. Остатки ее находятся у с. Царев Ленинского района Волгоградской области. Вероятнее всего, возникновение клана «сарай» было связано с Сараем ал-Джадид, который возник в местах зимовки улуса Бату. В пользу последней точки зрения, можно привести гипотезу относительно «о возможной синонимичности этнонимов Сарай и Кыят, так как последний клан занимал при ханах Токте и Узбеке ведущее положение в управлении государством, сосредоточенном в г. Сарае (отсюда и могло быть еще одно наименование клана — «Сарай») [Исхаков, Измайлов, 2007. С.154].

Появление территориальных родов в Золотой Орде было прямым следствием военно-административной структуры монгольского государства, которая была определенное время реальной альтернативой родоплеменной организации кочевников, при этом акцент делался не на родственных, а на экономических основах организации улусных владений – создании оптимальных условий для круглогодичного кочевания. Однако такая расстановка приоритетов не могла окончательно искоренить родоплеменную организацию кочевого общества, а лишь временно трансформировала ее. В рамках военно-административной структуры Золотой Орды клановая система кочевников никогда окончательно не теряла своего значения. Уже давно было подмечено, что в средневековых каганатах переход из «военно-кочевого» состояния в «общинно-кочевое» и обратно – явления обратимые. Создание кочевых империй инициировало процесс создания

первого состояния, их распад – второго [Марков, 1976. С. 313]. Во второй половине XIV в., когда уже отмечалась тенденция к распаду Улуса Джучи на отдельные ханства, в рамках этих новых образований, выходили на первый план наиболее сильные кочевые племена, на которые опиралась местная династия правителей. Среди 62 племен кочевников Золотой Орды возникает определенная иерархия. Происходит деление на «основные» племена и «второстепенные». В качестве примера, будет интересно привести сведения о государстве кочевых узбеков хана Абулхаира, который разделил своих подданных на четыре крупных этнических подразделения – топа («топа», «тайпа», «таифа»). Уйгуры и найманы вошли в первый, во второй – конграты и кияты, в третий – нукузы и мангыты, в четвертый – канглы и кыпчаки. К каждому из них были присоединены более мелкие этнические и социальные группы: к уйгурам – дурманы, йузы и минги, к найманам – потомки пророка, шейхи и бурлаки и т.д. [Костюков, 2010. С.100].

Хотя традиция выделения среди общей массы кочевых племен четырех главных, вероятно, возникла в тюрко-монгольской культуре достаточно давно, вполне определенно она прослеживается лишь в финальной стадии существования Золотой Орды, когда уже вполне явственно прослеживаются контуры новых этнополитических образований. По мнению Юлая Шамильоглу, разделяемому Д.М. Исхаковым, для постзолотоордынских тюрко-татарских государств XV-XVI вв. характерно существование такого института, как карачи-бейство. Оно подразумевало опору на четыре главных клана кочевников, во главе которых стояли карачи-беи, представители родовой аристократии. В Казанском ханстве представителями карачибейских кланов орды Улу-Мухаммета были: Аргын, Барын, Ширин и Кыпчак. Позже к ним присоединился род Мангыт. Именно они были в основе деления ханства на княжества (даруги). В Касимовском ханстве первоначально карачибейскими были роды: Аргын, Барын, Ширин, Кыпчак. Позднее появляются Мангыт и Джалаир. В Крымском ханстве также аналогичная картина – Аргын, Барын, Ширин, Кыпчак, впоследствии с присоединением Мансуров (Мангытов). В Большой Орде ситуация несколько иная: карачибейские роды – Кийят, Мангыт, Сиджиут (Салджигут) и Конграт (Коурат). В Астраханском ханстве, вероятно, карачи-беями были представители родов – Конграт, Алчин, Мангыт, Китай (Хатай). Относительно Сибирского ханства существование института карачибейства также не вызывает больших сомнений, хотя есть различные версии о номенклатуре этих племен. Среди различных вариантов указываются племена Кордак, Туралы, Аялы и Бараба. Другой вариант Конграт, Дурман, Найман, Кошчи. Некоторые источники добавляют к ним Мангыт или Салджигут [Исхаков, 2004. С.8 - 43].

Глава 5. Пастбищно-кочевая система золотоордынских кочевников Нижнего Поволжья.

«Непобедимой была страна,
Неистошимой была казна.
Бедному люду в те времена
Весь доставался доход,
На лугах умножался скот».

[Идегей: Татарский народный эпос. Казань, 1990. С.13].

«Ехали же мы через свсю страну Команов,
представляющую собой сплошную равнину и
имеющую четыре большие реки: первую – Днепр,
возле которой со стороны России кочевал Коренца,
а с другой строны по тамошним степям кочевал Мауци,
который выше Коренцы; вторую – Дон, у которой кочует
некий князь по имени Картан, женатый на сестре Бату;
третью – Волгу, эта река очень велика, у нее переходит
с места на место сам Бату, четвертая называется Яик,
у нее переходят с места на место два тысячника, один
с одной стороны реки, другой с другой стороны. Все они
зимой спускаются к морю, а летом по берегу этих самых
рек поднимаются на горы».

«Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето благодсти 1253».
[Путешествие, 1957. С.117].

Возникновение стабильной пастбищно-кочевой системы в Нижнем Поволжье произошло, очевидно, только в золотоордынское время и было обусловлено значительным увеличением кочевого населения. Большое количество погребений того времени, крупные размеры могильников и их скученность на территории зимовок дают основание говорить уже о регулярном включении поволжских и заволжских степей в «хозяйственный оборот». По мнению ряда археологов, специалистов по средневековым кочевникам, становление пастбищно-кочевой системы (ПКС) было очень важно для возникновения определенной этнотерриториальной общности [Боталов, 1994.]. «...На сравнительно крупном отрезке времени фактор ПКС был способен сыграть если не решающую, то все-таки более или менее действенную роль в оформлении этнотерриториальных объединений», – писал В. П. Костюков [Костюков, 2010. С.95]. В связи с этим возникает вопрос, насколько получила развитие в это время ПКС в Нижнем Поволжье, и могла ли она быть связана в дальнейшем с образованием в Большой Орде четырех карачибейских кланов: Кийят, Мангыт, Сиджиут и Конграт?

Для ответа на этот вопрос предлагается рассмотреть систему перекочевков четырех крупных поволжских улусов Золотой Орды с применением данных природных ландшафтов и сведений археологических источников соответствующего региона. Наиболее эффективным способом занятия скотоводством в степях Нижнего Поволжья были меридиональные перекочевки улусов. Маршруты передвижения, проходящие по зимним, весенне-осенним и летним пастбищам, были далеко не случайны и определялись множеством факторов, среди которых главное место занимали: постоянное наличие в достатке воды и кормов в течение всего года, а в холодный период – размер снежного покрова, температурный режим и возможность укрытия стад от непогоды. Районы откочевки золотоордынских номадов по сути являлись экологическими нишами, контуры которых были обусловлены как необходимостью передвижения многочисленных стад скота с истощенных пастбищ на новые, так и резкой континентальностью климата Нижнего Поволжья. Письменные источники XIII в. свидетельствуют о существовании в этом регионе четырех крупных улусных владений – Сартаха, Берке, Бату и владения «анонимного» тысячника, названного автором «улус Мангыт» [Путешествия, 1957, С.70, С.91; Ракушин, 2006. С. 220-239]³¹.

Улус Сартаха (Рис.1). В домонгольское время кочевники Волго-Донского междуречья принадлежали восточному объединению половцев, возглавляемых династией Шаруканидов. После серии удачных походов русских князей 1103–1116 гг. на вежи днепровских, донецких и нижнедонских половцев, часть из них откочевывает на восток, «за Дон, за Волгу, за Яик». В 1146 г. русские летописи отмечают появление в волго-донских степях кочевий родов «ельтукове», а в 1152 г. – «токсобичей» и «отперлюеве». В 1185 г. «токсобичи» среди других половецких племен участвуют в битве с полками князя Игоря Новгород-Северского. Несмотря на то, что русские князья нередко организовывали походы на их вежи (1191, 1199, 1205 гг.), к концу XII в. волго-донские половцы, объединенные ханом Кончаком, были одним из наиболее значительных и боеспособных объединений кочевников. Однако рейд Субедея и Джебе по половецкой степи в 1222 – 1224 гг. положил конец их военно-политическому преобладанию, хан волго-донских половцев Юрий Кончакович был убит, а его сын попал в плен. К концу 20-х годов XIII в.

³¹ В домонгольский период в Нижнем Поволжье стабильная ПКС не сложилась. Это во многом объясняется тем, что в XI – XII вв. территория региона находилась в заключительной стадии арридизации, то есть природно-климатические условия здесь были близки современным и для полномасштабного кочевания мало пригодными [Иванов, 2013. С.77]. Половецкое присутствие в Волго-Донском междуречье не меняло общей картины, поскольку длина маршрута перекочевки не превышала 150 – 200 км, а зимой значительная часть скота переходила на стойловое содержание, что в целом соответствует полукошачьему способу ведения хозяйства. Полукошачье направление развития половецких орд определялось широкими возможностями южнорусских степей, где в отличие от Волго-Уральского региона, великолепные летние пастбища, прорезанные многочисленными полноводными большими и малыми реками, сочетались с луговыми долинами, удобными для зимовки. В этих условиях на маршрутах перекочевки вскоре возникают «островки» оседлой жизни – половецкие вежи, наиболее крупные из которых (Шарукань, Сугров, Балин) в русских летописях именуют «городками» [Плетнева, 1982, С.20, С.40; Плетнева, 1990. С.118].

племенное объединение «токсоба», то есть девять родов, ранее входившее в племенной союз волго-донских половцев, находилось в состоянии войны с западной ордой хана Котяна, известной как «дурут» или «тертробици». Вмешательство монголов в конфликт между кыпчакскими племенами на стороне токсобичей обеспечило последним победу и статус «дружественного народа». После образования Золотой Орды кочевья поволжских половцев отошли в удел царевичу Сартаху.

Протяженность сезонных прекочевок улуса составляла около 700 км. Маршрут кочевания проходил по лесостепной, степной и полупустынной зонам. В зоне степей и лесостепей границами улуса были реки Волга и Дон. В полупустынной зоне кочевники улуса Сартах занимали территорию Сарпинской низменности, ограниченной с запада Ергенийской возвышенностью, начинавшейся в районе наибольшего сближения Дона и Волги, с северо-востока – Волгой, а с юга – песками, появляющимися в этом районе примерно в 47 градусах северной широты в районе п. Енотаевка.

По мнению В. Л. Егорова, золотоордынское городище близ п. Енотаевка на правом берегу Волги было наиболее вероятным месторасположением зимовки Сартах [Егоров, 1985. С. 117]. В пользу этого предположения говорит и то, что на противоположном берегу Волги, в 30 км юго-восточнее, располагается Селитренное городище – столица Золотой Орды город Сарай. Доступные участки лугово-лесной Волго-Ахтубинской поймы были идеальным местом для зимовок скота. В районе зимней ставки Сартах Волга делится на массу рукавов и протоков – «ериков» и «подстепков», образующих множество островов – «займищ», которые славятся богатыми сенокосными угодьями. Берега Волги и ее острова близ Енотаевки сохранили лесную растительность, главным образом из тальника и осокоря, поэтому вполне могли служить укрытием от сильных восточных ветров, обычных здесь в зимний период. К югу от Енотаевки характер природного ландшафта менялся, появлялись значительные площади летучего песка, а берег Волги значительно понижался. Очевидно, в наиболее суровые зимы или при недостатке пастбищ часть волго-донской орды переправлялась на левый берег, поскольку зимовка в песчаных барханах южнее Енотаевки была бы крайне рискованна. Вероятно, кочевники улуса Сартах, зимовавшие на Правобережье Волги, оставили после себя такие курганные могильники, как Старица, Зубовка, Черный Яр, Кривая Лука, на Левобережье – Успенка, Бутырки, Батаевка, Золотушинское.

Сарпинская низменность использовалась золотоордынскими кочевниками в качестве удобного пастбища весной. Необходимость откочевки из поймы Волги диктовалась длительным затоплением луговых ландшафтов в это время года, в то время как многочисленные озера Сарпинской низменности (Сарпа, Ханата, Барманцак, Цаган-Нур, Батыр-Мала) становились более полноводными и менее солеными. Большое значение имело и то, что в весенний период в полупустынных районах Сарпинской низменности наблюдается бурный рост растений, которые к началу летнего периода успевают закончить весь цикл своего развития, в то время как в степи травостой был еще не так богат. В начале лета степные ландшафты покрывались обильным разнотравьем, в то время как в полупустыне резко

поднималась температура, иссякала влага в почве, трава высыхала, а заросли камыша по берегам Сарпинских озер, служившие укрытием от холода и ветра весной, наполнялись тучами гнуса.

С наступлением жары огромные стада кочевников поднимались в район Переволоки (район наибольшего сближения Волги и Дона) и дальше – в среднее течение Дона. Интересные сведения относительно весенней откочевки татар сохранились в «Хождении Пименовом в Царьград». Отправившийся ранней весной с верховий Дона, митрополит Пимен впервые встречает татар Сарыхозина улуса только 24-25 мая 1389 года в месте наибольшего сближения Волги и Дона: «...так оттуда нача нас страх обдержати яко видохом в землю Татарскую их же множество оба поля Дона реки, аки песок» [Никоновская летопись, 1965. С. 96]. В следующие два дня путешествия Пимен был поражен еще более грандиозной картиной откочевки в нижнем течении Дона еще двух золотоордынских улусов Бек-Булата и Ак-Буги: «...стада же Татарские видохоже толико множество, яко же ум превосходящее: овцы, козы, волы, верблюды, кони» [Никоновская летопись, 1965. С. 96].

Перекочевка огромных табунов в северном направлении была необходима для сохранения поголовья скота – главного богатства кочевников. В летний период появлялась отличная возможность его преумножения, поскольку в достаточном количестве кормами и водными ресурсами обеспечить многочисленные стада кочевников могли только обширные степные и лесостепные пастбища. Миновав район Переволоки, улус продолжал движение по левому берегу Дона, что объяснялось асимметричным строением его долин, как правило, правые берега были высокими и крутыми, а левые – низкими и пологими, незаметно сливающимися с водоразделами. Притоки Дона – Иловля, Медведица, Бузулук, Хопер, Ворона позволяли рассредоточить улус Сартаха по бассейнам этих рек и продолжить движение на север уже по индивидуальным маршрутам. Таким образом, улус разделялся на несколько частей и занимал огромную территорию по берегам притоков Дона вплоть до границы с лесостепью, которая была достаточно условна. Некоторые из аилов кочевников смещались при этом на восток и останавливались на берегах небольших степных речек Терешки и Курдюма, впадающих в Волгу выше современного Саратова. Наиболее северные лесостепные курганы золотоордынских кочевников улуса Сартаха известны в районе 52 – 53 градуса северной широты: с. Царевщина Балтайского р-на Саратовской обл., с. Асметовка Петровского р-на Саратовской обл., с. Марьевка Малосердобского р-на Пензенской обл., с. Рамзай Мокшанского р-на Пензенской обл., с. Рыкань, Олений Колодезь и Новый Буравль Воронежской обл.³²

³² Существование определенной «буферной зоны» между русскими и ордынскими владениями в среднем и верхнем Подонье подтверждается упоминанием в письменных источниках улуса «Червлёный Яр», располагавшегося в междуречье Дона и Хопра. Улус «Червлёный Яр» просуществовал до периода «Великой Замятни» и был примером мирного существования и взаимовыгодного сотрудничества тюрков-кочевников и славян-землепашцев [Шенников, 1987. С.10; Цыбин, 1998. С.144].

Рациональное распределение пастбищных угодий, установление режима кочевий монгольской знатью в Волго-Донском междуречье требовало определенного опыта и времени. Однако с этой задачей новые хозяева степи, вероятно, быстро справились: маршрут передвижения улусов строго регламентировался и, как следствие, в степи вскоре возникли «цепочки» золотоордынских курганов и курганных групп, появлявшихся по маршрутам кочевков номадов. Единичные курганы или небольшие группы, оставленные в лесостепи отдельными аилами, трансформируются в родовые кладбища золотоордынцев по 10 и больше погребений, расположенные уже на устойчивых маршрутах кочевий в степной зоне. Могильники у с. Свинуха (Лесное) и Третьяки на Хопре, Аткарский и Глазуновский на Медведице, Ютаевский на Иловле, Усть-Курдюмский на р. Курдюм вполне могли быть оставлены представителями различных кланов улуса Сартаха. Формируются различные типы могильников, позволяющие говорить об определенных отличиях погребального обряда этнографического характера [Кравец, 2005. С. 91 – 101]. Таким образом, могильники кочевников в это время возникали не только на зимних, но и на летних пастбищах, где постепенно появлялось родовое кладбище, возможно, узкой, близко-родственной группы населения³³.

³³ Изучение таких могильников может представлять значительный интерес в плане выявления этнографических особенностей золотоордынских номадов, поскольку они могут быть родовыми кладбищами различных кланов улуса Сартаха. Определенный интерес в этом отношении представляет курганный могильник, расположенный на реке Аткара, притоке Медведицы. Исследование этого могильника, который состоял из более трех десятков насыпей (ордынские захоронения), началось еще до революции: в 1900 г. Ф. П. Коноваловым и в 1909 г. В. Н. Глазовым, а в 1928 – 1930 гг. были продолжены Н. К. Арзютовым [Арзютов, 1936. С. 86 – 101; Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С. 27, С. 54, С. 86 – 95]. В непосредственной близости от него находился грунтовый финно-угорский (мордовский) могильник, также золотоордынского времени, и как выяснилось в процессе исследования, насчитывавший более сотни погребений, в числе которых были и кочевнические [Арзютов, 1929. С. 4-30; Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С. 147 – 148]. Первооткрывателем этого памятника был Н. К. Арзютов, впоследствии раскопки продолжили С. Ю. Монахов и Ю. А. Африканов. Наиболее известная находка Аткарского грунтового могильника была сделана в 1997 г. С. В. Ляховым в погребении №58 [Ляхов, 1999, С. 94 – 96]. В женской половине этого погребения была найдена подвеска с тамгой дома Бату, что давало основание утверждать существование браков между финно-угорской знатью и высшей золотоордынской аристократией, потомками хана Бату. В письменных источниках пока не найдено прямого подтверждения «династического» брака между финно-угорским «князем» и «принцессой» из ханского рода [Бабинцев, 2013, С. 8687]. На мой взгляд, появление такой подвески в погребении Аткарского могильника могло быть как-то связано с потомками старшего эмира хана Бату по имени Ит-Кара [Золотая Орда, 2003. С. 401]. Современный топонимический словарь Саратовской области сообщает о каком-то «татарском хане» Еткара (Иткара), который был держателем улуса в этом районе, и по его имени было дано название реке – Аткара, а впоследствии и городу Аткарску [Козинец, 2013, С. 22]. Этот факт позволяет, с определенной долей вероятности, локализовать один из более мелких улусов Сартаха – улус Иткары. Исторические, археологические, топонимические данные дают возможность предположить тесную связь золотоордынских кочевников этого улуса с финно-угорским населением, погребальные памятники которых нередко находились в непосредственной близости – на границе степи и лесостепи.

Улус Берке (рис. 2). Интенсивное расселение половецких племен в прикаспийских и предкавказских степях, в бассейне рек Сал, Маныч, Кума, очевидно, началось только в XII в. и связано с откочевкой орды хана Атрака (Отрака), сына могущественного хана кыпчаков – Шарукана. Разгром половецких вождей князем Владимиром Мономахом и угроза повторного разрушительного похода русских князей 1116 г. заставили половцев отойти на более безопасное расстояние от своего значительно окрепшего соседа – Руси. Вероятно, отходя на юг, в 1117 г. именно хан Атрак, располагая 40 тысячами воинов, разбил в районе Белой Вежи объединенные силы печенегов и торков. Перейдя на правый берег Дона, орда Атрака первоначально расположилась в кубанских и ставропольских степях, потеснив там аланов и адыгов. Отдельные отряды половцев проникли в Закавказье, поступив на службу к грузинскому царю Давиду IV. В течение нескольких последующих поколений территория расселения половецких племен значительно увеличилась за счет их продвижения на восток в полупустынные и пустынные районы Калмыкии и Северного Прикаспия. Именно к этому периоду, XII – началу XIII вв., принадлежит большая часть изваяний и курганов этого региона [Минаева, 1964]. С образованием Золотой Орды предкавказские степи и Северный Прикаспий были объединены в улус Берке. В 1254 г. по приказу хана Бату Берке был отстранен от управления улусом, получившим в исторической литературе его имя, а ему самому было предписано откочевать в Заволжье. Причиной опалы Берке и присоединения его улуса к ханским владениям, по мнению Плано Карпини, были какие-то убытки которые, несла казна за счет того, что «послы сарацинов проезжали через его владения» [Путешествие, 1957. С.117]. Вероятно, вскоре после этого события кочевое население улуса Берке стало больше тяготеть к правому берегу Волги и расположившемуся впоследствии в ее дельте – Хаджитархану, а полукочевое и оседлое (аланы и адыги) – к другому административному центру – Маджару. Такое разделение, с одной стороны, вполне оправдано с точки зрения возможностей занятия земледелием и скотоводством в различных географических условиях этого региона, с другой – подтверждается сообщением Ибн Баттуты, который отмечал зимовку хана Узбека в местности Хаджитархан [Золотая Орда, 2003. С.140].

Направление перекочевки номадов улуса Берке несколько отличалось от традиционного в Поволжье меридионального. Главной причиной этих особенностей было то, что степная зона Русской равнины вытянута не в строго долготном (с запада на восток), а в северо-восточном направлении [Мильков, 1977. С.164]. Соответственно с необходимостью в таких условиях обеспечивать рациональный режим кочевания, маршрут улуса Берке выстраивался не строго с юга на север, а сначала от дельты Волги на северо-запад до истоков Маныча, и далее на северо-восток по левому берегу Нижнего Дона. За счет такого «искривления» по долготе, хотя расхождение по широте не велико, примерно от 46 до 48 градусов с.ш., он фактически был достаточно протяжен и позволял охватить Нижнедонские и Сальские степи, Калмыкию и Северный Прикаспий. Кубанские и Ставропольские степи, на мой взгляд, в золотоордынское время не были включены в цикл круглогодичного кочевания улуса и использовались как пастбища с

преобладанием полукочевого содержания скота. Природно-климатические условия улуса Берке соответствуют степной и полупустынной-пустынной зонам. Однако для круглогодичного кочевания район приспособлен лучше, чем пастбища в этих же широтах в волго-уральском регионе, где климат гораздо суше и континентальнее. Наиболее близкой аналогией перекочевки улуса Берке является традиционный маршрут сезонных передвижений калмыков. Вероятно, сама логика выживания в этих местах диктует сходство организации кочевого хозяйства, поскольку каждый этап сезонных перекочевки калмыков XVII-XIX вв. может быть «проиллюстрирован» определенной группой погребальных памятников ордынцев XIII-XV вв.

В юго-восточной части Прикаспийской низменности находятся так называемые Черные земли (Хара газар), почти не покрывавшиеся зимой снегом, что позволяло калмыкам пользоваться ими в качестве зимних пастбищ [Эрдниев, 1980. С. 17-19]. Самая южная оконечность этого района – бэровские бугры – также нередко использовалась калмыками для зимовок. Встречающиеся между возвышенностями бугров широкие долины – «лиманы» – не только защищали от холодного ветра, но и имели более богатую растительность, так как вода сносила с плоских увалов плодородный слой почвы в низины и увлажняла их. Заросшие камышом и чаканом протоки и рукава дельты Волги также находили свое применение, поскольку обеспечивали кочевников топливом и строительным материалом.

Если оценивать этот район в плане курганов, оставленных золотоордынскими кочевниками, то мы там их не найдем. Практически их полное отсутствие в округе городища Шаренный Бугор (Хаджитархан) вполне объяснимо: «вероятно не везде имелась возможность сооружения курганов из-за особенностей ландшафта, как в случае захоронений на песчаных дюнах или на бэровских буграх с очень твердым грунтом» [Недашковский, 2010. С. 240]. Однако погребальные памятники золотоордынского времени в дельте Волги все же есть. По понятным причинам они не имеют курганной насыпи, но, судя по наличию среди инвентаря оружия и костей коня, вполне могли принадлежать кочевникам [Недашковский, 2010. С.240]. Вероятно, обосновавшиеся на зимовку в лиманах Северного Прикаспия, кочевники улуса Бату могли оставить после себя в песчаных дюнах и на бэровских буграх такие грунтовые могильники, как: Шаренный Бугор, Мошаик I и II, Татарская Башмаковка (Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе), Новые Булгары, Восточное, Икрязное, Маячное, Караколь.

Кумо-Манычская впадина и частично реки Егорлык и Калаус по своим природно-климатическим особенностям очень удобны для скотоводства в весенний период за счет довольно большого количества лиманов и озер – Восточный Маныч, Яшалтинское, Царын, Цаган Хак и др. Кроме того, к системе Восточного Маныча принадлежат реки-балки: Шар-Шарадан, Мухур-Хора, Улан-Зауха, Минта, Мукта и др., которые полноводны большей частью только весной. Ранней весной паводковые воды ненадолго заливают огромные пространства в районах бассейнов рек Маныча и Кумы. После схода воды они на некоторое время густо зарастают луговыми травами, что позволяет скоту быстро нагулять вес после

долгой зимовки и быть готовым к летним перекочевкам. Очевидно, в весенний период золотоордынскими кочевниками были оставлены курганные могильники Восточный Маныч I, II, III, Три Брата I, II, III, Элиста, Лола I, II.

Летние пастбища калмыков находились северо-западнее, в районе Ергенинской возвышенности. Ергени (от калмыцкого «эрге» – крутизна, круча) начинаются в районе г. Волгограда и тянутся к югу до долины р. Маныч. Ергенинский ландшафт орографически является продолжением Приволжской возвышенности. Восточные склоны Ергеней круто спускаются к Сарпинской низменности. На западе они имеют пологие склоны, пересеченные долинами рек Донская Царица, Мышкова, Курмоярский Аксай и незаметно переходящие в Сальские степи. Ергени хорошо подходят для летних пастбищ, поскольку при богатом степном разнотравии располагают достаточным количеством находящейся близко к поверхности воды, благодаря многочисленным речкам и балкам. Летние пастбища улуса Берке также, очевидно, занимали этот район, где были оставлены курганные группы Семенкин, Дорофеевский, Вербовый Лог, Жутово, Ясырев. За сотни лет до калмыков монголы, впервые пришедшие на эти земли, не могли не отметить преимущества прикаспийской низменности для кочевого скотоводства: «Эта земля обильная пастбищами зимой и летом; есть в ней места прохладные летом со множеством пастбищ, и (есть в ней) места теплые зимой (также) со множеством пастбищ, то есть низменных мест на берегу моря» [Тизенгаузен, 1884. С. 26].

Улус Бату (рис. 3). В домоногольское время заволжские степи представляли собой пограничную область между собственно Половецкой степью и восточной частью Дешт-и-Кыпчак. В 1131 и 1153 гг. в этом районе был арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, который посетил там город Саксин, который, по мнению некоторых исследователей, мог возникнуть на развалинах хазарской столицы Итиль [Плетнева, 1990. С. 117]. Средневековый путешественник в качестве основного населения этого города назвал «сорок племен гуззов». Кроме того, в этом городе жили хазары, болгары и сувары [Путешествие, 1971. С. 28]. Город Саксин, вероятно, дал название определенному району заволжской степи, в котором проживали в XII – начале XIII вв. племена, также получившие прозвание «саксинов». Не исключено, что периферийное положение заволжских степей в это время позволило частично сохранить за собой эту территорию племенам огузов, признавшим власть половецких или кыпчакских ханов. Аналогичная ситуация, вероятно, складывается на западной границе южнорусских степей, где буго-днестровские печенеги также смогли сохранить определенную самостоятельность в рамках половецкой конфедерации племен. Разбитые половцами, печенеги и гузы, под именем «черных клобуков» и «торков», стали вассалами русских князей и тоже, тем самым, сохранили свой особый статус.

Относительного того, кем же были саксины в этническом плане, единой точки зрения нет. С. А. Плетнева и Г. А. Федоров-Давыдов считали, что саксины – это поволжское объединение половцев [Плетнева, 1990. С. 116-117; Федоров-Давыдов, 1966. С. 149-150]. Г. Н. Гарустович, полемизируя с ними, писал: «Хотя и можно констатировать присутствие половцев домонгольского времени на берегах Волги,

но это присутствие было больше похоже на символическое, нежели на реальное. И в связи с этим возникает вопрос о легендарном Саксине и саксинской группировке половцев. Пока этот вопрос продолжает оставаться открытым. С одной стороны, мы имеем туманные (в плане возможностей географической локализации) описания ал-Гарнати, а с другой – не имеем (практически не имеем!) архелогических памятников» [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С.256-257]. «Саксин не был частью Дешт-и-Кыпчака, а являлся самостоятельным регионом с полиэтническим населением. Саксинов невозможно отождествить с каким-то отдельным этносом, а сам термин «саксин» обозначал скорее политическую идентичность» [Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014. С.287]. Данная точка зрения мне кажется более обоснованной, поскольку письменные источники XII–XIII вв. обычно отмечают отличие народов этой области от половецко-кыпчакских племен и называют их «саксин». Арабский историк Эльджезери пишет о возвращавшейся после похода на половцев монгольской армии: «Отправились они (оттуда) в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингизхану, и освободилась от них земля кыпчаков» [Тизенгаузен, 1884. С. 28].

Окончательное завоевание области Саксин во второй половине 30-х годов XIII века коренным образом меняет значение заволжских степей. Итиль перестает быть границей, разделяющей Половецкую землю и восточный Дешт-и-Кыпчак. На ранее крайне слабо заселенные земли хлынул поток канглов и восточных кыпчаков, вытесненных из урало-аральского региона. В результате миграции из завоеванных монголами областей существенно увеличилось сначала кочевое, а потом и оседлое население региона. Возникли крупные и мелкие города. Левый берег Волги стал территорией улуса Бату – «доменом» хана, центром кочевого государства.

Протяженность маршрута кочевания улуса Бату составляла около 350 км. В полупустынных районах Прикаспийской низменности территория улуса ограничивалась узкой полосой вдоль левого берега Волги и Волго-Ахтубинской поймы не ниже 48 гр. с.ш. В заволжской степи кочевья улуса доходили до 51 гр. с.ш., а протяженность их на восток была гораздо больше за счет бассейнов левых притоков Волги; рек Торгун, Еруслан, Караман. По сравнению с правобережным улусом Сартаха, улус Бату занимал гораздо меньшую площадь, однако имел похожую структуру, заключающуюся в использовании зимой возможностей Волго-Ахтубинской поймы, а летом кочевание в бассейнах степных рек, в улусе Сартаха это левые притоки Дона, в улусе Бату – левые притоки Волги. Северной границей кочевания улуса Бату, вероятно, было устье р. Б. Иргиз, имевшее раньше густую лесную растительность.

Зимние пастбища улуса Бату занимали узкую полосу побережья Ахтубы от Верхнеахтубинского до Царевского городища (Сарай ал-Джадид). Сельскохозяйственная округа второй столицы Золотой Орды, сплошь занятая различными строениями, садами и полями, была очень привлекательна для зимовки кочевников. Окрестности Сарая, известные в XVIII в. как Царевы Поды, или царские луга, очевидно, и раньше использовались для прокорма крупного рогатого скота и лошадей. Содержание овец и верблюдов в условиях полупустынных

ландшафтов Прикаспийской низменности также не представляло больших проблем, поскольку сравнительно теплая зима, часто без устойчивого снежного покрова, вполне позволяла держать стада на подножном корму из полыни и солянок.

Наибольшее скопление кочевнических курганов на этой территории совпадает с расположением многочисленных оседлых городков и поселений, что позволяет говорить о существовании значительной контактной зоны двух культурных традиций Золотой Орды. Курганные могильники золотоордынских номадов находятся в непосредственной близости с грунтовыми некрополями оседлого населения. Среди родовых кладбищ кочевников все чаще встречаются мазары и мавзолеи. Современные археологические исследования крупных могильников показали, что некоторые из них могли насчитывать до сотни погребений и более – Бахтияровка I, II, III, Маляевка. Такие археологические памятники уникальны и не встречаются нигде более на территории Золотой Орды.

На карте XIV века на месте напротив города Укек на левом берегу Волги нанесен значок и подпись «*uolachi*», близкое тюркскому слову «*яйлак*» – летовка [Чекалин, 1889. С.18]. Археологические исследования Саратовского Заволжья выявили значительное поселение (около 60 гектаров) на левом берегу р. Б. Караман в урочище «Лисья балка» близ с. Советского, которое предположительно может быть сопоставлено с летней ставкой улуса Бату [Недашковский, 2000. С. 126]. Месторасположение осенне-весенних пастбищ улуса не совсем ясно, очевидно, они занимали промежуточное положение между летовкой и зимовкой, возможно, в районе Быково, где исследован достаточно крупный могильник, около 30 курганов. Распределение летних пастбищ требовало деления улуса на более мелкие части, поэтому в более северных широтах, на территории Саратовского Заволжья, могильников становится значительно больше, а количество захоронений в них уменьшается (в среднем 5-6 захоронений) – Покровск, Зауморье, Ровное, Мирное, Березовка.

Археологические данные о курганных могильниках дают определенное представление о плотности кочевого населения Золотой Орды, на примере самого маленького по протяженности перекочевок (всего 350 км), но и самого густонаселенного улуса – Бату. В книге «Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа» Л. Ф. Недашковский приводит сведения о количестве курганных погребений в 60 км (2-3 дня пути) зоне вокруг золотоордынских городов Укек и Сарай ал-Джадид. Сравнение этих выборок показало, что в зоне летовок улуса Бату (округа Укека, на Левобережье Волги) насчитывается 15 курганных групп, а общее количество погребений 84, в то время как в зоне зимовки улуса (округа Сарая ал-Джадид на Левобережье Волги) их гораздо больше, соответственно 26 курганных групп и 399 погребений. Маловероятно, что в зимнее время кочевники умирали почти в пять раз чаще, чем в летнее, просто на зимовках улуса Бату плотность населения была гораздо выше (очевидно, именно в 4-5 раз), чем на летних пастбищах, когда не было необходимости сбиваться в большие группы на относительно небольшой территории Волго-Ахтубинской поймы.

Мангытский улус (рис. 4). Памятников кыпчакско-половецкого времени в этом регионе сохранилось крайне мало. Полное отсутствие половецких изваяний в бассейнах рек Самара, Иргиз, Узень и отдельные погребения XI – начала XIII вв. позволяют предположительно считать этот район пограничным между землями саксинов в Заволжье и степными пространствами между Уралом и Иртышом, которые в то время «принадлежали скорее канглам, нежели кыпчакам» [Костюков, 2010. С.132]. Доминирующими племенами восточной части Дешт-и-Кыпчака, по мнению Г. Н. Гарустовича, были канглы, огузы и кыпчакское (монгольское?) племя ольберлик. Ольберлик возглавлял восточных кыпчаков, канглы главенствовали в конфедерации кочевых племен Приаралья, а огузское племя чертан кочевало в Волго-Уральском регионе [Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014. С.287]. В домонгольский период присутствие кыпчаков в степях Урало-Поволжья было настолько незначительным, что говорить об их влиянии на ход формирования этнической карты региона не приходится [Иванов, 2013. С.94].

В середине XIII в. Гильом Рубрук писал о кочевании по обоим берегам Яика двух тысячников, поэтому вполне логичным будет предположить существование кочевого владения между улусом Бату в Заволжье и улусом Шибана, начинавшимся на левом берегу Урала [Путешествие, 1957. С.70]. Однако археологического подтверждения это предположение не находит. Если на Левобережье Урала известен ряд курганных могильников (нижнее течение до поворота русла реки на восток): Мамбеталы, Базартюбе, Челкар, Лебедевка, Жарсуат, Алебастрово, то на Правобережье их нет. На Правобережье р. Урал золотоордынские курганы появляются только в том месте, где река уже не течет с севера на юг, а изгибается с запада на восток, поэтому о меридиональных перекочевках там говорить не приходится, да и район этот скорее можно отнести уже к Южному Приуралью, а не Волго-Уральскому междуречью [Иванов, Кригер, 1988. С. 73-80].

В XIII в. на Правобережье Урала в его нижнем течении плотность населения была невелика. Хотя у Рубрука есть указание на существование там владений какого-то тысячника – этого было абсолютно недостаточно, чтобы в этом районе сложилась определенная пастбищно-кочевая система. Ее появление могло произойти не ранее второй половины – конца XIV в., и было связано с значительным увеличением кочевого населения в Волго-Уральском регионе, мигрировавшего с соседних, более освоенных кочевниками степных регионов. Первые признаки «кризисных демографических явлений» среди кочевого мира Золотой Орды начались уже в период правления хана Узбека и особенно отразились на центральных, столичных районах. Перенаселение поволжских улусов вело к истощению природных ресурсов степи и возникновению структурного социально-экологического кризиса. Столетие интенсивного использования пастбищ нарушило равновесие пастбищных экосистем. Следствием этого явилась «Великая Замятня» (1360–1380), которая «была не только борьбой за власть, но борьбой за пастбища, контроль над распределением которых государство утратило еще при Узбек-хане, борьбой за ресурсы, за маршруты

кочевков, а самое главное – борьбой за зимние пастбища – гарантии выживания» [Кульпин, 2006. С. 93–94].

В условиях экстенсивного скотоводства социально-экологический кризис кочевого хозяйства требовал освоения новых территорий, что, вероятно, и предопределило появление улуса Мангыт. В первой главе уже излагались обстоятельства появления и усиления клана мангытов в Золотой Орде. Хотелось бы дополнительно остановиться на локализации этого улуса в Волго-Уральском междуречье. Традиционно считается, что в XIV в. мангыты обитали на территории Джагатайского улуса, в районе Арала и Амударьи, а в XV в. их юртом было междуречье Яика и Эмбы [Трепавлов, 2001. С. 52–55, 70]. На наш взгляд, переселение мангытов в Волго-Уральское междуречье произошло раньше, а первоначальная территория мангытского юрта в Золотой Орде располагалась западнее и включала бассейны рек Самара, Бузулук, Иргиз, Камелик, Узень. Основанием для такого суждения являются данные о природно-климатических условиях этого региона и курганных могильниках золотоордынского времени, исследованных там.

Предположительная протяженность кочевания улуса в меридиональном направлении 600-650 км. С запада он граничит с улусом Бату, летние стойбища которого доходили до бассейнов рек Большой и Малый Караман. Восточной границей кочевого владения была река Урал, за которой простирались владения улуса Шибана. На юге улус достигал 48 гр. с. ш., района Камыш-Самарских озер, которые расположены на северо-восточной границе Прикаспийской низменности, в низовьях рек Большой и Малый Узень. В полупустынных районах улус, вероятно, ограничивался бассейнами этих рек, а в степных и лесостепных располагался по берегам левых притоков Волги, на территории современных Саратовской и Самарской областей. Северной границей улуса был район Самарской Луки, хотя отдельные курганные могильники известны на территории Татарстана в районе 54 гр. с.ш.

Использование кочевниками улуса Мангыт в качестве зимних пастбищ Камыш-Самарских озер, в первую очередь, определялось возможностями обширных заливных лугов этого региона, что позволяло обеспечить сеном сотни тысяч голов скота. Недостаток воды в Рын-Песках, занимающих почти все Волго-Уральское междуречье в этом регионе, заставлял прибегать к использованию колодцев (худуков), в то время как возможности Камыш-Самарских озер позволяли не думать о добычании питьевой воды. Большая часть озер является проточными, среди них есть водоемы как с горько-соленой (озера Сары-Кулак и Аксор), солоноватой (озера Риам и Сарай), так и пресной водой (озера Гуще-Кулак, Туше-Кулак, Чулак-Копа, Старицкое и т.д.)³⁴. Весной они зачастую

³⁴ По всей вероятности, Рын-Пески в золотоордынское время не были районом, привлекательным для скотоводства. За редким исключением (курганы у соленого бессточного озера Боткуль, станция Сайхин), золотоордынские могильники там не встречаются. Вероятно, освоение этого района в значительной степени в хозяйственном отношении и, как следствие, становление ПКС, началось лишь в 1801 г., с переселением из Младшего Жуза пяти тысяч семей казахов, названных Букеевской Ордой. Летом они кочевали в Рын-Песках, зимой жили оседло в районе Камыш-Самарских озер, в поселках Ханская Ставка (п. Урда) и Новая Казанка. Вполне

полноводны, но к концу лета все эти озера почти пересыхали. В золотоордынское время в районе низовьев Узень и Камыш-Самарских озер возникает большое количество курганов, позволяющее с уверенностью считать это место постоянной зимовкой кочевников улуса. Наиболее известны такие курганные группы как Сары-Айдин, Кара-Оба, Риам, Сакрыл, Жанаулем и т. д. Некоторые из них являются достаточно крупными – это могильники Новая Казанка и Мокринский³⁵.

Весенний период кочевания улуса, вероятно, был очень непродолжительным, поскольку за несколько недель, когда происходило таяние снега, едва заметные бессточные ручьи превращались в полноводные реки, было необходимо отогнать скот в степь. Характерной особенностью этого региона было то, что большинство рек имеет преимущественно снеговое питание, а после паводка вода сохраняется лишь в редких плесовых ложбинах. Даже достаточно крупные реки Большой и Малый Узень и правые притоки Урала: Кушум, Деркул, Чаган значительно пересыхали летом. Недостаток воды, наступающий с приходом тепла, вероятно, диктовал необходимость не задерживаться на весенних пастбищах в бассейнах этих рек, поэтому золотоордынских памятников там обнаружено не много: Сулак, Римско-Корсаковка, Новоузенск, Таловка, Зеленый, Мамбетбай, Ногай-Чижен.

В летний период большая часть улуса кочевала по р. Б. Ирғиз и ее притокам, где были оставлены могильники: Пугачев, Давыдовка, Клевенка, Максютново, Светлое Озеро, Августовка, Теляковка. Другая часть улуса поднималась севернее и располагалась по притокам Волги, рекам Самаре и Кинелю: Александровка, Новопавловский, Гвардейцы, Кировский, Белый Ключ, Покровский, Утевка, Бугуруслановский. Отдельные кочевники улуса заходили далеко в лесостепь, где ими, вероятно, был оставлен Балымерский могильник³⁶.

очевидно, что использование Рын-Песков как составной части ПКС в это время определялось уже невозможностью использования другой схемы. Степные районы севернее Камыш-Самарских озер уже были плотно заселены, и кочевники, добровольно вошедшей в состав Российской империи, Букеевской Орды довольствовались еще не освоенной территорией – полупустыней и пустыней.

³⁵ Краниологические исследования черепов из Мокринского I могильника дают основание предположить, что он был оставлен мигрантами с востока, пришедшими сюда в XIV в. (согласно нумизматическим находкам могильник датируется 1310-1340 гг.). Характерно, что «в пределах степной зоны Восточной Европы эпохи Золотой Орды кочевники, представленные изученной серией черепов, относятся к числу групп с наиболее ярко выраженными монголоидными характеристиками» [Комаров, Китов, 2014. С. 87].

³⁶ В 1961 г. Е. А. Халиковой было исследовано несколько насыпей Балымерского могильника, находившегося на левом берегу Волги, южнее Булгарского городища. Балымерские курганы существенно отличались от мусульманских захоронений местного булгарского населения (курганные насыпи, северная ориентировка, жертвенные комплексы, форма могильных ям, богатый погребальный инвентарь), поэтому исследователь датировала их XIII веком, связывая с монгольским нашествием на Волжскую Булгарию в 1236 г. [Халикова, 1965.]. Дальнейшее археологическое изучение этого региона позволило датировать Балымерский могильник не ранее второй половины XIV в. [Руденко, 2009. С. 152-155.; Руденко, 2013. С. 189-211]. Такая датировка вполне соответствует времени «Великой Замятни» в Золотой Орде и формированию улуса «Мангыт». Р.М. Валеев считает, что функционирование могильника приходится на 1367-1395 гг. – период активных действий кок-ордынских царевичей, боровшихся за власть в Золотой Орде. Среди них наиболее известен Хасан (Асан), потомок хана Шибана,

Итак, в данной главе были предложены наиболее вероятные варианты меридиональных перекочевков улусов Сартах, Берке, Бату, Мангыт в рамках ПКС кочевников Нижнего Поволжья золотоордынского времени. Кроме того, есть основание полагать, что в этом регионе в позднезолотоордынский период на их базе сформировались четыре карачибейских кочевых клана – Кыйат, Мангыт, Салджигут, Конграт. Четыре карачи беи были главами доминировавших кланов не только в Большой Орде, но и в каждом из государств-преемников Золотой Орды. Вместе карачи беи составляли «государственный совет» и представляли интересы «земель» против верховного правителя – Чингизида, стоявшего во главе Казанского, Крымского, Касимовского, Астраханского ханства, или Большой Орды [Шамильоглу, 1993. С. 44-48; Шамильоглу, 2001. С. 24]. Вместе с тем следует признать, что система племен Золотой Орды глубоко не изучена. Однако в отдельных ее регионах, таких, как улус Шибана, существование главенствующих карачибейских племен (найман, карлук, кушчи, буйрак) уже в золотоордынское время практически не вызывает сомнений [Костюков, 2010. С. 99-109]. На наш взгляд, предложенная в последней главе данной книги аргументация позволяет экстраполировать кланы Кыйат, Мангыт, Салджигут, Конграт, известные как племена Большой Орды, в более раннее золотоордынское время и закрепить за ними территорию улусов Бату, Мангыт, Берке, Сартах³⁷.

который после бегства из Сарая в 1367 г., возглавлял болгарский улус до конца 1370-х гг. Определенные отличия балымерских курганов от других кочевнических захоронений Булгарского улуса Золотой Орды (могильник Песчаный остров, Лебединское и Рождественское погребения), вероятно, не случайны, поскольку их можно объяснить тем, что оставлены они одним из пришлых племен улуса Шибана (найман, буйрак, кушчи, карлук)[Валеев, 2009. С. 136]. На наш взгляд, учитывая нестабильную политическую обстановку в Золотой Орде, этим племенем вполне могли быть и мангыты.

³⁷ Улус и Клан Мангыт, в силу различных обстоятельств, сформировался гораздо позже трех других и занимал промежуточное положение между бассейнами двух крупнейших рек региона Волги и Урала. Сведения о природно-климатических и социально-экологических условиях Волго-Уралья, а также данные относительно исследованных там курганных могильниках золотоордынского времени, позволяют судить о его формировании не ранее второй половины XIV века. Во времена царствования золотоордынского хана Тохтамыша, мангыты уже были одним из влиятельных кланов и во многом определяли авантюристическую политику этого правителя. В Большой Орде – правопреемнице Золотой Орды в Нижнем Поволжье мангыты сохраняют свои позиции привилегированного карачибейского рода. После смерти хана Абулхайра (1468 г.) и последовавшего за ней распада государства кочевых узбеков Ногайская Орда уже проводила самостоятельную политику и значительно расширила свои владения за счет Сибирского (Тюменского) ханства. Летовки северо-восточного «Алтыулского» улуса ногаев располагались в верховьях Яика, Иртыша, Тобола, а зимовки – ближе к низовьям Сыр-Дарьи. В 1481 г. мангыты, уже в союзе с сибирским ханом Ибаком, нанесли сокрушительное поражение Большой Орде и захватили берега Итиля. Заволжские степи (улус Бату) стали наследственными владениями «Нурадынова» улуса. После окончательного разгрома Большой Орды в 1502 г. крымским ханом Менгли-Гиреем правый берег Волги – «нагорная сторона» – некоторое время является предметом ожесточенных столкновений ногаев и крымцев, однако в 1530-х годах междуречье Волги и Дона (улус Сартаха) окончательно отходит во владения ногайского бия Урака. Последним в конце 1550-х годов был образован улус Казы или Малая Ногайская Орда, возникший в бассейне рек Маныча, Кумы и Кубани (улус Берке). Таким

Заключение

«В тот же год пришли народы, о которых
никто ничего точно не знает, ни кто они,
ни откуда появились, ни каков их язык,
ни какого они племени, ни какой они веры.
И одни называют их татарами, другие говорят,
что они – таурмены, прочие – что они суть печенеги».

[Новгородская первая летопись, 1950.С.264].

Монгольские племена, так неожиданно оказавшиеся на границах средневековых европейских государств, по сути, не являлись каким-то единым племенем или народом. Монголы Улуса Джучи, обосновавшиеся на берегах Волги, состояли из нескольких кланов-племен южносибирского или центральноазиатского происхождения. Кияты, кунгираты, хушины, сайджиуты, кингиты, хадаркины, мангыты – это монгольские племена, присутствие которых подтверждается с наибольшей степенью вероятности в западной части Улуса Джучи – Белой Орде, отошедшей во владение хану Бату.

Не удивительно, что судьба этих племен, по воле Чингизхана обретших на Волге свою новую Родину, сложилась по-разному, поскольку одни из них были очень большими и влиятельными, другие – не очень, одни входили в конфедерацию Темучина, другие – поддерживали Джамуху, одни были «дарлекинами», другие – «нирунами», одни принадлежали к «степным» монголам, другие – к «лесным». Естественно, их статус существенно различался, поэтому есть основания утверждать, что возникло как минимум четыре типа этнических контактов монгольских и тюркских кочевых племен в Золотой (Белой) Орде.

Первый – ассимиляция путем вхождения монголов в родовую структуру кыпчаков на правах одного из племен конфедерации. Хушины, сайджитуты, кингиты были основой армии монгольского войска, полученной в удел Джучи, и были вынуждены заключать браки с представительницами местных племен, видимо, поэтому монгольский «военный контингент» уже во втором-третьем поколениях полностью ассимилировался.

Второй – ассимиляция на уровне рассеянного субстрата. Вероятно, эта судьба постигла небольшие группы кочевников: хадаркинов, татар, меркитов, кераитов, найманов, ойратов, входивших в сборные «тысячи» войска Бату в качестве отдельных «сотен». Их ассимиляция в силу их малочисленности происходила еще более стремительно.

Третий – образование определенного привилегированного клана, долгое время сохранявшего монгольские традиции и память о предках. Главенствующее

образом, улусная система Ногайской Орды в период своего расцвета в общих чертах копировала поволжские кочевые улусы золотоордынского времени и Большой Орды.

положение в Улусе Джучи киятской племенной аристократии и традиция заключения брачных союзов преимущественно с монгольскими племенами, в частности племенем кунгират, видимо, не могли не сказаться на определенных этнических отличиях. Особое положение кият-борджигинов, вероятно, было первопричиной появления понятия о существовании особого «золотого рода», или «белой кости», состоящего из потомков Чингизхана.

Четвертый – слияние, когда из двух и более компонентов появляется новый этнос. Кунгираты и мангыты сохранили свою племенную идентичность, не утратили единства и впоследствии превратились в значительные народности. Союз кунгиратов и киятов – основа родового эля Джучидов – обеспечивал их исключительное положение, поэтому нельзя сказать, что они бесследно растворяются в тюркской среде, как хадаркины, или становятся одним из многих тюркских племен Дешт-и-Кыпчак, как хушины, сайджиуты и кингиты. Мангыты пошли дальше кунгиратов и смогли создать собственное государство – Ногайскую Орду (1440 – 1643 гг.).

Принципиальное значение для образования единого массива тюрко-монгольских племен золотоордынских кочевников имеет вопрос политики монголов в отношении как половецко-кыпчакской аристократии, так и всего завоеванного населения степи. Различные точки зрения историков, иногда диаметрально противоположные, очевидно, оправдываются неоднозначностью военной кампании монголов по захвату Дешт-и-Кыпчак 1222 – 1242 гг. Образование улуса Джучи в 1207 г. изначально подразумевало развитие наступления монгольских войск на запад, в страны «Булар, Дешт-и-Кипчак, Башгурд, Рус и Черкес», поэтому эта война имела стратегическое значение для всей империи Чингизхана. Кампания проводилась в несколько этапов, имела различные тактические цели и охватывала разные театры военных действий.

На первоначальном этапе (1222 – 1227 гг.) перед монгольским корпусом Джебе и Субедея стояла задача разведки боем вероятного противника и оценка возможности завоевания плацдарма в половецкой степи. В это время монголы предпочитали тактику «выжженной земли». Исходя из целей монголов, на первом этапе завоевание волго-донских степей сопровождалось полным истреблением половецкой аристократии и разрушением родовой структуры кыпчаков. В то же время происходит массовое переселение монголов в Дешт-и-Кыпчак с целью обосноваться здесь всерьез и надолго.

На втором этапе завоевания (1228-1235 гг.) главной целью монголов было максимальное ослабление половцев и получение контроля над большинством территории Дешт-и-Кыпчак. В условиях степной войны это означало постоянные набеги на половецкие вежи, грабеж и угон скота, захват пленников и продажу их в рабство. Еще одной особенностью политики монголов на втором этапе завоевания было то, что отношение к кыпчакам становится более терпимым. Искусно используя противоречия между многочисленными степными кланами, монгольский улус, занимая центральное положение в Дешт-и-Кыпчак, постепенно подчиняет своей власти тюркские племена к западу и востоку, которые вместе с

гарантией безопасности от постоянных набегов получают статус «дружественных».

Третий этап завоевания кыпчакской степи (1236 – 1242 гг.) был связан с общим походом более десятка монгольских царевичей на «западные страны». Основная их задача в Дешт-и-Кыпчак в это время – подчинение всех кочевых племен и создание из них вспомогательных сотен и тысяч в своих туменах. Под знамена армии Бату становятся не только половецкая и кыпчакская аристократия, но и башкирские, мордовские, аланские князья со своими дружинами. Гарантией лояльности этих войск был широко использовавшийся тогда на Востоке институт заложничества. Пополнение монгольской армии за счет кыпчаков и других покоренных племен во время западного похода обеспечило победы монголов в Европе, сохранив от потерь их ударную группировку.

Итак, монголы достигли своей цели – кыпчакская степь покорилась. С момента первого столкновения армии монголов с кыпчаками в 1216 г. в приуральских степях до конца XIII в., когда в причерноморские степи возвращаются последние «эмигрировавшие» половцы из Венгрии, проходит три четверти века. За это время сменяются четыре «демографических поколения» кыпчаков и монголов, в результате чего вчерашние враги становятся если не побратимами или родственниками, то хотя бы добрыми соседями и верными союзниками в военных походах.

Возникновение Золотой Орды объективно изменило политическую и демографическую ситуацию в Великой Степи. В результате войны за обладание этими землями кыпчаки многое потеряли, но не были истреблены. Тот серьезный урон, который они понесли, вскоре был восполнен быстрым ростом кочевого населения Золотой Орды в конце XIII – первой половине XIV вв. Период демографического спада, связанный с «монгольским погромом», сменил период подъема, что в конечном итоге изначально и предопределило процесс появления «новых» родов и кланов кочевников в Улусе Джучи. Слияние родов тюрков и монголов, разделение их на части или появление из одного материнского нескольких дочерних кланов окончательно положило конец клановой структуре кыпчаков домонгольского времени. Во второй половине XIV в. Золотая Орда окончательно перестает быть «Кыпчакским царством» и становится «государством Узбеков». Этноним «узбек» пришел на смену «кыпчак» как собирательное имя для всего кочевого населения. Широкое распространение данного этнонима свидетельствовало о завершении процесса смешения тюрко-монгольских племен в Золотой Орде и появлении новой клановой структуры, позднее нашедшей отражение в так называемом «Перечне 92 племен илатийа, или «узбекских».

Клановая структура кочевых племен позднезолотоордынского и постзолотоордынского времени имела сложную иерархию. Однако объединяла их традиция выделения среди общей массы кочевых племен четырех главных – карачи-бейских кланов. Возникла она в тюрко-монгольской культуре достаточно давно, но вполне определенно она прослеживается в финальной стадии существования Золотой Орды, когда уже вполне явственно прослеживаются

контуры новых этнополитических образований – Казанского, Крымского, Астраханского ханств и Большой Орды.

Финальным этапом растворения некогда монгольских племен среди местных кочевых племен Нижнего Поволжья в конце XIV – начале XV вв. было образование таких карачибейских кланов, которые сохраняли в своем названии монгольские корни, хотя де-факто уже были тюркскими. Главы этих кланов – «карачи беи» входили в своеобразный «государственный совет» при хане. Каждый из кланов имел определенную территорию, населенную группой кочевых племен, объединенных под эгидой главного карачибейского клана. Определение территориальных границ этих групп представляется возможным путем выявления особенностей пастбищно-кочевой системы кочевников Нижнего Поволжья, возникшей еще в золотоордынское время. Стабильная пастбищно-кочевая система была необходимым условием формирования определенной этнотерриториальной общности. В золотоордынское время возникновение этих общностей поддерживалось территориально-административным делением Нижнего Поволжья на кочевые улусы Сартах, Берке, Бату, Мангыт. Позднее, во времена Большой Орды, те же территории контролировались карачибейскими кланами: Конграт, Сиджиут, Кийят, Мангыт. Сохранение конфигурации кочевых улусов является свидетельством существования на протяжении длительного времени природно-климатических условий, позволявших заниматься кочевым скотоводством в данной экологической нише – степях Нижнего Поволжья – в XIII-XVI вв.

В заключение, необходимо определиться со статусом данной книги. Несмотря на присутствие небольшого научного аппарата (ссылки, список литературы), её по объёму и многим другим причинам никак нельзя отнести к разряду учебных пособий и тем более монографий. Данное исследование является одним из огромного количества научных и научно-популярных публикаций по истории Улуса Джучи, появившихся в последнее время. «Оправданием» возникновения этой книги являются главным образом два обстоятельства.

Первое – желание, как можно подробнее, исследовать процесс превращения монгольских племен в тюркские. Данный этнический феномен, имевший место в Золотой Орде, весьма важен для правильного осмысления истории кочевых тюркских народов более позднего времени. К сожалению, рост интереса к ранней этнополитической истории казахов, ногайцев, татар, башкир, каракалпаков нередко сопровождается стремлением найти их предков в глубокой древности. Само по себе, это совсем не плохо, если не сопряжено с вольными или не вольными историческими фальсификациями, когда, например, на основании присутствия в перечне племен и родов казахских жузов монгольских этнонимов XII-XIII вв. они объявляются «древнеказахскими». Абсурдность таких националистических построений для профессионального историка очевидна, что совершенно не мешает их развитию в медиапространстве и особенно – в интернете.

Второе обстоятельство – необходимость обоснования нового варианта сравнительного анализа археологических памятников (курганов) золотоордынских кочевников Нижнего Поволжья. В отличие от традиционных методов выявления

особенностей культуры поздних кочевников, предлагается взять за основу принцип становления стабильной пастбищно-кочевой системы в конкретном регионе, и уже на основании её наличия в определенный отрезок времени, разделить весь массив погребений на группы с целью выявления их этнографических особенностей. Накопленный к настоящему моменту материал вполне позволяет заново провести статистический анализ погребального обряда золотоордынских кочевников Нижнего Поволжья, а жизнеспособность предложенной автором концепции покажет время.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Абулгази, 1958** – Абулгази, Родословная туркмен. Изд. АН СССР, 1958.
- Авляев, 1981** – Авляев Г.О. Этнонимы-тотемы в этническом составе калмыков и их параллели у тюрских народов // Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста, 1981.
- Алишев, 2009** – Алишев С.Х. Политика монголов к оседлым и кочевым народам // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII – XV вв.)». Казань, 2009.
- Аннинский, 1940** – Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII – XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М., - Л., 1940, Т.3.
- Антонов, 2009** – Антонов И.В. Образование Улуса Джучи // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII – XV вв.)». Казань, 2009.
- Антонов, 2012** – Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья (очерки этнической и политической истории). Уфа, 2012.
- Арзютов, 1929**, – Арзютов Н.К. Финский могильник XIII – XV вв, близ г. Аткарска // Труды Нижневолжского института краеведения. Саратов, 1929, Вып I.
- Арзютов, 1936**, – Арзютов Н.К. Аткарский курганный могильник, раскопки 1928 – 1930 гг. // Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения. Саратов, 1936, Т. VII.
- Ахинжанов, 1973** – Ахинжанов С.М. Из истории взаимоотношений кыпчаков и Хорезма // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
- Ахинжанов, 1995** – Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы, 1995.
- Бабинцев, 2013** – Бабинцев Р.В. Мордва в системе золотоордынской государственности // Известия Саратовского университета. 2013. Т.13, вып. 2.
- Бартольд, 1968** – Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Собр., соч. М., 1968. Т.5.
- Бойл, 2002** – Бойл Дж. Э. Посмертный титул Бату-хана // Тюркологический сборник 2001 г. // Тюркологический сборник, 2002.
- Боталов, 1994** – Боталов С.Г. Эпоха средневековья Урало-Ишимского междуречья: автореф.дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 1994.
- Бубенок, 2004** – Бубенок О.Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII – XIV вв.). Киев, 2004.
- Бубенок, 2013** – Бубенок О.Б. Политика монголов по переселению народов на юге Восточной Европы во времена Александра Невского // *Rossica abtiqua*. 2013(2).
- Валеев, 2009** – Валеев Р.М. Хозяйственная и торговая деятельность населения средневолжского региона Золотой Орды в XIII – начале XV веков (к проблеме взаимодействия городского и сельского населения) // Золотоордынская цивилизация. 2009. Вып. 2.
- Винсент из Бове, 2006** – Винсент из Бове. Историческое зеркало // Книга странствий. /Пер. Н. Горелова. СПб., 2006.

- Владимирцов, 1934** – Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1934.
- Галданова, 1986** – Галданова Г.Р. Хондогоры – хунгирады? // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Уде, 1996.
- Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998** – Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа, 1998.
- Гайтон, 2006** – Гайтон. Цветник историй земель Востока // Книга странствий. /Пер. Н. Горелова. СПб., 2006.
- Греков, Якубовский, 1950** – Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л. 1950.
- Гумилев, 2001** – Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 2001.
- Гумилев, 2007** – Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2007.
- Доманин, 2010** – Доманин А. Монгольская империя Чингизидов. Чингизхан и его преемники. М., 2010.
- Дмитриев, 2004** – Дмитриев В.С. Элементы военной культуры монголов (на примере анализа сражения в местности Калаалджит-Элет) // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Уде, 2004.
- Добролюбский, 1986** – Добролюбский А.О. Кочевники северо-западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986.
- Евглевский, Потемкина, 2000** – Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2000. Вып. 1.
- Евглевский, Потемкина, 2000а** – Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2000. Вып. 1.
- Егоров, 1985** – Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. М., 1985.
- Зайцев, 2004** – Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004.
- Зеленский, 2013** – Зеленский Ю.В. Кипчаки в Подонье и Предкавказье в XI – XIV вв. // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...). Казань, 2013.
- Золотая Орда, 2003** – Золотая Орда в источниках. Т.І. Арабские и персидские сочинения. М., 2003.
- Золотая Орда, 2009** – Золотая Орда в источниках. Т.ІІІ. Китайские и монгольские источники. М., 2009.
- Иванич, 2003** – Иванич М. Дафтар-и Чингиз-наме как источник по истории кочевых обществ // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556 гг. Казань, 2003.
- Иванов, Кригер, 1988** – Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М., 1988.
- Иванов, Яминов, 1993** – Иванов В.А., Яминов А.Ф. Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном Приуралье (сравнительно-типологическая характеристика) // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.
- Иванов, 2008** – Иванов В.А. Памятники кочевников Урало-Поволжских степей Улуса Джучи // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2008. Вып.1.

- Иванов, 2013** – Иванов В.А. «Кипчакизация» Урало-Поволжья по данным археологии // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...). Казань, 2013.
- Иванов, Гарустович, 2014** – Иванов В.А., Гарустович Г.Н. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX – XV вв.). Уфа, 2014.
- Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014** – Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа, 2014.
- Идегей, 1990** – Идегей: Татарский народный эпос. Казань, 1990.
- Ипатьевская летопись, 1998** – Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Москва, 1998.
- Измайлов, 2003** – Измайлов И.Л. Формирование этнополитического самосознания населения улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюрко-татарской исторической традиции // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223 – 1556 гг. Казань, 2003.
- История Золотой Орды, 2003** – История Золотой Орды. Сборник материалов. СПб., 2003.
- Исхаков, 2004** – Исхаков Д.М. Тюркотатарские государства XV – XVI вв. Казань, 2004.
- Исхаков, Измайлов, 2007** – Исхаков Д. М, Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар в VI первой четверти XIV в. Казань, 2000.
- Исхаков, Измайлов, 2007** – Исхаков Д.М, Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III - середина XVI вв.). Казань, 2007.
- Исхаков, 2009** – Исхаков Д.М. О клановом составе первоначального удела Шибана // Золотоордынское наследие. Казань, 2009, Вып. 1.
- Кадырбаев, 1992** – Кадырбаев А.Ш. Казахстан в эпоху Чингиз-хана и его приемников. XII-XIV века. Алма-Ата, 1992.
- Кадырбаев, 1997** – Кадырбаев А.Ш. За пределами Великой Степи. Алмааты, 1997.
- Кадырбаев, 2000** – Кадырбаев А.Ш. Тюрки Великой Степи в правящей элите юаньской империи при Хубилай-хане. 1260 – 1294 гг. //Восточный архив. 2000, №4-5.
- Кляшторный, Султанов, 2009** – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. СПб., 2009.
- Козинец, 2013** – Козинец С.Б. Топонимический словарь Саратовской области. Саратов, 2013.
- Комаров, Китов, 2014** – Комаров С.Г., Китов Е.П. Население Волго-Уральского междуречья в эпоху Золотой Орды (по материалам могильника Мокринский I) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014, №2
- Костюков, 2006** – Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчацким ханством?» // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Вост. Лит., 2006.
- Костюков, 2007** – Костюков В.П. Улус Джучи и синдром федерализма // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII. Магнитогорск; Новосибирск, 2007.
- Костюков, 2010** – Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII – XIV вв. Казань, 2010.

- Кравец, 2005** – Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж, 2005.
- Кравченко, 2003** – Кравченко Э.Е. Погребение знатного война XIII в. на реке Калке // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2003. Т.3.
- Крамаровский, 2003** – Крамаровский М. Г. Великая Орда Златая // Родина, 2003, №11.
- Кузеев, 1974** – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.
- Кульпин, 2006** – Кульпин Э.С. Золотая Орда. Процессы генезиса Российского государства. М., 2006.
- Кульпин, 2008** – Кульпин Э. С. Золотая Орда: Судьбы Поколений. М., 2008.
- Кумек, 1993** – Кумек Б.Е. Об этнонимии кыпчакской конфедерации Западного Дешт-и-Кыпчака XII – начала XIII вв. // Изв. НАН Республики Казахстан. 1993, №1.
- Кычанов, 1965** – Кычанов Е.И. Сведения «Юань-Ши» о переселениях кыргызов в XIII в. // Известия Академии Наук Киргизской ССР. Фрунзе, 1965, Т.V, Вып.1.
- Кычанов, 1995** – Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингис-хан. Личность и эпоха. М., 1995.
- Кычанов, 1997** – Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньжуров. М., 1997.
- Кычанов, 2013** – Кычанов Е.И. Великий Чингис-хан. «Кара господня» или «Человек тысячелетия»? М., 2013.
- Лубсан Данзан, 1973** – Лубсан Данзан. Алтан тобчи. М., 1973.
- Ляхов, 1999** – Ляхов С.В. Охранные раскопки в Саратовском Правобережье // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов, 1999.
- Марков, 1976** – Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
- Матузова, 1979** – Матузова В.И. Английские средневековые источники IX-XIII вв. М., 1979.
- Милюков, 1977** – Милюков Ф.Н. Природные зоны СССР. М., 1977.
- Минаева, 1964** – Минаева Т. М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1964. Вып.11.
- Нарожный, 2003** – Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах в XIII – XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2003. Т.3. Половецко-золотоордынское время.
- Недашковский, 2000** – Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.
- Недашковский, 2010** – Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., 2010.
- Новгородская первая летопись, 1950** – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950.
- Никоновская летопись, 1965** – Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Издательство АН СССР. М. 1965.

- Оллсен, 2008** – Оллсен Т.Т Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго – Уральском регионе в 1217 – 1237 годах // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6, Донецк, 2008.
- ПВЛ, 1950** – Повесть временных лет. М.-Л., 1950. Ч. 1.
- Плетнева, 1982** – Плетнева С.А. Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Плетнева, 1990** – Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.
- Почекаев, 2010** – Почекаев Р.Ю. Ханы Золотой Орды. СПб., 2010.
- Путешествие, 1957** – Путешествие в восточные страны. /Пер. А.И. Маленина. М., 1957.
- Путешествие, 1971** – Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. М. 1971.
- Ракушин, 2006** – Ракушин А.И. Кочевые улусы Золотой Орды (по материалам курганных могильников Нижнего Поволжья XIII-XV вв.) // Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов, 2006. Вып. 4.
- Рашид ад-Дин, 1952** – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.- Л., 1952. Т.I, книга первая.
- Рашид ад-Дин, 1952а** – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.- Л., 1952. Т.I, книга вторая.
- Рашид ад-Дин, 1960** – Рашид ад-Дин. М.- Л., 1960. Сборник летописей. Т.II.
- Рихард, 2006** – Рихард. О существовании Великой Венгрии, обнаруженной братом Рихардом во времена папы Григория IX // Книга странствий. /Пер. Н. Горелова. СПб., 2006.
- Руденко, 2009** – Руденко К.А. Балымерский курганный могильник эпохи Золотой Орды: вопросы датировки // Золотоордынское наследие. Казань, 2009. Вып. 1.
- Руденко, 2013** – Руденко К.А. Кочевники в Булгарском улусе Золотой Орды // Поволжская археология, 2013, № 2(4).
- Сабитов, 2012** – Сабитов Ж. М. Политическая система Золотой Орды: генезис основных политических институтов // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2012. Вып. 5.
- Сабитов, 2012а** – Сабитов Ж.М. Административная реформа хана Узбека // Ислам и Власть в Золотой Орде. Казань, 2012.
- Сабитов, 2012б** – Сабитов Ж.М. Кунгираты в Восточном Дешт и-Кипчаке в XIII-XV вв. // Вестник Евразийского национального университета. 2012. №3 (88).
- Сабитов, 2012в** – Сабитов Ж.М. Клановая система улуса Джучи: основные этапы развития // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань, 2012.
- Селезнев, 2009** – Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань, 2009.
- Селезнев, 2013** – Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII-XV веках. Воронеж, 2013.
- Сокровенное сказание, 1941** – Сокровенное сказание. М.- Л., 1941.
- Степи Евразии, 1981** – Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Султанов, 1982** – Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М., 1982.
- Тизенгаузен, 1884** – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечение из арабских сочинений. Т.I. СПб, 1884.

- Тизенгаузен, 1941** – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечение из персидских сочинений. Т. II. М.-Л., 1941.
- Трепавлов, 1993** – Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи в XIII в.: проблема исторической преемственности. М., 1993.
- Трепавлов, 2001** – Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М., 2001.
- Трепавлов, 2010** – Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010.
- Усманов, 2002** – Усманов М.А. Об особенностях раннего этапа этнической истории Улуса Джучи // Тюркологический сборник. 2001. М., 2002.
- Федоров-Давыдов, 1966** – Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Федоров-Давыдов, 1994** – Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Флетчер, 2004** – Флетчер Дж. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Уде, 2004.
- Фома Сплитский, 1997** – Фома Сплитский. История Архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997.
- Халиков, 1994** – Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, 1994.
- Халикова, 1965** – Халикова Е.А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР // Краткие сообщения Института Археологии. 1965, № 104.
- Хара-Даван, 1992** – Хара-Даван Э. Чингз-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV веков. Алма-Ата, 1992.
- Храпачевский, 2005** – Храпачевский Р.П. Военная держава Чингизхана. М., 2005.
- Храпачевский, 2006** – Храпачевский Р.П. К вопросу о первоначальной численности монголов в улусе Джучи // Труды Международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков», IV-V МНК Булгар-Волгоград. М. 2006.
- Храпачевский, 2011** – Храпачевский Р.П. Армия монголов в период завоевания Древней Руси. М., 2011.
- Цыбин, 1998** – Цыбин М.В. Юго-восток русских земель после монгольского завоевания // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. М., 1998.
- Чекалин, 1889** – Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье в XIV в. по картам того времени и археологическим данным // Труды СУАК. Саратов, 1889. Т.2, вып.1.
- Чингиз-наме, 1992** – Чингиз – наме. Алма – Ата, 1992.
- Чойсамба, 2008** – Чойсамба Ч. Завоевательные походы Бату – хана. М., 2008.
- Шамильоглу, 1993** – Шамильоглу Ю. «Карачи беи» поздней Золотой Орды: заметки по организации монгольской мировой империи // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.
- Шамильоглу, 2001** – Шамильоглу Ю. Направления в исследовании Золотой Орды // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001.
- Шенников, 1987** – Шенников А.А. Червлёный Яр. Л., 1987.
- Эрдниев, 1985** – Эрдниев У.Э. Историко-этнографические очерки, Элиста, 1985.

Юлиан, 2006 – Юлиан. Послание о жизни татар, написанное братом Юлианом // Книга странствий. /Пер. Н. Горелова. СПб., 2006.

Яминов, 2006 – Яминов А.Ф. Этнокультурная карта Южного Урала в эпоху Золотой Орды //Археология Южного Урала (проблемы культорогенеза). Челябинск, 2006.

Иллюстрации

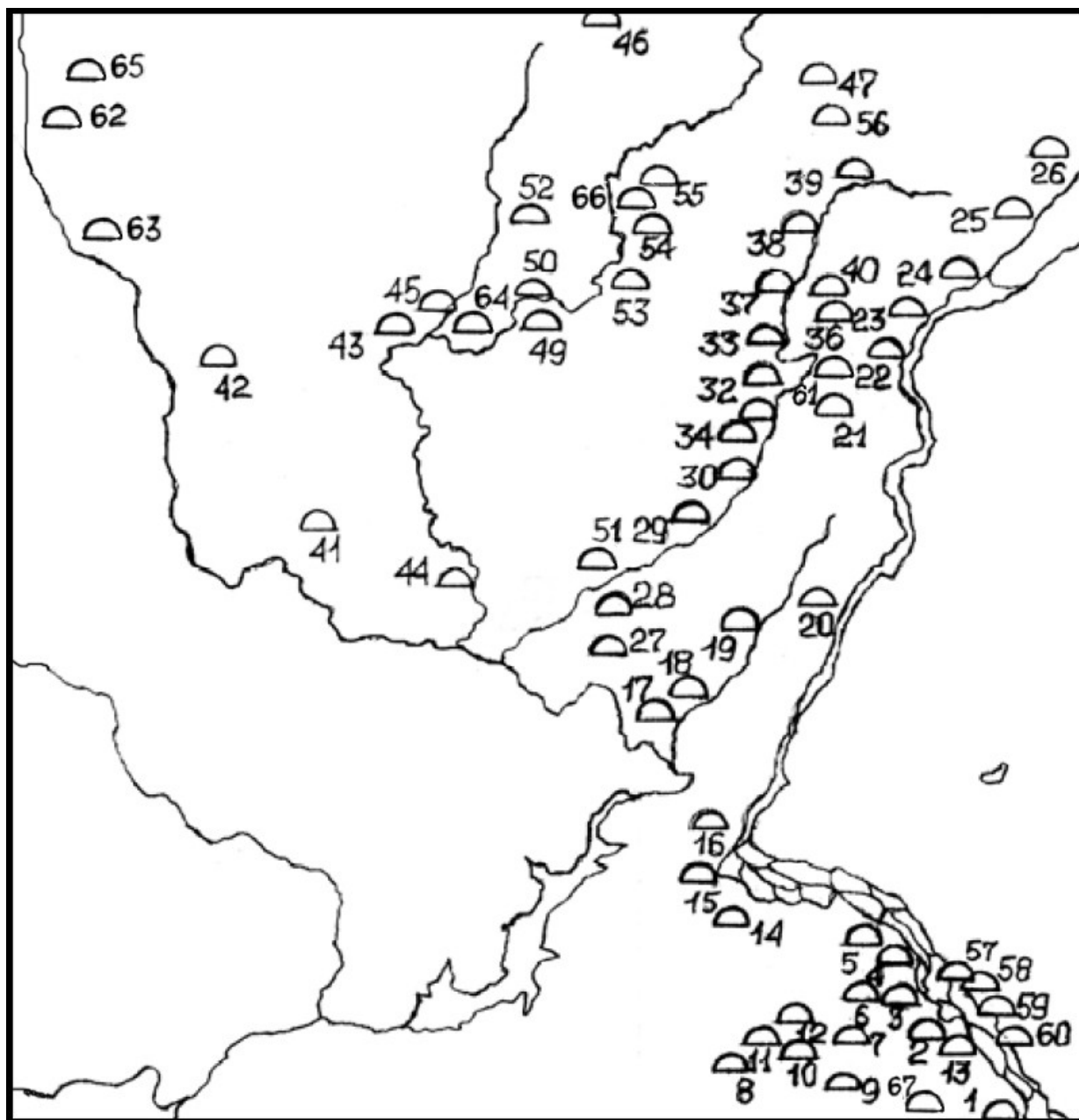

Рис. 1. Улус Сартаха.

1-Енотаевка, 2-Барановка, 3-Соленое Займище, 4-Черный Яр, 5- Старица, 6-Зубовка (Дмитриевка), 7-Кривая Лука, 8-Заханата, 9-Джангар, 10-Купцин Толга, 11-Гува, 12-Б.Царын, 13-Никольское, 14-Цаца, 15-Сарепта, 16-Мечетное, 17-Иловля, 18-Ютаевский, 19-Гусевка, 20-Камышин, 21-Рыбушка, 22-Саратов, 23-Усть-курдюм, 24-Чардым, 25-Медянниково, 26-Царевщина, 27-Шляховской, 28-Ветюнев, 29-Сидоры, 30-Сенной, 31-Белый Маар, 32-Двоенка, 33-Б.Князевка. 34-Рудня, 36-Липовка, 37-Лысые Горы, 38-Аткарск, 39-Петровск, 40-Б.Дмитриевка. 41-Новая Меловатка, 42-Сафроновка, 43-Шемякинский, 44-Попов, 45-Власовка, 46-Рамзай, 47-Асметовка, 48-Бурлук, 9-Свинуха, 50-Лесное, 51-Глазуновский, 52-Родионовка, 53-Ключи, 54-Крутец, 55-Машевка, 56-Марьевка, 57-Успенка, 58-Бутырки, 59-Батаевка, 60-Золотушенское, 61-Б. Копены, 62-Олень Колодезь, 63-Новый Буравль, 64-Третьяки, 65-Рыкань, 66-Мелик, 67-Иджил

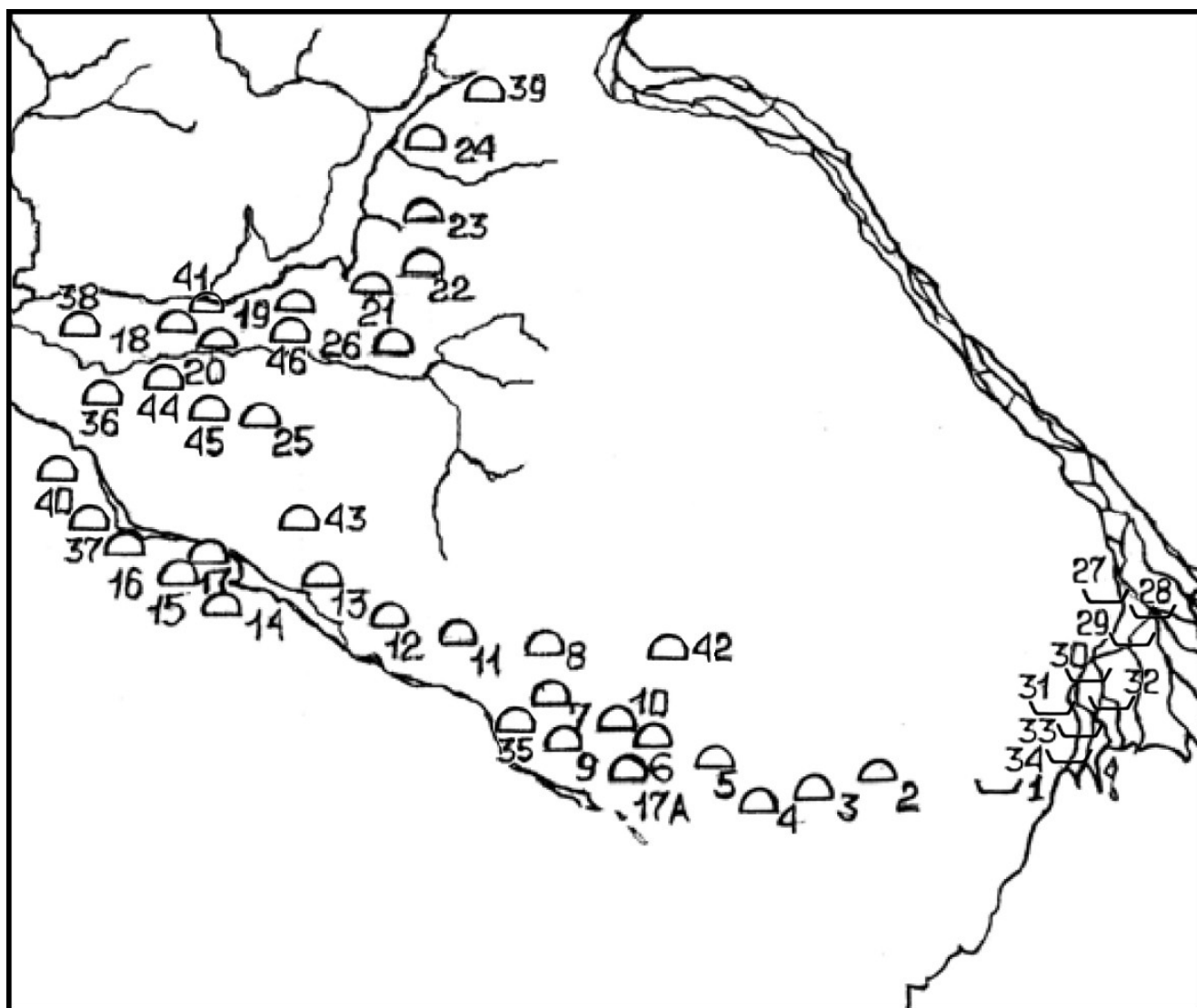

Рис.2. Улус Берке.

1-Бысы, 2-Старицкое, 3-Станция-6, 4-Станция-8, 5-Станция-10, 6-Три Брата, 7-Элиста, 8-Яшкуль, 9-Лола, 10-Гаршунский, 11-Бучкин-Булак, 12-Максимово, 13-Восточный Маныч, 14-Восточный Маныч (пр. берег), 15-Шихаевский, 16-Красный Кут, 17-Веселый, 17а-Архаринский, 18-Ясырев, 19-Вербовый Лог, 20-Семенкин, 21-Нагавский, 22-Терновский, 23-Дорофеевский, 24-Шебалино, 25-Каменная Балка, 26-Жутово, 27-Шаренный Бугор, 28-Мошаик, 29-Татарская Башмаковка, 30-Новые Булгары, 31-Восточное, 32-Икряное, 33-Маячное, 34-Караколь, 35-Шаред, 36-Карповка, 37-Тузлуки, 38-Центральный, 39-Дмитриевка, 40-Арпачин, 41-Романовская, 42-Волго-Чограй, 43-Козинка, 44-Ново-Садковский, 45-Кировский, 46-Подгорнецкий.

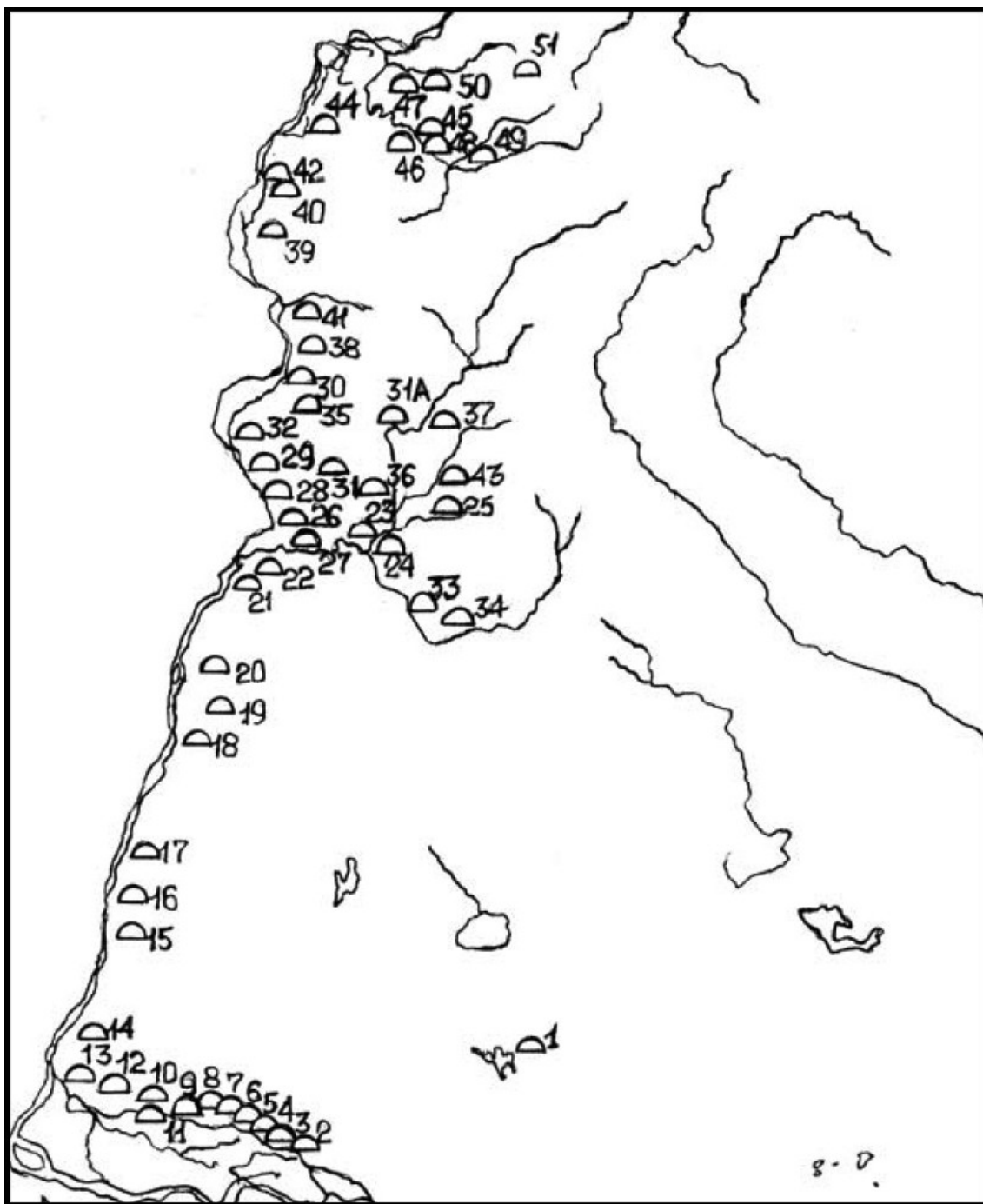

Рис.3. Улус Бату.

1-Сайхин, 2-Колобовка, 3-Солодовка, 4-Царев, 5-Маляевка, 6-Ленинск, 7-Бахтияровка, 8-8 марта, 9-Заплавное, 10-Первомайский, 11-Среднеахтубинское, 12-Калиновка, 13-Волжский, 14-Верхнепогромное, 15-Новоникольское, 16-Пролейка, 17-Степан Разин, 18-Быково, 19-Могута, 20-Комсомолец, 21-Политотдельское, 22-Бережновка, 23-Молчановка, 24-Осадная Балка, 25-Харьковка, 26-Курнаевка, 27-Лесной Кордон, 28-Иловатка, 29-Белокаменка, 30-Ровное, 31-Калиновский, 31а- Визенмиллер, 32-Потемкино, 33-Водянское, 34-Шульц, 35-Воронцовка, 36-Штрасбург, 37-Фриденберг(Мирное), 38-Кочетное, 39-Березовка, 40-Зауморье, 41-Скатовка, 42-Узморье, 43-Блюменфельд, 44-Покровск, 45-Суслы(Герцог), 46-Советское, 47-Боаро, 48-Козицкое, 49-Мариенталь, 50-Калмыцкий Бугор, 51-Каппенталь.

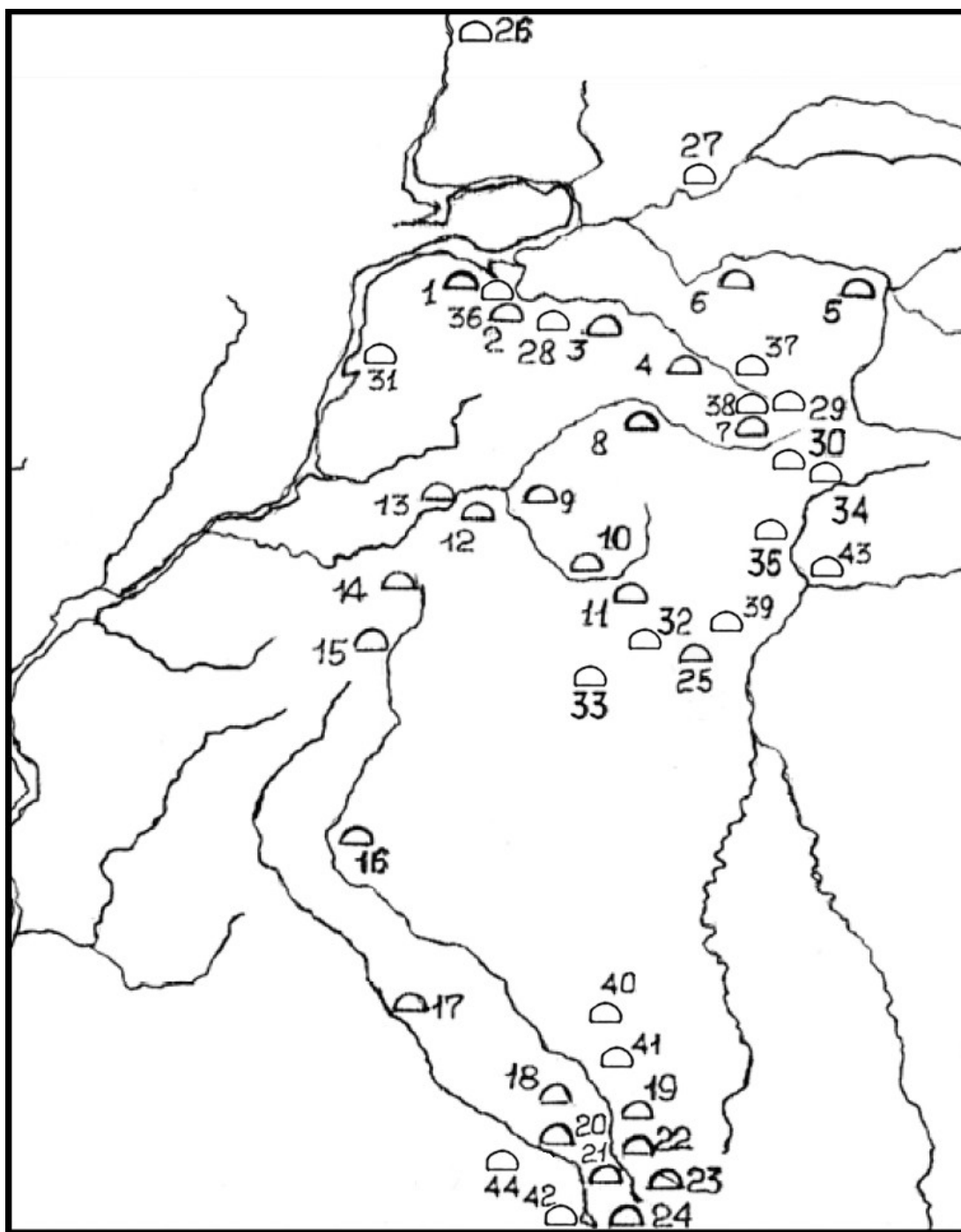

Рис.4. Мангытский улус.

1-Александровский, 2-Новопавловский, 3-Кировский, 4-Александровка на Вязовке, 5-Покровский, 6-Утевка, 7-Теляковка, 8-Августовка, 9-Клебенки, 10-Максютово, 11-Светлое озеро, 12-Давыдовка, 13-Пугачев, 14-Сулак, 15-Римско-Корсаковка, 16-Новоузенск, 17-Таловка, 18-Сары-Айдин, 19-Мокринский, 20-Кара-Оба, 21-Риам, 22-Сакрыл, 23-Жанаулем, 24-Новая Казанка, 25-Зеленый, 26-Балымеры, 27-Бугуруслановский, 28-Гвардейцы, 29-Белый Ключ, 30-Мустаево, 31-Абашевский, 32-Мамбетбай, 33-Ногай-Чижен, 34-Имангуловские курганы, 35-Рассыпинские курганы, 36-Аверьяновский, 37-Сорочинский, 38-Новосергиевский, 39-Шипово, 40-Федоровский, 41-Подстепное, 42-Ханская Ставка, 43-Шумаевский, 44-Саралжин

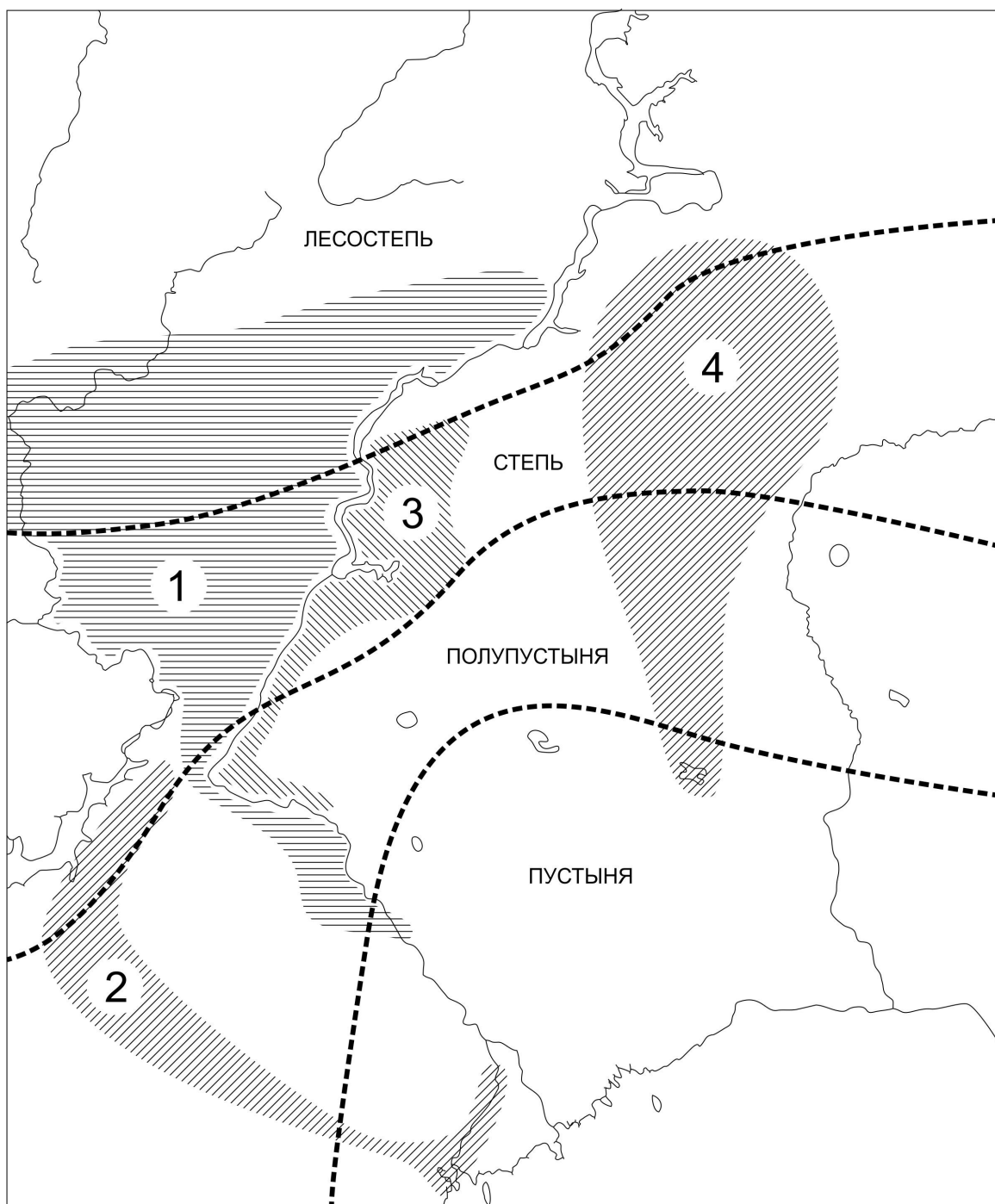

Рис.5. Экологические ниши пастбищно-кочевой системы
Нижнего Поволжья в XIII-XVI вв.

1-улус Сартах (золотоордынское время), кочевья Конграт, Сиджиут (Большая Орда), Орда Урака (Ногайская Орда); 2- улус Берке (золотоордынское время), кочевья Конграт, Сиджиут (Большая Орда), Малая Ногайская Орда или улус Казы (Ногайская Орда); 3- улус Бату (золотоордынское время), кочевья Кийят (Большая Орда), Нурадынов улус (Ногайская Орда); 4-Мангытский улус (золотоордынское время), кочевья Мангыт (Большая Орда), Большая Ногайская Орда или Коренной Юрт (Ногайская Орда)

«Джучи-хан с приданными ему нукерами из Ургенча пошел в Дешт-и-Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил всех попавших ему в руки кыпчаков...»

Абулгази хан Хивинский (1643-1663)